

Сандра Браун

Нечаянная радость

OCR Angelbooks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129573

Нечаянная радость: АСТ; Москва; 1998

ISBN 5-237-00442-3

Оригинал: SandraBrown, "Tidings of great joy"

Перевод:

О. В. Хитрук

Аннотация

Независимая Риа Лавендер искренне считала дивную ночь, проведенную с почти незнакомым ей неотразимым мужчиной, прекрасным мимолетным приключением – не более того. Но Тейлор Маккензи придерживался иного мнения, а потому беременность Риа явилась для него нечаянной радостью, великолепным шансом привязать любимую женщину к себе навсегда...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	36
Глава 3	61
Глава 4	89
Глава 5	112
Глава 6	133
Глава 7	159
Глава 8	186
Глава 9	211
Глава 10	234

Сандра Браун

Нечаянная радость

Пролог

– Я беременна.

Вождеделение, загоровшееся было во взгляде Тейлора Маккензи, скользившем от стройных бедер Риа вниз, к безупречной формы ногам, тут же погасло, и Тейлор, подняв глаза, уставился на Риа. Она не потеряла самообладания, но казалась удивленной реакцией Маккензи, который, должно быть, не расслышал ее.

– Что вы сказали?

– У меня будет ребенок.

Тейлор вмялся в широкое кожаное кресло за своим рабочим столом и изо всех сил пытался проглотить вставший в горле сухой ком.

«„Поздравляю“ в данном случае не совсем уместное слово», – подумалось ему.

Риа метнула в него эти слова, словно дротики в доску для дартса. В ее заявлении прозвучало нечто большее, чем простая констатация факта, – в нем содержался вызов. И тот же вызов читался в темно-зеленых глазах Риа.

– Благодарю за сообщение, но я мог бы подождать и до

официального приглашения на крестины, – беспечно заметил Тейлор.

– Вы первый, кто об этом узнал.

– Тому имеются веские причины?

– Более чем веские.

– Вы намекаете на то, что я имею к этому какое-то отношение?

– Нет, я ни на что не намекаю. Это ваш ребенок.

Если Риа Лавендер была холодна как лед, то Тейлора бросило в жар. Он уже и не помышлял о том, чтобы смочить пересохшее горло.

Слюнные железы окончательно «засорились», и Маккензи сомневался, возобновят ли они вообще когда-нибудь свою работу. Чтобы скрыть смятение, Тейлор коротко рассмеялся:

– Вы шутите?

– Нисколько, мистер Маккензи. Терпеть не могу комедии.

– Я тоже. Но все это, черт возьми, звучит именно так, – раздраженно заметил Тейлор.

– Даю вам слово, что никто не собирается врваться в ваш кабинет, чтобы приставить дуло пистолета к вашему виску.

– После вашего появления я бы этому не удивился. Но откуда вы взялись? Вы что, очаровали охрану или пригрозили гранатой?

– Я никого не очаровывала, – спокойно ответила Риа. – Я подала заявку, прошла все необходимые формальности, что-

бы попасть на прием к члену городского совета и...

– Простите, мисс Лавендер, но когда житель нашего города записывается ко мне на прием, я предполагаю, что речь пойдет о предстоящих выборах в городской совет, или о налоговых тарифах, или об увеличении количества автобусных маршрутов.

– Может быть, мне следовало посетить вас в офисе вашей компании, но я боялась, что вы решите, будто мой визит связан с бизнесом.

Маккензи запустил пальцы в свои густые волосы цвета темного красного дерева.

– Не могу поверить, что вы говорите все это серьезно.

– Я вполне серьезна.

– Так это не шутка? Не розыгрыш?

– Я не склонна к розыгрышам. – В голосе Риа прозвучала нотка превосходства.

– А откуда мне это известно? Я вас едва знаю.

Риа и Тейлора разделял лишь полированный письменный стол, и когда их взгляды встретились, Риа первой отвела глаза. Тейлор увидел, как ее щеки медленно заливал румянец.

«Так-то», – подумал Маккензи, чувствуя иссушающий жар, возникший с того самого момента, как Риа вошла в его кабинет.

Она не могла не покраснеть при мысли о том, насколько хорошо ее знает Тейлор. Особенно после их единственной встречи.

Глава 1

– Ах, ради Бога, простите!

– Ничего страшного.

– Но я же проткнула вам палец своей палочкой.

– Несколько хирургических швов, и рука будет как новенькая. – Он беспечно пожал плечами и пососал кровоточащую ранку.

– Мне очень жаль, – засмеялась Риа.

– Забудем.

– Прошу вас, возьмите креветку.

– Гм-м-м. Коли уж вы положили глаз именно на эту креветку, я даже мысленно не посмею претендовать на нее.

Риа улыбнулась, глядя в невероятно красивое лицо. Фигура человека, которому это лицо принадлежало, тоже была замечательно хороша: высокий, стройный, облаченный в темный костюм-тройку, белую рубашку и красный галстук. Красный галстук? Ну да – сегодня же сочельник. Красный галстук и красный платок, три уголка которого кокетливо торчат из нагрудного кармана как уступка праздничной традиции. На другом столь фривольная деталь выглядела бы довольно глупо, но этот щеголял платком без всякого ущерба для своей мужественности. Широкая белозубая улыбка тоже в немалой степени способствовала его привлекательности. Простодушная, открытая, добрая, делающаяся все теплее с

каждой минутой разговора. Не эта ли улыбка и ясные голубые глаза были причиной разливающегося в груди Риа жара?

– Риа Лавендер. – Она переложила тарелку в левую руку, чтобы правую протянуть новому знакомому.

– Тейлор Маккензи. – У него еще не было тарелки – только палочка для канапе, на которую Маккензи, словно на вертел, пытался нанизать ту же креветку, что и Риа.

Они пожали друг другу руки.

– Тот самый Тейлор Маккензи?

– Что значит «тот самый»?

Когда он улыбался, уголки его глаз слегка загибались вверх. Он любил улицу, и улица любила его. Ее влияние хранило его от определения «хорошенький». Впрочем, эти квадратные челюсти вряд ли подходили под такое определение.

– Вы тот знаменитый Маккензи из городского совета, кандидат в мэры?

– Тот самый, – утвердительно кивнул Тейлор. – Рад познакомиться, миссис Лавендер.

– Очень хитро.

– Что?

– Миссис Лавендер. Вы провоцируете меня на признание, замужем ли я.

Тейлор подмигнул и заговорщически понизил голос:

– Признаюсь, неизвестность меня убивает.

– Мисс. И никогда не была миссис.

– Надо же! – щелкнул пальцами Маккензи. – Мне постоянно феноменально везет!

Приятно пораженные внешностью друг друга, они молча уставились один на другого, пока кто-то случайно не толкнул Маккензи в спину.

– Ах, извините, еще креветку? – учтиво спросил Тейлор.

– Я уже поглотила до неприличия много этой вкуснятины, но все равно – благодарю вас.

Тейлор оглядел длинный праздничный стол, уставленный яствами.

– Поболтаем по-индейски? – спросил он, указывая взглядом на блюдо с индейкой.

Риа понравилось чувство юмора Маккензи. Да и вообще ей все в нем нравилось. К тому же она обожала индюшатину. Риа одарила Тейлора ослепительной улыбкой:

– С удовольствием.

Маккензи взял себе тарелку, и они двинулись вдоль стола, накладывая всего понемногу, хотя мысли обоих теперь меньше всего были обращены к чревоугодию. Открытый вечер в сочельник в новом доме Грэхемов был новинкой, и люди пришли сюда прежде всего по обязанности, предполагая смыться сразу же после представления хозяевам и обмена любезностями со знакомыми. Тейлор же напрочь забыл, что собирался, сославшись на занятость, извиниться перед хозяевами за ранний уход и улизнуть. Риа неожиданно полностью захватила его воображение.

– Где бы нам сесть? – спросил Маккензи, оглядывая переполненный гостями зал в поисках двух стульев за одним столиком. По всему залу то тут, то там за столиками имелись свободные места, но Тейлору, казалось, вовсе не хотелось, пользуясь своим положением, потребовать отдельный столик, что порадовало Риа.

– Скажите честно, – невольно спросила она, – как вы обычно ведете себя в подобной ситуации?

– Порой я отъявленный грубиян и в то же время явный недотепа, – заявил Тейлор с дьявольской усмешкой.

– Тогда следуйте за мной.

Многозначительно подмигнув бармену, Тейлор подхватил бутылку шампанского из ведерка со льдом и два бокала. Риа направилась к лестнице, ведущей наверх. Персидский ковер на ней был прикреплен к ступенькам бронзовыми штырями, но лестница все же выглядела как бы временной из-за своей свободнонесущей конструкции.

– У вас действительно сногшибательное платье, – заметил Тейлор, поднимаясь вслед за девушкой.

Риа бросила на Маккензи взгляд из-за плеча. Тейлор пожирал глазами ее спину, почти полностью обнаженную глубоким вырезом усеянного блестками голубого платья. Вырез спереди также смело открывал глубокую V-образную ложбинку между грудями. Узкая юбка заканчивалась точно на уровне колен, талию стягивал широкий пояс, накладные плечики тоже украшали серебристые блестки. Длинные прямые

волосы Риа, откинутае на одну сторону, стягивала блестящая металлическая заколка с искусственным жемчугом.

– Благодарю за комплимент.

– Всегда готов.

Лестница вела в галерею, с которой можно было наблюдать, что происходит в нижних комнатах.

– Великолепная идея, – похвалил Тейлор, разглядывая шумную толпу внизу.

– Рада, что в этом наши мнения сходятся.

Какое-то время они постояли у перил, глядя друг на друга. Глаза Тейлора говорили о том, что он с большим удовольствием полакомился бы нижней губкой Риа, нежели самым аппетитным из лакомств, лежащих на его тарелке. И Риа импонировал такой способ утоления голода.

– Сюда, пожалуйста, – торопливо пригласила она.

Риа провела Тейлора в просторную комнату, освещенную лишь отблесками огня, плававшего в камине, и разноцветными лампочками рождественской елки в углу. Обстановка комнаты состояла из белых кожаных диванов, мягких и пухлаых, как зефир, стульев. Высокие каблуки черных атласных туфель девушки почти полностью утопали в мягком густом ворсе ковра цвета ирисок. Риа пересекла комнату и поставила тарелку на стеклянную крышку кофейного столика.

– Выключатель слева, – сообщила она Тейлору, стоящему в широком дверном проеме и с одобрением обследующему комнату взглядом. – Но если у вас заняты руки, я могу сама

включить свет.

– А вы не будете возражать, если мы оставим все как есть?

Выдержав его взгляд, Риа покачала головой.

– Вообще-то мне тоже так больше нравится.

– Наши вкусы сходятся.

Маккензи подошел к Риа, стоящей между диваном и камином, и они оба по молчаливому согласию опустили на пол. Риа села, пождав ноги под себя, Тейлор – прислонившись спиной к дивану, вытянув одну ногу, а другую согнув в колене.

Маккензи умело откупорил бутылку, произведя звонкий хлопок, но не дав шампанскому пролиться. Риа слегка кивнула в знак признания такого мастерства и протянула свой бокал. Маккензи наполнил оба бокала и поднял свой, приответственно салютуя:

– Счастливого Рождества, Риа.

– Счастливого Рождества, Тейлор.

Глядя друг на друга поверх бокалов, они выпили.

– Гораздо лучше пунша с шампанским, – причмокнул губами Тейлор.

– Гм-м-м. – Прежде чем проглотить ледяной огонь шампанского, Риа позволила шипящим пузырькам немного поиграть у нее во рту. – Естественно.

Тейлор сунул в рот оливку.

– Откуда вы узнали о существовании этой потайной комнаты? – поинтересовался он.

– Я ее спроектировала.

Пораженный таким заявлением, Маккензи удивленно приподнял брови:

– Внутренний интерьер?

– Нет. Я только составила рекомендации по обстановке.

Как архитектор я проектировала стойки.

– Вы хотите сказать, что были архитектором, спроектировавшим этот дом?

Риа кивнула. Методично жуя помидор, фаршированный крабовым салатом, Тейлор вновь оглядел комнату под другим углом зрения: от ковра у них под ногами до сводчатого потолка, – и остался доволен тем, что увидел. Следя за взглядом Маккензи, Риа видела, что его глаза останавливаются на каждой конструктивной детали. Она ожидала похвалы и несколько удивилась, когда Тейлор неожиданно заметил:

– Снег идет.

Риа закинула голову и увидела сквозь стеклянную крышу, как в прозрачном вечернем небе порхают крупные, точно гусиный пух, хлопья.

– Как это прекрасно – встречать Рождество со снегом, – зачарованно прошептала она.

– Так и хочется запеть. Хотите, чтобы я что-нибудь исполнил?

– Вы поете?

– В душевой кабинке мой голос звучит грандиозно.

– Тогда, пожалуй, не стоит.

– Не верите, что я могу петь? Думаю, вам следовало бы присоединиться ко мне в душе, чтобы по достоинству оценить мой певческий талант.

Риа спокойно сделала глоток шампанского. Инсинуация звучала не обидно. Слишком уж обезоруживающей была улыбка Маккензи. И все же она была еще и сексуальна, словно обладатель намеренно придавал ей такой оттенок.

Опустив бокал, Риа из-под ресниц посмотрела на Тейлора.

– Правду о вас говорят, что вы опасны, мистер Маккензи.

– Кто говорит? – подозрительно спросил Маккензи, вылавливая на тарелке анчоус.

– Всякий, кто уличает вас в сердцеедстве.

– Ах, эти... – Тейлор скептически пожал плечами, что относилось одновременно и к выдвинутому обвинению, и к анчоусу, который он решительно вернул на тарелку. – Подобные слухи распускают мои политические враги.

– Или презренные женщины.

– Таких, кажется, не так уж и много, – печально улыбнулся Тейлор.

– Я не имела в виду, что вы несерьезный политик и бизнесмен, – искренне призналась девушка. Из газетных статей, посвященных Маккензи, Риа знала, что он владеет фирмой и ведет дела, связанные с энергоснабжением. – Несмотря на всю грязь, которую льют на вас оппоненты, я полагаю, вы одержите победу на выборах мэра.

– А вы будете за меня голосовать?

– Только в том случае, если вы нальете мне еще шампанского.

Риа кокетливо протянула бокал. Тейлор наполнил его до краев, поступив так же и со своим бокалом.

– Хотелось бы мне завоевывать все голоса с такой же легкостью. А почему вы собираетесь голосовать за меня?

– У вас прогрессивное мышление. Может быть, вы действуете немного по-детски – слишком открыто и агрессивно.

– Бликер называет меня опасным уличным хулиганом.

Риа рассмеялась характеристике, данной Маккензи его соперником на выборах.

– Не в бровь, а в глаз, хотя уверена, что Бликер не считает данное определение комплиментом. Не думаю, чтобы вы позволяли кому-нибудь запугивать вас.

– Вы правы. Я вырос на окраине – стопроцентный американский мальчишка. И водился с плохой компанией.

– Вы поразили меня своей склонностью к сотрясению основ. Некоторые люди боятся перемен, но я давно уже считаю, что этот городишко нуждается в хорошей встряске.

– Питаю надежду, что смогу растрясти все это болото в городском совете. Если меня выберут, – пробормотал Маккензи. – Черт возьми, – добавил он тем же тоном минуту спустя.

– Что?

– Я забыл положить себе индейку.

– Здесь есть немного, – протянула свою тарелку Риа.

Тейлор протестующе поднял обе руки.

– Ни в коем случае! Я не могу.

Опьянела ли она или протест Маккензи на самом деле был искренним, а потому довольно потешным?

– Берите, берите. Я настаиваю. В конце концов, я увела у вас креветку.

Риа взяла с тарелки кусочек белого мяса и протянула его Тейлору. Молодой человек посмотрел на индюшатину так, словно это был последний кусочек съестного на земле и он не имел права претендовать на него.

– Вы завоевали креветку в честной борьбе.

– Прошу вас. – Риа протянула руку ко рту Тейлора.

– Ну-у-у, если вы так настаиваете... Маккензи вгрызся в сочный кусок индюшачьей грудинки. Риа и представить себе не могла, что зубы тоже могут вызывать сексуальное возбуждение, но когда Тейлор откусывал мясо, она почувствовала теплую вспышку внизу живота. Это было чрезвычайно острое ощущение. Пальцы Риа оведало теплое дыхание Тейлора. Индюшатина была настолько нежной, что ее можно было бы отщипнуть вилкой, но Маккензи слегка покачивал головой из стороны в сторону, словно пытался разорвать его. Внутри у Риа все опустилось, словно она стремительно взлетела на высшую точку американских горок.

– Очень вкусно, – похвалил Маккензи.

– Нежное и сочное.

– У-у-ух.

Риа поняла, что Тейлор смотрит на ее губы. Глаза его не мигали – как у кота, приготовившегося к прыжку. Она плавила под этим пристальным взглядом голубых глаз. Взявшись за ножку бокала, Риа обнаружила, что пальцы ее дрожат. Пошевелившись, девушка заставила себя сбросить чары, и только тогда Маккензи отвел взгляд.

– Эта елка мне нравится больше, чем та, внизу.

Риа обрадовалась, что Тейлор сменил тему разговора. Напряжение в груди спало. Шум вечеринки доносился снизу, подобно рокоту далекого прибоя. Временами ровный гул прерывался взрывами смеха, но в основном единственными звуками в комнате оставались потрескивание яблоневых поленьев в камине и возбуждающий шорох одежды всякий раз, когда Риа или Тейлор делали какое-либо движение. Между ними установилась атмосфера типа «снимите туфли и почувствуйте себя уютно». Риа давно уже не чувствовала себя такой расслабленной. Где бы то ни было и когда бы то ни было. Не испытывала подобного дух захватывающего предчувствия. Следуя мерам безопасности, она все же не стала снимать туфли. Риа взглянула на елку. Пушистые зеленые ветки рождественского дерева украшали мигающие разноцветные лампочки, стеклянные шары, мишура и большие конфеты в блестящих обертках из фольги.

– Мне тоже эта елка нравится больше, – согласилась Риа. – Я предпочитаю старомодные вещи.

– Их так и хочется понюхать.

– Верно. Та елка внизу, в гостиной, огромная, но такая официальная.

– И не подходит.

– Ее украсил профессиональный декоратор. А эту, сразу видно, наряжала семья. Украшения развешаны без всякой системы.

У хозяев дома – супружеской пары Грэхемов – было несколько взрослых детей и куча внуков. Риа представила себе смех, добродушное поддразнивание, визги удовольствия, эхом отражающиеся от этих стен, когда завтра утром здесь будут вскрываться бесчисленные коробки с рождественскими подарками.

Наклонившись ближе к Риа, Тейлор прошептал:

– Держу пари, если посмотреть на них поближе, то большинство украшений окажутся потускневшими и побитыми.

Риа мечтательно кивнула.

– Но они – самые веселые. Чем старше, тем лучше. Они хранят в себе память о прошлых рождественских праздниках, и связь эта никогда не прервется.

Тыльной стороной ладони Тейлор погладил щеку Риа.

– У леди архитектора весьма сентиментальный характер.

Спина Риа покрылась мурашками от удовольствия.

– Каюсь, грешна.

Насытившись, они оставили тарелки, испытывая теперь голод иного рода. И не было смысла это отрицать. Тейлор без тени смущения уставился на Риа.

– Никогда еще мне не приходилось сражаться на палочках для канапе с кем-либо столь же прекрасным, как вы. Вы уверены, что существуете на самом деле?

«Прикоснись ко мне и узнаешь», – вертелось на языке Риа, но она предпочла воздержаться от подобных предложений.

Маккензи, казалось, готов был наброситься на нее и растерзать в порыве страсти. Если верить слухам, в своих ухаживаниях Тейлор Маккензи никогда не нуждался в поощрении. Даже если слухи эти и распространились злобными политическими противниками Маккензи, они, без сомнения, имели под собой реальное основание. Риа была достаточно здравомыслящей, чтобы прийти к такому выводу, глядя на мягкие черты лица Тейлора и его чувственную улыбку. И то же здравомыслие позволило ей оказать сопротивление чарам Маккензи. Потому Риа решила придерживаться легкого дружеского флирта.

– О, я действительно реальна. Чего вы не знали, – растягивая слова, призналась она, – так это того, как неприлично заурчал мой желудок, когда я положила глаз на ту жирную креветку.

– Теперь тихо. – Тейлор приложил указательный палец к губам Риа. – У меня от ваших слов начинают течь слюнки.

«Достаточно!» – подумала девушка. Ситуация выходила за рамки флирта и становилась небезопасной. Это у Риа от слов Маккензи начали течь слюнки. Слабо освещенная ком-

ната, огонь в камине, рождественская атмосфера – все это оказывало на нее опасное действие. Она чувствовала, что теряет контроль над ситуацией, и поняла, что должна взять себя в руки.

– Не лучше ли нам спуститься вниз и пообщаться с гостями?

Маккензи нахмурил брови, но, казалось, согласился с целесообразностью предложения Риа. Не следовало слишком торопить события.

– Мне тоже так кажется. Внизу полно избирателей.

Тейлор поднялся и предложил даме руку, которую Риа с радостью приняла. Ей следовало бы поесть плотнее: шампанское начинало шуметь в голове, и ноги ослабли. Поднявшись, Риа слегка пошатнулась. Тейлор, чтобы поддержать ее, обнял одной рукой за талию и прижал к себе.

– Все в порядке? – Его весело-ворчливый голос напомнил Риа звуки, издаваемые самцом какого-то брачующегося животного, виденного ею в телепередаче.

– Да, прекрасно.

Тейлор отпустил Риа, но она почувствовала, с какой неохотой он это сделал. Прихватив тарелки, они спустились вниз.

– Мне нравится дом, – сказал Маккензи. – Очень оригинальный. Современный, но не бездушный.

– Мне самой понравилось, как все получилось, – скромно заметила Риа.

– Не позволяйте ей уваливать от ответа. Они обернулись на голос хозяйки. В немыслимом платье, шуршавшем при каждом ее движении, лучась радушной улыбкой, к ним подошла разодетая в пух и прах миссис Грэхем и с чувством заключила Риа в объятия.

– Она невообразимая скромница, Тейлор. Очень рада, что вы познакомились с самым гениальным и оригинальным архитектором нашего города. Я устроила весь этот там-тара-рам с единственной целью – продемонстрировать всем мастерство Риа.

– На мой взгляд, у вас великолепный вкус, – улыбнулся Тейлор своей неотразимой улыбкой. – И по части дома, и по части архитекторов.

Миссис Грэхем взяла Риа за руку и потащила ее прочь от Маккензи.

– Одна моя приятельница умирает от желания познакомиться с тобой, Риа. Она просто зеленеет от зависти по поводу моего дома и хочет занять нечто подобное. Денег у нее куры не клюют... Ради Бога, Тейлор, не смотрите с таким унынием. Вы еще пообщаетесь с Риа чуть позже. А теперь будьте пай-мальчиком и займите себя чем-нибудь. Вон сколько интересных гостей. Думаю, в игровой кто-нибудь наверняка играет на бильярде.

Маккензи поймал Риа спустя три четверти часа. Она стояла в группе, собравшейся вокруг белого рояля. Тейлор проскочил украшенные ветвями остролиста комнаты, игнори-

руя обращенные к нему приветственные возгласы, и встал рядом с Риа, присоединившись к хору, распевавшему старинную рождественскую песенку.

– Привет!

– Привет! Сыграли на бильярде?

– Ага. И выиграл. Но я не стал собирать фишки: в Рождество я всегда расположен к благотворительности.

Гости запели новую песню. Риа и Тейлор присоединились к хору. В середине второго куплета Риа наклонилась в сторону Маккензи.

– Вы были правы. Вы...

– Что? Я вас не слышу.

Тейлор склонил голову, подставив ухо к самым губам Риа, чтобы расслышать ее слова сквозь громкие аккорды.

– Вы были правы, – повторила Риа. Маккензи вопросительно посмотрел на нее. – Вы не умеете петь.

Захочетав, Тейлор пожал локоть Риа. Вечеринка постепенно угасала. Погода быстро портилась, заставляя гостей подумать о благополучном возвращении домой. Риа и Тейлор вместе направились в комнату, где служанка присматривала за пальто. Когда она принесла шубу Риа, та заметила удивленный взгляд Тейлора. Приняв из рук служанки шубу-макси из чернобурки, Маккензи накинул ее на плечи Риа, а свое пальто перекинул через руку. Они направились к парадным дверям, где Грэхемы, прощаясь с гостями, желали им спокойной ночи.

– Очаровательный вечер. Спасибо, что пригласили меня, – поблагодарила Риа супругов и поцеловала хозяйку в щеку.

Миссис Грэхем с чувством пожала ее руку.

– Вечер очарователен, потому что очарователен мой дом, а мой дом очарователен, потому что очаровательны вы. И если вы думаете, что я позволю вам самой вести машину с этого холма в такую погоду, вы глубоко ошибаетесь.

– Но я постоянно езжу в снегопад! – воскликнула Риа.

– Не по таким крутым ухабам, которые мы по ошибке называем дорогой, – отрезала миссис Грэхем.

– Буду счастлив отвезти ее домой. – Тейлор шагнул вперед, словно доброволец из шеренги бойцов, которым предлагалось отправиться на смертельно опасную операцию.

– Отлично, – расплывшись в широчайшей улыбке, согласилась миссис Грэхем. – Дорогой, не забудь внести взнос в избирательный фонд Тейлора, – обратилась она к мужу.

– Но моя машина... – запротестовала Риа. Ей совсем не нравилось, что ее опекают, словно маленькую девочку.

– Завтра я поручу кому-нибудь пригнать ваш автомобиль. Сейчас вам лучше поспешить, пока гора окончательно не обледенела. Спокойной ночи, милые, и счастливого Рождества!

Грэхемы небрежно помахали Риа и Тейлору и обратились к очередным отъезжающим гостям. Не желавшей устраивать сцену Риа не оставалось ничего иного, как подчиниться легкому толчку Тейлора под локоть.

– Вы ведь на самом деле не возражаете, а? – спросил он, наклоня голову навстречу ветру и хлопьям снега.

– Нет. А вы?

– Разумеется, нет.

– Они поставили вас в неловкое положение. У вас просто не оставалось выбора.

– Конечно. Я ведь уже говорил вам, что меня можно за- просто третировать. – Тейлор крепче сжал локоть Риа. – Кроме того, и без ходатайства Грэхемов я все равно бы вызвался подвезти вас. Мне бы тоже очень не понравилось, если бы вы сами вели машину в такую погоду.

– Я уверена, что смогла бы: снегопад не такой уж и сильный.

Маккензи взглянул на небо.

– Скорее это похоже на приличную метель. И помните, – новое пожатие локтя, – я знаю, сколько шампанского вы в себя влили.

Рассмеявшись, они пошли по дороге вдоль ряда припаркованных автомобилей, пока не остановились у новенького «корвета». Опустив руку в карман в поисках ключей, Маккензи заявил:

– Вы знаете, а я до сих пор так и не могу поверить в вашу реальность. Вы ослепительны, талантливы, умны, забавны. У вас собственные драгоценности и...

– Эти? – Риа указала на сережки с искусственными бриллиантами в своих ушах. – Так это дешево.

– А вот это – нет. – Тейлор запустил пальцы в воротник ее шубы. Замерзшая Риа придерживала его руками у горла. Шуба была той единственной прихотью, которую она позволила себе, поступив на работу в самую престижную архитектурную фирму города. Она выбирала мех, в который могла бы упаковать себя, с тщательностью гораздо большей, чем при выборе обивки салона нового автомобиля.

– В дополнение ко всем вышеперечисленным достоинствам у вас есть и шуба из натурального меха. Но должен же быть в вас хоть один изъян? – Маккензи пристально посмотрел на Риа сквозь падающий снег – Должно быть, у вас не все в порядке с зубами.

Риа шутливо шлепнула Тейлора по губам и села в машину. Дорога была гораздо опаснее, чем она предполагала, и потому девушка с благодарностью вспомнила настойчивость Грэхемов, заставивших ее отправиться домой с более опытным водителем, хотя и не была уверена, что Тейлор Маккензи – самый разумный выбор.

Риа чувствовала опьянение. В ушах ее звенели колокольчики, и то было вовсе не эхо перезвона церковных колоколов в сочельник. Кроме того, Риа была не вполне уверена, все ли пальцы уцелели у нее на ногах после прогулки в легких вечерних туфельках по глубокому снегу. Но откуда это ощущение всеогревающего тепла? Автомобильный обогреватель, правда, овеивал их теплым воздухом, но Риа чувствовала, что основной генератор тепла работает под ее собственной ко-

жей.

Риа философски заключила, что она перенасыщена рождественскими впечатлениями и настроением. Или же мужской магнетизм, исходящий от Тейлора Маккензи, создавал это приподнятое настроение? Ей даже стало немного стыдно за свое глуповато-радостное поведение.

Дворники на ветровом стекле действовали подобно гипнотизирующим колебаниям метронома. Снежинки весело порхали в свете двух прямых лучей фар. Ночь стояла абсолютно сюрреалистическая. Но если это лишь фантазия, кому тогда нужна реальность? Покуда длится такое блаженство, надо им наслаждаться.

– Музыку?

– Что?

Тейлор кивнул на радиоприемник.

– Да, пожалуйста. – Риа подмигнула Маккензи. – Но только при одном условии – вы не будете подпевать.

– Такое ощущение, что все они крутят только, рождественские гимны, – вздохнул Тейлор, последовательно поймав несколько радиостанций.

– А мне нравится. Обожаю раз в году слушать эти гимны.

– Да, я тоже. А как случилось, что вы встречаете Рождество в одиночестве? – неожиданно спросил он. – Мне казалось, что у двери такой красавицы, в ночь перед Рождеством должно толпиться не менее дюжины кавалеров, мечтающих стать избранником на этот вечер.

Риа поблагодарила Маккензи за комплимент.

– Человек, с которым я встречаюсь, уехал.

– А есть такой человек?

– Да. У него старая мать во Флориде, и он проводит праздники с ней.

Тейлор воспринял данную информацию без комментариев.

– А родители?

– Они решили прокатиться в Англию, чтобы навестить друзей. Вообще-то они редко куда-либо выезжают в это время года, но я настояла: в конце концов, сочельник – точно такой же вечер, как и все прочие.

– Вы на самом деле так считаете? – поинтересовался Тейлор, повернувшись и пристально посмотрев на Риа.

Какое-то время они в упор глядели друг на друга, пока не поняли, что это небезопасно.

– Нет, – покачав головой, мягко ответила Риа, – но я не хотела, чтобы мои старики отказались от своей поездки из-за меня.

– А что же тот человек?

– Я не могу отвечать за то, как он заботится о своей матери.

Чтобы перевести разговор в другое русло, Риа спросила:

– А вы? Вы почему один? У вас нет семьи?

– Отец, но у него сейчас другая семья. Они с Джейн живут в Лос-Анджелесе. После смерти моей матери отец женился

во второй раз на женщине, значительно его моложе. Теперь у них двое детей. Так что мои сводные брат и сестра годятся в дети и мне. В доме отца меня всегда рады видеть, но мне кажется, что мое присутствие доставляет им неудобство, так как все боятся сделать или сказать что-нибудь не так.

– А друзья? – Риа подразумевала прежде всего подруг и возненавидела себя за интерес к данному предмету.

– Меня пригласили поехать кататься на лыжах с компанией.

– Большая компания?

Маккензи усмехнулся, давая Риа понять, что прекрасно знает, какую рыбку она ловит.

– Семь человек. Включая женщину, с которой я встречаюсь. Я отказался в последнюю минуту.

– Почему? Поссорились?

– Нет. Позавчера я растянул лодыжку, играя в теннис, и решил, что катание на лыжах с такой ногой – настоящая глупость. Вот тогда мы действительно немного повздорили.

– Она уехала без вас?

– Она очень независимая женщина, – пожал плечами Маккензи.

– Забавно, как Рождество может быть полным и радостным или пустым и печальным.

– Все зависит от того, проводите вы его с кем-нибудь или в одиночестве.

– Наверное. Хотя, может быть, ужаснее проводить празд-

ник с человеком, которого не любишь или который тебе даже не нравится. Думаю, это еще хуже, чем встречать Рождество одному.

Риа сообщила Тейлору свой адрес, когда они выезжали от Грэхемов, и Маккензи ехал, не спрашивая дорогу. Молодой энергичный кандидат в мэры хорошо знал свой город. Припарковавшись у тротуара перед домом Риа, Тейлор заглушил двигатель «корвета». Дворники застыли, прекратив свое ритмичное кляцанье. Гимн «О приди, истинная вера!» оборвался на середине куплета. Риа и Тейлор некоторое время сидели не двигаясь. На конец они одновременно повернулись друг к другу и заговорили.

– Спасибо...

– Я заслужил...

– Простите.

– Нет, это вы простите. Прежде – леди.

– Я только хотела поблагодарить вас за то, что подвезли.

Тейлор отвернулся и уставился на ветровое стекло, быстро заметаемое густо падающим снегом. Риа увидела, как заходили желваки на его скулах. Маккензи решительно помотал головой.

– Я заслужил приглашение на чашечку кофе?

Риа колебалась в течение лишь нескольких ударов сердца, после чего согласно кивнула. Тейлор вышел и, обойдя машину, открыл дверцу Риа. Идя по предательски скользкому, обледеневшему тротуару, Маккензи крепко сжимал руку де-

вушки выше локтя.

Риа достала ключи из серебристой вечерней сумочки и открыла парадную дверь. Теплый воздух прихожей обнял их подобно старому и любимому приятелю. Риа щелкнула выключателем на стене. Но настольная лампа не загорелась, как она ожидала. Вместо этого зажглась елка в углу комнаты.

– Ах, я совсем забыла, что вставила вилку елочной гирлянды в розетку, которой управляет этот выключатель.

– Для таких работ вам следовало бы приглашать электрика, – поддразнил Тейлор. – Прекрасная елка.

– Спасибо.

– В старом стиле.

Оставив Риа в дверях, Маккензи подошел к камину. Мерцающие красные угольки все еще тлели под грудой головешек. Тейлор отодвинул решетку, разворошил головешки кочергой и положил в камин пару новых поленьев, которые моментально занялись.

В ярком отсвете пламени каминного костра тающие снежинки в волосах и на плечах Тейлора сверкали подобно крошечным бриллиантам. Он обернулся и посмотрел на Риа. Его глаза, его затененное лицо, решительность, с которой он двинулся к ней, заставили девушку затрепетать.

– Пойду поставлю кофе, – произнесла она, задыхаясь.

Тейлор поймал Риа за руку, когда она проходила мимо него.

– Риа?

– Что?

– В твоих волосах искрится снег, – прошептал Тейлор.

Риа встряхнула головой. Маккензи с восторгом следил за чувственным колыханием распущенных волос.

– Они прекрасны. Черны, как полночь. Блестящие и шелковистые. Такие волнующие.

Но что действительно волновало Риа, так это движение его пальцев, перебирающих ее волосы и раскладывающих их на мягком воротнике шубы из черно-бурой лисы, и его глаза, скользнувшие по ее лицу вниз – на белую нежную кожу шеи.

Риа поежилась.

– Скоро здесь будет жарко.

– Здесь уже жарко, детка.

Голос Тейлора напомнил Риа урчание двигателя его автомобиля. Сила, скрывавшаяся за этими звуками, сдерживалась лишь до поры до времени. Одно неосторожное движение – и она может выйти из-под контроля.

Подойдя к Риа вплотную, Тейлор взял в ладони ее лицо и погладил кончиками больших пальцев щеки, от чего они сразу согрелись. Коснулся губами губ Риа, сначала слегка, как бы пробуя, потом – увереннее и настойчивее. Риа вздохнула и отклонила голову.

– Прости... Я не имел права. Но я... но мне страшно захотелось тебя поцеловать.

Риа снова взглянула на Тейлора. Она совершенно не чувствовала своего тела, словно была создана из воздуха. Глаза

Риа все еще были открыты, потому что она жаждала видеть его лицо.

– Не извиняйся. Ведь сегодня ночь перед Рождеством.

– В таком случае...

Тейлор снова поцеловал Риа. На этот раз он попытался раздвинуть ее губы, уступившие его желанию. Языки их встретились и принялись ласкать друг друга. Нервы натянулись и зазвенели, как живые струны.

– Ты была права, Риа, – охрипшим голосом произнес Тейлор, щекоча губами ее влажный рот. – Все это нереально.

Тейлор притянул девушку к себе. Его ладони заскользили по мягкому меху, и, наконец, он отбросил шубу жестом ма-тадора, сбрасывающего плащ. Шуба упала на стоящую рядом кушетку. Жадные, чувственные руки Тейлора принялись исследовать тело Риа. Они прошлись по спине, опустились на талию, бедра и принялись оглаживать их со всех сторон.

Риа издала испуганный возглас, когда Тейлор приложил ладонь к ее лону, но Маккензи не убрал руку, хотя и поднял голову, заглянув в лицо Риа с немым вопросом. Из ее влажных губ вырывалось прерывистое дыхание. Глаза были открыты, и сквозь трепещущие ресницы она смотрела прямо в его глаза. Риа подалась вперед, чтобы еще сильнее ощутить прикосновение сложенной лодочкой ладони к лобку.

Оба застонали от сладкой боли нестерпимого желания. Тейлор гладил плоть Риа, ласкал ее, пожимал, стремясь достичь источника ее возбуждения. Неистово целуя девушку,

он сбросил пиджак. Риа, расстегивая пуговицы на жилете Тейлора, решила, что их там не менее тысячи, но, в конце концов, справившись со всеми, принялась ласкать ладонями грудь Тейлора под белым шелком рубашки.

Тейлор положил руки на плечи Риа и медленно стянул с них платье. Кончики пальцев прошлись по ее шее, ключицам. Риа откинула голову назад, и Тейлор поцеловал ее в шею. Рот его рот был открыт, горяч, дышал страстью.

Риа вытащила рубашку из его брюк и принялась неумело нащупывать пуговицы рубашки. Расстегнув все, она стала гладил, бархатист поверхность его груди, сто покрыв волосами. Риа наслаждалась формой этой груди, ее рельефностью и упругостью кожи.

Обхватив рукой спину Риа, Тейлор расстегнул молнию на платье. Лиф опустился ей на талию. Под ним на Риа ничего не было. Инстинктивно она подняла руки – прикрыться, но Тейлор нежно отвел ладони.

– Нет, прошу тебя, – прошептал он. – Ты прекрасна.

Восхищенный, он смотрел на плавное движение ее грудей пока Риа высвобождала руки из узких рукавов платья. Тейлор легко коснулся ее грудей, так легко, что прикосновение это почти не ощущалось, потом взял их в свои ладони, вскоре скользнувшие к ней под мышки, а затем и медленно опустившиеся на бедра. Потом он взял руки Риа обвил ими свою шею.

Он плотно прижался к Риа – кожа к коже. Какое-то вре-

мя этого было достаточно. Но вскоре их общие вздохи наслаждения стали наполняться нотками страстного желания. Тейлор погладил грудь Риа, искусно помассировал соски. Один из них он поднес ко рту и накрыл губами. Шершавый влажный язык принялся тереться о кончик маленького твердого соска. Прежде чем начать сосать его, Тейлор что-то промурлыкал.

Желание росло в Риа с каждым всасывающим движением его рта. Когда Маккензи расстегнул пояс на талии Риа и принялся спускать платье, единственное, против чего она возражала, так это его медлительность. Платье с блестками сверкающей волной легло у ее ног, и она переступила через него, оставшись только в поясе-трусиках, поддерживающем черные шелковые чулки, и туфлях на высоких каблуках.

– Санта-Клаус должен думать, что я был очень-очень хорошим мальчиком, – мягко произнес Тейлор.

Запустив все десять пальцев в пышные черные волосы Риа, он припал к ее губам долгим поцелуем. Потом, подхватив девушку на руки, отнес ее на кушетку. Не отрывая глаз от Риа, раскинувшейся на мягком мехе шубы, Тейлор разделся. Обнаженный и невероятно мужественный, он лег рядом с ней.

– Не секрет, что я хочу тебя. – Рука Тейлора скользнула в ее трусики. – А ты хочешь меня, Риа?

Тело ее говорило «да». Пальцы Тейлора погрузились в роскошество мягкой, бархатистой, вдруг сильно повлажнев-

шей плоти. Но ему хотелось, чтобы этот прелестный, такой сексуальный ротик словами подтвердил ее желание.

– Скажи мне.

– Да, я хочу тебя.

Тейлор раздвинул бедра Риа. Она обвила его шею руками. Губы их встретились как раз в тот момент, когда его член, твердый, ровный и полный, глубоко вошел в нее, подобно экспрессу, врывающемуся в горный тоннель.

Глава 2

– Как это получилось? – Тейлор сдвинул темные брови, между которыми залегла складка.

– А отец никогда не беседовал с тобой, как мужчина с женщиной, о птичках и пчелах? – язвительно спросила Риа. Складка между бровей Маккензи становилась все глубже, все мрачнее. – Если беседовал, то ты должен знать, как это получается. Прошло всего несколько минут, с тех пор как Риа переступила порог кабинета Маккензи и сообщила ему ошеломляющую новость. Но ему показалось, что прошла целая вечность. Напряжение росло: слой за слоем, подобно тому как образовывается вулканическая лава.

– Я хотел сказать, почему ты не предохранялась? – Маккензи проталкивал слова сквозь зубы, белоснежным барьером выстроившиеся за поджатыми губами.

– А ты почему?

– Как правило, я это делаю. Я читаю газеты и следую публикуемым в них предостережениям.

– По-моему, ты прокололся.

– Это случилось, поскольку я был уверен, что любая здравомыслящая интеллигентная, сексуально активная женщина в эпоху сексуальной свободы пользуется какими-нибудь контрацептивами.

Зеленые глаза Риа сузились.

– Во-первых, – она подняла указательный палец с безупречным маникюром, – я не сексуально активная в том смысле, в каком ты это понимаешь. Сама не знаю, что на меня нашло в сочельник. Возможно, слишком много шампанского. Но не в моих привычках затаскивать в постель незнакомцев, и меня возмущают твои намеки на то, что я из таких дамочек. Во-вторых, – к указательному пальцу присоединился его средний собрат, образовав устремленное вверх подобие молодого побега на ветке, – я слишком слежу за своим здоровьем в целом, чтобы рисковать, принимая оральные контрацептивы. И в-третьих, – выпрыгнул безымянный палец, – никогда не считай что-либо само собой разумеющимся, если дело касается меня.

Чертыхнувшись, Тейлор поднялся из-за стола и подошел к расположенному за его спиной окну. Засунув кулаки в карманы и ссутулив плечи, Маккензи пристально посмотрел на Риа. Одного этого взгляда было достаточно для того, чтобы Тейлор вновь мысленно оказался на той самой кушетке в доме Риа и в ушах его зазвучали короткие легкие вздохи, издаваемые ею в момент оргазма. Как бы он хотел избавиться от этих волнующих галлюцинаций! Забыть мучительно приятный коктейль из запахов свежей елки, каминного дымка и женского тела.

Прошло восемь недель, а Тейлор все так же ясно помнил сладость объятий Риа под шубой, которой они, засыпая, укрылись. В этом было что-то от первобытных людей, спав-

ших голыми под ворохом шкур, какой-то инстинкт, которому хомо сапиенс до сих пор оставался верен.

Сегодня же Риа Лавендер была одета в повседневный деловой костюм цвета морской волны с латунными пуговицами и красным кантом. Тейлор невольно подумал, есть ли под этим костюмом пояс-трусики, как тот, что был на ней в сочельник. Маккензи мог держать пари на свой только что полученный пост мэра, что кожа Риа была такой же теплой и шелковистой, как в тот вечер. И несмотря на то что волосы Риа сейчас были собраны в профессионально исполненный пучок на затылке, Тейлор почти ощущал их скольжение между его пальцев – каждую прядь, подобную черной бархатной ленте.

По правде говоря, Маккензи был даже рад появлению Риа. Точно несмышленный мальчишка, встретивший женщину, с которой впервые в жизни был близок, Тейлор испытал почти головокружение, когда голос секретарши в селекторе сообщил ему, что, согласно графику, на аудиенцию явилась мисс Риа Лавендер.

Да, Тейлор с нетерпением ожидал этой встречи, сгорая от любопытства, по какой причине Риа решила снова связаться с ним, и, надеясь, что визит не будет посвящен только бизнесу. Свой оптимизм Маккензи сдерживал мыслью, что, вероятно, Риа намерена предложить ему сотрудничество в реализации своего проекта. Но даже этот довод не мог подавить возбуждения, овладевшего Тейлором.

И вот Риа бьет прямо между глаз:

– Я беременна.

Просто невероятно! Подобные вещи не происходят со взрослыми мужчинами. С глупыми, прыщавыми пацанами – да. Но не с новоиспеченными мэрами. Либо это неудачная шутка, либо коварная ловушка.

Маккензи с подозрением посмотрел на Риа. К чему клонит эта дамочка? Тейлор все еще сомневался. На время он возьмет на себя роль адвоката дьявола и попытается выяснить истинную причину.

– А ты уверена, что беременна?

Риа раздраженно поменяла местами скрещенные ноги в черных шелковых чулках.

– Да.

– Исходя из последних месячных?

– Исходя из надежной научной методики, которой вчера утром пользовался мой гинеколог, – обиженно бросила Риа. – Я беременна, мистер Маккензи, и отцом ребенка являетесь вы.

Тейлор самодовольно улыбнулся:

– А здорово мы познакомились, а? Вопрос поразил Риа.

– На то и вечера с коктейлями, чтобы люди знакомились.

Какое значение имеет то, как мы познакомились?

– Может, никакого. А может, решающее.

– Потрудись объяснить.

– Хорошо. – Повернувшись, Тейлор посмотрел в лицо

Риа. – Последними выборами я приобрел себе массу врагов. Они сторали от желания увидеть мое поражение, но я победил. Однако до приведения меня к присяге еще несколько месяцев. Примем как аргумент, что мои враги ищут возможность дискредитировать меня. В чем я наиболее уязвим?

– Ты всегда был таким параноиком? Маккензи проигнорировал замечание Риа и продолжал вить логическую нить:

– Я холостяк. Бликер женат на одной и той же женщине уже тридцать с лишним лет, и у него восемь детей и пятнадцать внуков. Бликер – рубаха-парень, солиден и надежен, как дядюшка Роджер. Во время выборов никому и в голову не придет совать нос в его личную жизнь. Я же на тридцать лет моложе и не женат. Стоит мне уйти с обеда или из бинго с дамой, – Маккензи хлопнул в ладоши, – и все начинают судачить о том, чем мы будем заниматься в постели.

Риа смахнула несуществующую пушинку с плеча и театрально взглянула на часы.

– Полагаю, что рассуждения эти приведут к какому-то выводу. В противном случае, я считаю, будет справедливо сказать, что меня интересует лишь, чем ты занимался в постели со мной, да и то только потому, что результатом этих занятий стал ребенок.

– Хорошо, хорошо, я действительно подвожу к выводу. – Маккензи присел на угол стола: одна нога в итальянском ботинке из мягкой кожи уперлась в красный ковер, другая медленно раскачивалась в воздухе. Тейлор обнял колено руками

и, мерно раскачиваясь, смотрел прямо в глаза Риа, не в силах оторваться от двух изумрудов в пушистой оправе невообразимо длинных, изогнутых, темных ресниц. – Я полагаю, что наша встреча не была случайной, мисс Лавендер. Думаю, вам заплатили мои противники, желая скомпрометировать меня самым гнусным образом.

– У тебя с головой все в порядке?

– Ведь так обстоит дело?

Не в силах поверить собственным ушам, Риа помотала головой.

– Да ты же победил, придурок. Если здесь был политический заговор, он провалился сразу же после оглашения результатов выборов.

– Но я еще не приведен к присяге. Чтобы свалить меня, лучшего способа и не придумаешь: возникает забеременевшая женщина, утверждающая, что я – отец ее ребенка. Бликер начинает настаивать...

Речь Маккензи прервал смех Риа.

– Если бы я была провокаторшей, то избрала бы менее болезненный способ шантажа, а не выблевывала бы каждое утро свой завтрак в унитаз и не приходила бы с работы такой измотанной, что даже расчесывание волос на ночь становится невыполнимой задачей.

По мере того как смысл обвинения Маккензи со всей ясностью доходил до нее, Риа овладевала яростью.

– Мне все это нужно еще меньше, чем тебе. Для меня в

настоящий момент рождение ребенка более чем некстати. У меня собственная карьера, мистер Маккензи. Я архитектор с хорошей репутацией, и мой рабочий график забит до отказа на несколько месяцев вперед.

– Не повезло. Это лишний раз говорит в пользу моих аргументов относительно контрацептивов. Если вам угодно гулять направо и налево, то следует придерживаться некоторых правил контроля за рождаемостью.

Лицо Риа побелело от бешенства.

– Я не гуляю направо и налево!

– В самом деле? Ну, мой опыт говорит об обратном. Что вас заставило вытаскивать на свет мое имя? Последняя соломинка? Или таким образом вы хотите заполучить отчество для ребенка?

– Вы подонок.

– А чего еще вы от меня ожидали? Рассыпаться перед вами в благодарности за то, что носите моего ребенка?

– Ты выслушаешь меня или нет?

– Нет. – Маккензи указал пальцем на живот Риа и зло крикнул: – Дядюшка Сэм будет папочкой для твоего ребенка – вот все, что я знаю!

Риа подхватила сумочку под мышку и с королевским спокойствием поднялась с кресла. Она повернулась и направилась к двери. Уже держась за дверную ручку, она еще раз обернулась к Маккензи:

– Лучше бы это был дядюшка Сэм или кто угодно другой,

НО ТОЛЬКО НЕ ТЫ.

– Можно? – вежливо спросил Маккензи. Если бы у него была шляпа, можно не сомневаться, что сейчас Тейлор держал бы ее в руках.

– Нет.

– Прошу вас.

– Что вам нужно?

– Мне нужно поговорить с вами.

– Чтобы наговорить еще больше гадостей? Нет уж, спасибо, мистер Маккензи.

Риа собралась закрыть дверь. Протянув руку, Маккензи придержал ее.

Риа пристально посмотрела на Тейлора и несколько смягчилась. Судя по его внешности, у Маккензи выдался нелегкий денек: темные волосы всклокочены, узел галстука ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстегнута. Пиджак он держал за петельку, перекинув через плечо. Выглядел Тейлор изможденным, обеспокоенным и уставшим. Для человека, прошедшего, не поморщившись, жестокую лихорадку предвыборной гонки, такой вид свидетельствовал о явных моральных страданиях.

«Совсем дрянь дело», – подумала Риа, но решила не поддаваться жалости и ограничилась лишь заявлением:

– Уходите и оставьте меня в покое. Забудьте обо всем, что я вам сказала сегодня утром.

– Не могу.

– Мне не следовало говорить.

– Разумеется, следовало.

В досаде Риа переминалась с ноги на ногу, все еще преграждая Маккензи путь.

– Стоит ли напоминать вам, мистер Маккензи, что вы не слишком любезно восприняли известие? Вы были грубы и жестоки.

– Это одна из причин, по которым я здесь: извиниться за свою бестактность. Позвольте мне объясниться.

– Зачем? – осторожно спросила Риа.

– Моя первая реакция была по-детски раздраженной.

Ярко-голубые глаза Тейлора прекрасно оттенялись темными волосами и загорелой кожей. Избегая их убедительного взгляда, Риа опустила глаза на жилет Маккензи, что только вызвало новый прилив воспоминаний. Возможно ли теперь представить, что она действительно в невероятной спешке стремилась как можно скорее расстегнуть этот жилет, чтобы прикоснуться к телу Тейлора? Что пальцы ее дрожали тогда от нетерпения почувствовать его тело? Сейчас Риа и подумать не могла о том, чтобы дотронуться до Тейлора. Решив, что в ответ на извинения Маккензи она тоже должна вести себя повежливее, Риа смягчила тон до примирительного:

– Кажется, мое сообщение по-настоящему вас шокировало?

– И потому не позволишь ли ты мне войти, Риа?

Может быть, оттого, что Тейлор перешел на ты – Риа и сама впоследствии не могла объяснить причину, – но она отступила, пропуская Маккензи в дом. Он вошел, и она затворила за ним дверь, оставшись с Тейлором с глазу на глаз.

Комната выглядела совсем по-другому: сейчас она была наполнена золотым послеполуденным солнечным светом, а не отблесками огня в камине, уже вычищенном и заставленном филодендроном с листьями, такими же большими и гладкими, как коврики, постеленные перед бронзовым экраном. Место рождественской елки теперь занимал бочонок с развесистым фикусом.

– У тебя полно зелени, – заметил Маккензи. Риа наклонила голову в знак того, что комплимент принимается, и указала Тейлору на стул. Сама она села в плетеное кресло-качалку. Оба избегали смотреть на кушетку, словно ее и не было в комнате, которая, хотя и изменилась, но сохранила атмосферу, наполненную живыми и тревожащими воспоминаниями о снежной ночи.

– Хочешь чего-нибудь выпить?

– Нет, если это все, что у тебя есть. – Тейлор кивнул на стакан, стоявший на столике рядом с креслом Риа. – Что это, кстати?

– Алка-зельцер.

– Ты больна?

– Каждый день у меня после обеда расстройство желудка.

– Понятно.

– Могу достать тебе что-нибудь прохладительное, – предложила Риа. – Или покрепче.

– Нет, спасибо.

Часы на стене тикали, казалось, слишком громко. Кресло-качалка слабо поскрипывало при каждом движении молодой женщины. Всякий раз, встречаясь взглядами, Риа и Тейлор виновато отводили глаза, точно дети, которых вчера поймали за игрой в доктора.

Риа досадовала на то, что успела сменить свой модельный костюм на старенькие джинсы и футболку. И ей хотелось бы иметь на себе бюстгальтер и туфли. Риа понимала, что должна держаться строго и твердо с этим человеком, а босые ноги являлись для этого не самым надежным фундаментом. Волосы Риа были непричесаны: распустив короткий хвостик, она лишь встряхнула ими, и сейчас они в беспорядке рассыпались по плечам.

Риа знала также, что на лице ее оставались неопровержимые свидетельства напряжения прошедших суток. В последнее время она вообще мало ела, щеки ее впали, никакая пудра не в состоянии была скрыть фиолетовые полукружия под глазами. Она не спала всю предыдущую ночь, решая свою дилемму и составляя план предстоящего утром объяснения с членом городского совета Маккензи.

В конце концов Риа решила рассказать обо всем прямо и честно. И вот чем эта честность обернулась: раздражение,

подозрения и презрение со стороны Тейлора.

– Ты давно здесь живешь?

– Скоро будет три года, – приподняла голову Риа, отвечая на ничего не значащий вопрос Маккензи. – С того самого времени, как начала работать в «Бишоп и Харвей».

– Приятный домик.

– Спасибо.

– Очень уютный.

– Гм-м-м.

– Ты сама его обставляла?

– Да.

– И район хороший.

– Власти города постоянно заботятся об уборке мусора и ремонте улиц, – вяло улыбнулась Риа.

– Ну что ж, приятно слышать. – Улыбка Тейлора была не менее вялой. – На улице сегодня почти весна.

– Да, я уже видела несколько распустившихся нарциссов.

Сидя на краешке стула, Тейлор широко раздвинул колени и устался в паркетный пол у себя под ногами. Пальцы его нервно двигались. Маккензи натянуто кашлянул.

– Когда т-ты... кхе-кхе... когда ты у-узнала о... кхе-кхе... о ре-ребенке?

Судя по тому, что Риа читала, слышала и знала по собственному опыту о Тейлоре Маккензи, заикание никак не сочеталось с его характером. Голос его частенько сотрясал стены муниципалитета, когда Маккензи гневно, красноречиво и

умно выступал по проблемам, поднятым в отчете городских властей. Предвыборные речи Тейлора отличались пронизательностью, остроумием и членораздельностью. Отвечая на самые провокационные и заковыристые вопросы журналистов, он никогда не лез за словом в карман.

Мысль о том, что Маккензи чувствует себя так же неловко, как сегодня утром, придя в его офис, чувствовала себя она, доставляла Риа немалое удовольствие. Прыжок в море со скалы в Акапулько не шел ни в какое сравнение с тем чувством, с каким Риа вошла в дверь кабинета Маккензи и увидела его впервые после рождественского утра. Особенно в плане того, о чем собиралась ему сообщить.

– Когда узнала? – Риа отвела взгляд. – У меня не было месячных.

Маккензи поерзал на стуле.

– Насколько я знаю, это иногда случается и по другим причинам.

– Случается. Но не со мной. Мой организм работает как часы.

На этот раз закашлялась Риа. Ее смущал разговор на столь интимную тему с незнакомым мужчиной. Ну не совсем, конечно, незнакомым. Нет, все-таки незнакомым. Что она в действительности знала о Маккензи? Что он красив. Что умеет открывать шампанское. Что отлично водит машину по заснеженным улицам. Что может очаровать массу женщин. В буквальном смысле.

– Я почувствовала себя нехорошо... – продолжила Риа, – ну не совсем нехорошо, просто... – Она никак не могла подобрать слова, точно описавшие бы это состояние чрезмерной раздражительности, утомляемости, неспособности нормально дышать, постоянной тошноты, даже когда ты голодна. Ни одно определение не могло выразить это состояние. – Просто появились симптомы, – закончила в конце концов Риа.

– Какие?

– Расстройство желудка, эмоциональная неуравновешенность. Зуд...

– Зуд? – Тейлор с любопытством вскинул голову.

– В груди, – с трудом выдавливая из себя слова, хрипло пояснила она.

– Ах да. – Тейлор уставился на груди Риа и довольно долго разглядывал их, приведя ее в смущение. – Прошу прощения.

Риа обхватила живот руками, испытывая непреодолимое желание прикрыть распухшие соски от пронизательно-го взгляда Маккензи.

– Ну, ты сам знаешь эти симптомы, – коротко отрезала она.

Тейлор выглядел совершенно сбитым с толку.

– Ах, ну да, кажется, знаю.

– В прошлом месяце у меня опять не было месячных, и я в конце концов пошла вчера к врачу: он подтвердил мой диагноз. Ребенок родится двадцать шестого сентября.

Маккензи издал глубокий вздох. Итак, суд присяжных

только что вынес обвинительный вердикт.

– В таком случае это меняет дело.

– Что касается отца этого ребенка, то нет ни малейших сомнений, несмотря на все ваши домыслы относительно моей сексуальной жизни, мистер Маккензи.

– Зови меня Тейлор, хорошо? – сердито потребовал Маккензи.

– Несмотря на твой опыт, – так же сердито заметила Риа, – как ты грубо изволил выразиться, я не сплю с кем попало.

– Прости. Я не должен был так говорить. Вспышка гнева окончательно ослабила Риа. Плечи ее поникли, и она устало откинула голову на спинку кресла.

– Полагаю, у тебя есть все основания считать меня особой такого рода. – Ее мягкий смешок был наполнен горечью и самоуничижением. – В сочельник я действительно была самой настоящей «давалкой».

– Не говори так.

– А что, нет? – Риа приподняла голову и в упор посмотрела на Тейлора.

– Я никогда так не считал. Ни тогда, ни теперь.

– Ты так думал сегодня утром.

Маккензи устало провел рукой по лицу и в очередной раз вздохнул.

– Мы ходим по кругу и ни к чему не придем. – Минуту Тейлор выдерживал ее взгляд. – Послушай, я не считаю тебя только партнершей по сексу. В этом случае я ничем от тебя

не отличаюсь. А я, между прочим, тоже не мартовский кот. Так что давай оставим все упреки, домыслы, самобичевания и попытаемся определиться, как поступить дальше, ладно? – Риа лишь кивнула в знак согласия. – Что насчет того парня, с которым ты встречаешься? Ну тот, со старухой матерью во Флориде?

– Забавно. Вообще-то его зовут Гай. – Риа удивилась Тому, что Тейлор помнит такие подробности. – Гай Паттерсон. Он тоже работает у нас на фирме.

– Ты ему уже сказала?

– Да, сразу же после тебя. Я чувствовала, что должна рассказать Гаю.

– И что?

Гай Паттерсон воспринял известие о беременности Риа не лучше, чем Тейлор. По правде говоря, даже хуже. Гай ужасно разозлился, наградив ее теми эпитетами, которые Маккензи лишь подразумевал.

– Я никогда не рассматривала его всерьез, – не вдаваясь в подробности, ответила Риа.

Собственно говоря, разрыв с Паттерсоном принес Риа облегчение. Старше Риа на пятнадцать лет, Гай был чрезмерно щепетилен. Риа устала от его благоразумных консервативных взглядов. Разговоры с ним были скучны и занудливы, так как он всегда сводил их к темам, интересующим только его одного. Стоило с ним согласиться, и Гай превращался в привередливую старую деву, не склонную к веселью и заба-

вам. Единственной причиной, по которой Риа встречалась с Паттерсоном, было отсутствие лучшего варианта. Она не хотела столь резко разрывать отношения с Гаем, но была рада, что они бесповоротно закончились.

– Ты могла бы сказать, что это его ребенок, – забросил удочку Маккензи. – Почему ты этого не сделала?

– Я никогда бы так не поступила! – воскликнула Риа, обижаясь. – За кого ты меня принимаешь?

– Ладно. Прости.

– Кроме того, мне ни за что не удалось бы обмануть Гая, даже если бы я этого хотела. Много лет назад ему удалили протоки.

Паттерсон не делал секрета из этой операции. Когда их отношения с Риа вышли за рамки чисто деловых, Гай сказал ей, что он может рассматриваться в качестве потенциального супруга, но о детях разговор не идет. Это было еще одной причиной, по которой Гай не мог стать отцом ее ребенка, но она намеренно позволила Маккензи какое-то время считать, что такая возможность у Паттерсона была.

– А с тобой когда-нибудь это уже случилось? – неожиданно спросила Риа.

– Ты имеешь в виду, не залетал ли кто от меня? Нет. А ты? Ты уже беременела?

– Нет. – Риа сама не понимала, почему ей приятно, что для Маккензи отцовство тоже внове. Тому не было объяснений, если не считать ненавистной мысли, что она – всего лишь

очередная неудачница в коллекции Тейлора.

Какое-то время Маккензи внимательно вглядывался в лицо Риа, но, задавая вопрос, глаза отвел:

– Ты пришла ко мне за финансовой помощью?

– Финансовой помощью на что?

– Ну, мало ли...

– Например?

– Аборт. Ты собираешься его делать?

Риа повернулась к Тейлору профилем, в глазах ее заблестели слезы, в которых отразился свет заходящего солнца.

– Нет, мистер Мак... нет, Тейлор. Я исповедую жизнь с ошибками, а не прячусь от них, как страус. И к твоему сведению, аборт сейчас достаточно дешевы.

– Я спросил только потому, что время уходит. Насколько мне известно, есть определенные сроки, после которых аборт... Гм-м-м... просто невозможен.

– А ты уверен, что на самом деле не предлагаешь мне сделать аборт? Прежде чем ты ответишь, замечу, что это чисто риторический вопрос. Я не собираюсь делать аборт. – Риа повернула голову и твердо, почти с вызовом посмотрела на Тейлора. – По какой еще причине, ты полагаешь, я могла прийти к тебе за деньгами?

– Просить помощь в поддержании ребенка до и после его рождения.

– У меня достаточно высокая зарплата, помимо комиссионных, которые я имею с каждого проекта. Большое вам спа-

сибо, но я не нуждаюсь в ваших деньгах, мистер Маккензи. – Встав из кресла, Риа взяла со стола стакан с алка-зельцером и направилась через комнату в кухню.

Тейлор последовал за ней. Кухню оживляли зеленые джунгли. Переступив порог, Маккензи вынужден был отвести рукой свисающие листья. Риа сполоснула стакан в раковине из нержавеющей стали.

– Ну почему все, что бы я ни сказал, ты принимаешь в штыки?

– Потому, – резко повернулась к Тейлору Риа, – что нахожу все, сказанное тобой, оскорбительным.

– Ну хорошо, прошу прощения, мадам, я сегодня немного не в себе. – Голос Маккензи готов был сорваться на крик. – Прости, но напомним тебе, что мы уже довольно давно вышли из подросткового возраста, чтобы принимать случившееся как досадное недоразумение. Все произошло не на заднем сиденье «форда» после школьной дискотеки.

– Именно поэтому я не понимаю, почему бы нам не посмотреть на проблему по-взрослому и не прекратить обмениваться взаимными обвинениями.

– Все это так. Но надо привыкнуть к самой мысли о ребенке. Ты уже несколько недель о нем думаешь, а для меня это совершенная неожиданность. Не требуй от меня адекватной реакции, красноречия и веселья. Я просто шокирован.

– И я тоже! – бросила в ответ Риа. – Ведь не твое тело претерпевает все эти изменения, а мое! Представь только,

насколько изменилась моя жизнь.

– Я все понимаю, – попытался успокоить ее Тейлор.

– И выбрал чертовски забавную манеру, чтобы продемонстрировать свое понимание.

– Я же попросил прощения.

– Тогда прекрати эти прозрачные намеки на мое желание заполучить твои деньги и прочее. Я хочу жить согласно своему долгу. Почему же ты не хочешь поступить так же? Ответственность в равной степени лежит на нас обоих. Мы вместе лежали на этой кушетке, вместе получали наслаждение, одновременно...

Ужаснувшись собственным словам, Риа снова повернулась спиной к Маккензи. Щеки ее горели. Риа ни разу не краснела с самого сочельника. Казалось, она приберегала свою стыдливость только для Тейлора Маккензи.

Сердце Риа бешено колотилось, во рту было сухо, а ладони сделались влажными, в ушах стоял гул, подобный реву громадных морских волн, разбивающихся о ее виски. Ей потребовалось время, чтобы прийти в себя.

– Я хочу сказать, что полностью беру на себя ответственность за свое поведение в ту ночь, – дрогнувшим голосом продолжила Риа. – Для меня непросто иметь ребенка, но он у меня будет. Ты слишком плохо знаешь меня, иначе бы тебе и в голову не пришло предлагать мне сделать аборт. – Риа была дрожа.

– А зачем же ты тогда вообще сказала мне о ребенке?

Риа медленно повернулась, явно задетая вопросом Маккензи.

– А ты не хотел бы знать, что являешься отцом? Я считала своим моральным долгом сказать тебе об этом.

– Твоя непосредственность просто восхитительна.

– Ты тоже был простодушен, пока я не втянула тебя в свою проблему, – невесело рассмеялась Риа. – Понравится ли это зайке-лыжнице?

– Зайке-лыжнице?

– Женщине, с которой ты разругался, отказавшись ехать с ней на лыжные катания.

– Лиза?

Лиза. Риа и прежде задавала себе вопрос, что подумала бы Лиза о сочельнике Тейлора. Приревновала? Или сама изменила бы Тейлору с инструктором по лыжам? Были ли Тейлор и Лиза достаточно развращены, чтобы рассказывать друг другу о своих похождениях? Не говорил ли Тейлор Лизе о том, как они занимались любовью с Риа, возможно, в целях стимуляции Лизы?

От одной этой мысли Риа стало дурно. Она схватилась одной рукой за живот, а другой зажала рот. Тейлор подскочил, словно от выстрела.

– Что с тобой?

– Ничего.

– Что-то случилось, черт возьми!

– Ничего!

– Ты вся позеленела!

Сквозь стиснутые губы Риа сделала глубокий вдох.

– Немного тошнит, вот и все.

– Присядь. – Тейлор рванул стул от стола.

– Я в самом деле в порядке.

– Садись. – В голосе Тейлора звучала выразительная требовательность, спорить с которой у ошалевшей Риа не было сил. Маккензи вытащил стул для себя, сел и, чертыхаясь, взъерошил на голове волосы. – Не пугай меня больше. Тебе что-нибудь дать?

– Нет. – Риа посмотрела на Тейлора: взгляд Маккензи был строг. – Ну хорошо. Крекер. Иногда печенье помогает успокоить живот.

Риа сказала Тейлору, где он может найти в буфете коробку с соленым печеньем. Вытаскивая печенье из целлофановой упаковки, Маккензи рассыпал крошки по всему столу. Коробка упала на пол, когда Тейлор, садясь на стул, задел бедром край стола. Откусывая крекер, Риа невольно рассмеялась.

– Что еще? – проворчал Маккензи.

– Для человека, умеющего мастерски открывать шампанское, ты не очень умело обращаешься с печеньем.

Поморщившись, Тейлор улыбнулся:

– Мне гораздо чаще приходилось иметь дело с шампанским, чем с беременными леди.

Риа мгновенно пришла в себя. Она стряхнула с ладоней

соль и мягко сказала:

– Уверена, что приходилось.

К обоюдному удивлению, Тейлор встал, подошел к Риа и накрыл ее руки своими.

– Прошу тебя, не обижайся. Я ничего не хотел этим сказать.

Риа уставилась на руки Тейлора – красивые мужские руки. Прямые пальцы с аккуратно подстриженными ногтями. Риа снова почувствовала, как в животе у нее все опустилось при воспоминании о том, как эти самые руки двигались по ее телу, массировали ее грудь, до которой теперь было больно дотронуться. Эти пальцы проникали в самые сокровенные места ее тела, доводили Риа до экстаза, в равной степени брали и давали наслаждение.

«По крайней мере, – подумала Риа, – он получил удовольствие от этих ласк. Я надеюсь».

Расстроенная своими невеселыми мыслями, Риа подняла голову и взглянула прямо в глубину глаз Тейлора.

– Ты рассказывал Лизе обо мне?

– Разумеется, нет. – Маккензи резко отдернул руки.

– Я бы этого не вынесла. – Риа почувствовала, как на глаза навертываются слезы, что с ней уже частенько бывало за последние недели, и надеялась, что ей удастся не зарыдать при мысли о том, как Тейлор и Лиза потешаются над ней.

– Признаюсь, что бываю откровенен со многими женщинами, но я не такое ничтожество, Риа.

– Думаю, что ты мог бы воспользоваться событиями сочельника, чтобы заставить Лизу ревновать.

– А ты именно таким способом вызываешь – ревность Гая?

– Нет, в такие игры я не играю.

– Я тоже.

Риа видела, что Маккензи говорит правду.

– Я никому не говорила.

– Ты должна была сказать, когда сообщала Гаю о ребенке.

– Я не распространялась насчет своего кавалера. Тебя я не назвала. А ты все еще с ней встречаешься?

– С Лизой? Да.

– И как она отнесется к нашей ситуации?

– Это не ее дело.

Риа в ужасе уставилась на Тейлора.

– Лиза может позволить себе не согласиться с такой точкой зрения.

– Дело касается только нас с тобой.

Маккензи имел полное право переспать в сочельник с другой женщиной, не мучаясь после этого угрызениями совести и не боясь упреков своей постоянной подружки. И такое отношение являлось самым ярким свидетельством того, насколько случайным, незначительным и неприметным событием была для Тейлора ночь, проведенная с Риа. Сердце женщины сжалось от боли, словно кто-то, грубо сломав преграду, ворвался в границы ее души.

– Итак, мы признали обоюдную ответственность в отношении этого ребенка, – произнес наконец Тейлор, – и исключили альтернативный вариант с абортом. Что же ты предлагаешь?

Риа стойко выдержала взгляд Тейлора.

– Вы на мне женитесь, мистер Маккензи.

Глава 3

После долгого, напряженного молчания Тейлор выдавил из себя:

– Как говорится, не в бровь, а в глаз.

– Не вижу смысла ходить вокруг да около.

Сомневаюсь, чтобы вы когда-либо в жизни ходили вокруг да около, мисс Лавендер. – Маккензи поднялся со стула и подошел к холодильнику.

Найдя в нем пиво, он взял банку и открыл ее. – В свете вашего предложения, полагаю, я имею право на баночку вашего пива?

– Угощайтесь на здоровье.

– Благодарю вас. – Маккензи шутовски отсалютовал банкой и, отхлебнул из нее, не спуская глаз с Риа. – Очевидно, наши перспективы со времени сочельника слегка изменились.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Трудно представить, что тебя заставили сделать это или даже принудили силой. Ты лежала голой на той шубе по доброй воле, так же как и я.

– Тебе нет нужды быть вульгарным.

– А тебе нет нужды быть ханжой.

– Я только хотела, чтобы ты понял, чего я жду от тебя.

Маккензи подавил в себе всплеск эмоций и произнес бо-

лее рассудительным тоном:

– Ты полагаешь, нам нужно пожениться, да? Тогда приведи мне хотя бы один веский довод.

– Как ты только что сказал, мы оба по доброй воле... – глядя в сторону, начала Риа, но потом, не желая, чтобы Тейлор принял ее смущение за слабость, посмотрела ему прямо в глаза. – Почему я должна взваливать ответственность только на свои плечи?

– А ты что, не читаешь «Домоводство» и «Космополитен»? Сейчас в моде растить детей в одиночку, причем к мужчинам это тоже относится.

– Я и собираюсь растить ребенка сама. Маккензи поднес банку к лицу и принялся внимательно ее изучать.

– Ерунда какая-то. Минуту назад ты предлагала мне брак и тут же заявляешь, что намерена растить ребенка сама.

– Я не шучу.

– Какие уж тут шутки! Может, кончишь говорить загадками? – Тейлор поставил банку на угол стола. – Так чего же ты хочешь, Риа? Мы поженимся или ты остаешься матерью-одиночкой?

– И то и другое. Меня несколько не беспокоит, если мы разведемся в ту самую минуту, как я выйду из роддома. Но мой малыш будет законнорожденным, и при рождении у него будут оба родителя.

– Если ты намерена развестись сразу после родов, стоит ли огород городить?

Риа недоуменно посмотрела на Тейлора.

– Неужели формальности займут так много времени?

– Да нет же, черт возьми. Я совсем не то имел в виду. –

Маккензи ткнул пальцем в колено Риа. – Неужели ты считаешь, что я отвернусь от своего ребенка? Не буду беспокоиться о нем?

– Не знаю. Я не знаю тебя.

– Оно и видно. – Тейлор снизил тон, запрокинул голову и глубоко вздохнул. – Я только пытаюсь понять, почему ты считаешь, что мы должны пожениться, если на самом деле собираешься растить ребенка сама.

Риа встала и, подойдя к окну, принялась бесцельно поправлять занавески.

– Назови это моими старомодными заскоками.

– В стиле натуральной рождественской елки. Риа бросила на Тейлора быстрый взгляд через плечо.

– Да. Именно в этом стиле. Родители при рождении ребенка должны состоять в браке.

Тейлор подошел к Риа сзади и положил руки ей на плечи. Повернув ее к себе лицом, он отклонил ее голову назад. Риа держалась твердо. Это кажущееся невинным объятие слишком напоминало то, при котором Тейлор говорил о снежинках в ее волосах и вот так же отклонил голову назад, чтобы впервые поцеловать. На лице Маккензи было то же выражение нежности.

– Попробуй еще раз, Риа. Скажи мне, почему ты хочешь,

чтобы мы поженились? Из религиозных убеждений?

– Отчасти, но не только из-за них.

– Ты сказала родителям о ребенке? Они давят на тебя?

– Ни то ни другое.

– Но что же тогда?. Ведь ты поэтому пришла сегодня ко мне в офис, не так ли? Чтобы просить меня жениться на тебе?

– Настаивать на этом.

– Не кажется ли тебе, что я заслуживаю права знать о причине такой настойчивости? – Риа попыталась взять себя в руки, чтобы не упустить инициативу, но Тейлор не дал ей опомниться: – Говори, Риа.

– Это не важно.

– Важно, черт тебя побери!

– Послушай, Тейлор, я знаю, что ты меня не любишь. И я не люблю тебя. Мы не влюблены друг в друга. Более того, я не уверена, нравимся ли мы друг другу. То, что между нами произошло, – чистая физиология. Одновременный взрыв сексуального желания. Это была... – Риа нервно облизнула губы, – страсть.

– Согласен, – сверкнул глазами Тейлор. – И теперь мы за нее расплачиваемся.

– Допустим.

– Но я считаю, что ребенок не должен платить за наш порыв.

– Я тоже так считаю.

– Так вот, ради него...

– Прекрати нести околесицу, – нетерпеливо перебил Тейлор. – Почему мы должны пожениться?

– Я уже сказала...

– Почему?

– Потому что я сама незаконнорожденная. Зло оттолкнув Маккензи, Риа направилась в гостиную. Чувствуя себя загнутой в угол, она резко обернулась, услышав за спиной шаги идущего вслед за ней Тейлора.

– Вот так! Удовлетворен? Я не хочу, чтобы мой ребенок рос с пятном позора, с каким росла я.

– Но тебе это, кажется, нисколько не повредило, – спокойно заметил Тейлор.

– Только благодаря двум замечательным людям, принявшим меня. Не волнуйся, мать твоего ребенка вовсе не психопатка. У меня нет никаких опасных для жизни пунктиков. Я выросла в спокойствии и безопасности, зная, что меня любят Роберт и Фрида Лавендер.

– Не всем детям и с родными родителями достается такая счастливая доля.

– Знаю. – Риа нервно сцепила руки. – И я благодарна Господу за своих маму и папу. – Она судорожно вздохнула. – Но я никогда не могла смириться с мыслью, что кто-то не захотел меня. Двое людей отказались от меня, отреклись, потому что я явилась биологической ошибкой. Они не хотели иметь общего ребенка. – Риа избегала смотреть на Тейлора. – Так

же, как не хотим мы.

Тейлор пересек комнату и взял Риа за руку. Притянув ее к себе, он медленно повлек Риа к кушетке, на которую они оба опустились.

– Ты совершенно измучилась. Посиди.

– Вот что я имела в виду, Тейлор. – В голосе Риа звучали отчаяние и безнадежность. – Я не хочу такой судьбы своему ребенку.

– Я тебя понимаю.

Теперь, когда правда была высказана, Риа могла позволить себе отбросить осторожность. Она откинулась головой на спинку кушетки и, сдерживая дыхание, вздохнула неполной грудью, после чего медленно выпустила воздух, давая телу возможность расслабиться.

Как это случалось с ней теперь каждый вечер, Риа неудержимо потянуло в сон. Она едва сдерживалась, чтобы не закрыть глаза. Но спустя несколько минут сообразила, что глаза ее все-таки закрылись. С трудом открыв их, Риа увидела, что Тейлор смотрит на нее. И улыбается.

– В чем дело.

– Я просто думал, насколько обманчивым может быть первое впечатление. – Любопытный взгляд Риа вынудил Тейлора развить свою мысль:

– Когда я впервые тебя увидел, то был просто поражен, до чего же ты прекрасна.

Риа с трудом проглотила слюну.

– Спасибо. Маккензи пожал плечами.

– Нет смысла теперь делать вид, что мне не понравилось то, что я увидел. – Взгляды их встретились и на какое-то время замерли. – Я решил, что ты настоящая, классическая леди, – продолжил, наконец, Тейлор. – По тому, как ты оде-та, по твоей манере флиртовать. У тебя был умопомрачи-тельный бюст, потрясающая задница и великолепное чув-ство юмора. Чувство юмора наконец вернулось к Риа. Она покраснела и застенчиво рассмеялась:

– Еще раз спасибо, и мне хотелось бы внести в протокол, что я полностью соответствовала твоим сексуальным при-страстиям.

– Считай, что внесено.

– Может, вы лучше изложите свою точку зрения по дан-ному вопросу, мистер Маккензи?

Тейлор смотрел на шею Риа, как голодный разглядывает шоколадный торт в витрине булочной.

– Да, так будет лучше, – резко сказал Маккензи. – Моя точка зрения заключается в том, что под внешним лос-ком Риа Лавендер скрывается сердце старомодной девчонки. Она накрепко держится за странные, устаревшие моральные принципы.

– Ты надо мной смеешься?

– Нисколько. Я говорю тебе комплименты. Женщину с та-кими высокими стандартами в наши дни трудно встретить.

– Вовсе нет, – живо отреагировала Риа. – Ты просто не

стремился их встретить.

– Каюсь, – тактично улыбнулся Тейлор, – Но у меня есть некоторые смягчающие обстоятельства. Если вы дадите мне шанс, я вас с ними ознакомлю.

Губы Риа изумленно приоткрылись.

– Да, да, Риа, – подтвердил Тейлор, осторожно закладывая прядь волос ей за ухо. – Я пришел к тебе, чтобы предложить выйти за меня замуж. По крайней мере до рождения ребенка.

– Что? Почему?

Тейлор передразнил испуг Риа, но тут же рассмеялся.

– По всем перечисленным тобой выше причинам. Насколько я помню, ты говорила что-то о необходимости жить с ошибками, о разделении ответственности, о проблемах незаконнорожденных.

– Если ты со всем согласен, почему же занял оборонительную позицию?

– Ты сама сказала мне в сочельник, что я не позволю никому третировать себя. Когда ты принялась бросать свои обвинения, я принял вызов.

– Получается, что все мои объяснения были напрасны?

– Не думаю, чтобы они пропали втуне. Теперь я лучше знаю твои взгляды и отношение к жизни.

– Нет, ты все еще меня разыгрываешь.

– Позволь прояснить жизненно важный пункт. – Увидев, что Риа вся внимание, Тейлор продолжил: – Ты, очевидно,

считаешь меня беспутным жеребцом, вознамерившимся заселить страну маленькими беспризорными Маккензи. – Тейлор усмехнулся, увидев, как Риа виновато опустила глаза. – Вопреки такому мнению у меня имеются совесть и строгие моральные принципы. Если бы подобное случилось со мной в студенческие годы, я решился бы на благородный поступок и женился на своей девушке.

Заявление Маккензи разозлило Риа:

– Я не нуждаюсь в твоей жалости.

– Да подожди ты, злюка. Не открывай новую дискуссию, когда мне едва удалось успокоить тебя.

– А ты не выставляй меня в роли похотливой кобылы.

Тейлор чертыхнулся.

– Не могли бы мы вернуться к теме разговора? Риа сдержала свой темперамент.

– Я вовсе не думала о себе, когда предлагала тебе жениться. Я думала только о ребенке.

– Я тоже, – возразил Тейлор. – Это ведь и мой ребенок. И мне небезразлично его будущее. Я никогда не откажусь от законных прав на него, что может произойти в случае, если мы не поженимся.

– Получается, что ты поступаешь так исходя из интересов законности?

– У каждого из нас свой интерес.

Глубоко задумавшись, Риа разглядывала свои голые ступни. Ей показалось справедливым, что Тейлор имеет неко-

которые законные права на ребенка. Жизнь Риа была бы бесконечно пустой без Роберта Лавендера. Может ли она эгоистично лишить ребенка отца? Пусть даже воскресного?

– Ну хорошо. Мы оговорим некоторые основы взаимоотношений в бракоразводном контракте.

– Мы говорим о разводе, ни словом не обмолвившись о свадьбе.

Риа улыбнулась в ответ на улыбку Тейлора.

– Для этого у нас еще куча времени. Все, о чем я прошу, – чтобы мы поженились хотя бы за неделю или около того до родов.

Решив, что соглашение достигнуто, Риа собралась было встать с кушетки, но Тейлор удержал ее, схватив рукой за не заправленную в джинсы футболку.

– У меня есть одно условие.

Сев на место, Риа выжидательно посмотрела на Маккензи.

– Какое?

– Мы поженимся немедленно. Завтра. В крайнем случае послезавтра. Как можно скорее.

– К чему такая спешка?

– Потому что в политическом смысле будет катастрофой, если я женюсь за несколько дней до рождения своего ребенка.

– Но ты уже занял кабинет мэра. Ни Бликер и никто другой не в силах снять тебя с должности.

– Да, я въехал в офис, но смогу ли эффективно работать,

если в моральном плане буду уязвим? – Тейлор покачал головой. – Гм-м-м, мы должны пожениться задолго до рождения ребенка.

– Никто никогда не узнает, что отец – ты. Я никому не скажу. Мы уедем из города и зарегистрируемся. Ты сможешь тайно навещать ребенка.

– Риа, у нас обоих высокое общественное положение. Ты знакома со многими людьми, я – тоже. Многие из наших знакомых видели, как в сочельник мы вместе покинули вечеринку у Грэхемов.

– Ты в самом деле считаешь, что кому-нибудь придет в голову сложить два и два?

– Нет, они сложат один и один и получают три. Ты, я и ребенок. Или прибавят к сочельнику девять месяцев и получают двадцать шестое сентября. И я с отвращением отношусь к непорядочности. Если мы собираемся узаконить рождение ребенка, нам следует сделать это как можно скорее. В противном случае нам вообще нет смысла жениться.

– Но любой поймет причину нашего брака, если мы расторгнем его сразу же после родов.

– Это уже будут чистейшей воды домыслы.

– Домыслы посыплются в изобилии, если мы поспешим и поженемся, даже не встречаясь до этого. Слухи поползут, как только моя беременность станет заметной.

Тейлор посмотрел на плоский живот Риа. В порыве чувств он положил на него руку.

– Трудно поверить, а? Неужели там действительно уже есть ребенок?

Риа сама не поверила, но вся обмякла при прикосновении Тейлора. Ощущение его ладони, твердо и тепло лежащей на нижней части ее живота, вызвало томность и легкое головокружение, никак не связанные с беременностью.

– Теперь, когда у меня было время все обдумать, мне даже нравится мысль, что в тебе растет мой ребенок. – Тейлор поднял голову, и его ярко-голубые глаза заглянули в лицо Риа. – По правде сказать, мне временами нравится и твоя идея.

Тейлор наклонился и сухо поцеловал Риа в губы. Потом, склонив голову набок, снова поцеловал, на этот раз полуоткрытыми губами. Они прижались к ее губам, слегка их теребя, пока губы Риа не приоткрылись в ответ.

Риа не была пьяна, как в сочельник. Поцелуи Тейлора не усугублялись магическим действием шампанского или воспоминаниями. Они были точно такими же искусными и грешными, какими и запомнились Риа. Язык Тейлора действовал ловко, быстро, легко, неторопливо, вкрадчиво и возбуждающе.

Рука Маккензи потянулась к груди Риа и сжала ее, наслаждаясь налитой полнотой. Кончиками пальцев Тейлор захватил соски, и Риа застонала, потому что ласка доставила ей неизъяснимое наслаждение своей нежностью и расслабляющим действием на ноющую, зудящую плоть.

Не прерывая поцелуев, Тейлор прошептал имя Риа и еще плотнее приник к ее губам, язык его пробивался все глубже. Риа начала растворяться в сладости поцелуев Тейлора, близости его крепкого тела, запахе кожи и волос. Она вновь сливалась с Тейлором Маккензи, как это случилось в тот вечер накануне Рождества. Она тонула, тонула, тонула...

Риа вдруг резко отстранилась:

– Нет, Тейлор, мы не можем.

Маккензи тяжело дышал и часто моргал.

– В чем дело?

– Ни в чем.

– Веский довод.

– У меня тоже есть условие. Между нами не может быть интимных отношений.

– Тебе следовало предупредить меня об этом тремя с половиной поцелуями раньше, – пробормотал Маккензи.

Риа встала и одернула задравшуюся футболку. Она пробежала пальцами по волосам, тщетно пытаясь привести их хоть в какой-то порядок. Потом провела повлажневшими ладонями по бедрам, надеясь, что это несколько успокоит вспыхнувшую внутри ее сладкую дрожь. Почему она все еще хочет Тейлора? Как она может хотеть его, заплатив столь высокую цену за единственную ночь, проведенную ими вместе?

– Любые эмоциональные или физические увлечения могут только усугубить нашу ситуацию.

– Усугубить ситуацию больше, чем мы имеем сейчас,

невозможно.

– Тейлор!

– Шучу. – Медленно и неловко Маккензи поднялся с кушетки. – Я сделаю все приготовления и позвоню тебе. – Он направился к двери.

– Подожди! Ты не можешь уйти, прежде чем мы не обсудим, что отвечать, если станут спрашивать, почему мы не живем вместе.

– Не станут. Мы будем жить вместе.

– Что? Но мы не можем! Где?

– У меня.

– Не может быть и речи.

– Риа, поверь, я не в том состоянии, чтобы немедленно открыть дебаты по данному вопросу.

– Но мы должны его решить.

– И я уже решил, – вспыхнул, не сдержавшись, Тейлор, но тут же прикусил губу и кивнул. – Ладно. Мне нужно отправиться домой, принять холодный душ и попытаться свыкнуться с мыслью, что я лишь формально буду женат на прекрасной, сексуальной, беременной леди. Идет? – резко спросил он. – Я тебе позвоню.

– Готова?

– Да.

Тейлор одобрительно кивнул Риа и ввел ее в судебную палату. Маккензи утряс все детали и договорился в суде, что

их брак регистрируют в пять часов вечера, после работы.

Риа заехала домой принять душ и переодеться. Все выглядело достаточно формально, но все же это была свадьба. Ее свадьба. Риа надеялась, что обряд одевания настроит ее на необходимый лад. Поздно было что-либо переигрывать, но она все же продолжала задаваться вопросом, правильно ли поступила, решившись сказать Тейлору о ребенке.

После того как врач подтвердил ее беременность, Риа решила, что они с отцом ребенка регистрируют брак перед родами. В ту бессонную ночь она представляла себе, как они с Тейлором подписывают брачный контракт, связывающий их законными узами брака, а потом, когда появится малыш, подписывают документ, этот брак расторгающий.

Мысли о проживании в одном доме и смене фамилии ей и в голову не приходили. Букет белых и алых роз, преподнесенный заехавшим за ней Тейлором, тоже явился неожиданностью. Брак по необходимости, таким образом, принял совершенно цивилизованную форму, а сама Риа не могла точно сказать, как это случилось.

Букет дрожал в руках Риа, повторявшей слова клятвы перед судьей и секретарем-свидетелем. Когда судья предложил новобрачным обменяться кольцами, Маккензи удивил Риа, достав из жилетного кармана обручальное кольцо из белого золота и надев его на ее палец.

Когда судья попросил их поцеловаться в знак состоявшегося бракосочетания, Тейлор вложил в поцелуй все свое

изоощренное мастерство с таким блеском, что ни у кого из свидетелей церемонии не возникло и тени сомнения, что брак заключен по искренней и взаимной любви. Поцелуй почти убедил в этом и саму невесту, хотя она знала нечто большее, чем присутствующие.

Тейлор и Риа покинули здание суда уже в статусе молодоженов. Риа, все еще смущенная впечатлением от поцелуя, заметила:

– Тебе не стоило беспокоиться о кольце.

– Я взял себе за правило никогда и ни в чем не обманывать своих жен, – сообщил Тейлор, одаривая Риа ослепительной улыбкой.

– Я у тебя первая.

– Да, но прецедент создан. – Тейлор помог Риа сесть в «корвет». – Я заказал ужин в «Ля Флер».

Жених не переставал преподносить сюрпризы.

– Лучше бы тебе этого не делать.

– Ты не хочешь есть?

– Не очень, – уклончиво ответила Риа.

– Плохо себя чувствуешь?

Риа позабавила идея солгать Маккензи, но она решила, что ложь не самое правильное начало какой бы то ни было семейной жизни.

– Нет, все нормально.

Маккензи остановил «корвет», въехав под порт-кошер, но не обращал внимания на подбежавшего слугу, готового ото-

гнать машину на стоянку. Повернувшись к Риа, он спросил:

– В чем же тогда дело, Риа?

– Во всем. Букет, кольцо, ужин... Это так... так по-свадебному...

– Тебе не понравились розы? Надо было купить серебряное кольцо? Бриллианты? Ты ненавидишь «Ля Флер»?

– Брось свои шуточки, черт возьми. Ты понимаешь, что я хочу сказать.

– Нет. Не понимаю. Почему бы тебе не объяснить мне по буквам?

– Ну ладно. Объясняю: не заходи слишком далеко, не играй с огнем.

Взволнованный Тейлор, прикусив нижнюю губу, пристально смотрел на Риа.

– Я кажусь сходящим с ума от любви к тебе, да? Достаточно импульсивным для жениха? И ты говоришь, что в таком состоянии человек способен играть с огнем?

– Ты не женился на мне в порыве страсти и не сходишь с ума от любви.

– Но они этого не знают, – присвистнул Маккензи, указывая глазами на мир за ветровым стеклом автомобиля. – И мы должны их убедить.

– Тогда твоя политическая карьера будет вне опасности? – съязвила Риа.

Скулы Маккензи напряглись, взгляд заледенел. Наклонившись вперед, он произнес:

– Нет, просто люди не узнают, что тебе удалось заарканить совершенно незнакомого мужика и между делом трахнуть с ним в сочельник.

Риа побледнела, содержимое желудка, взбунтовавшись, моментально подступило к горлу.

– Мне плохо. – Она принялась судорожно нащупывать ручку двери.

Швырнув ключи слуге, Тейлор потащил Риа в помещение ресторана. Она вовремя успела заскочить в дамскую комнату. Чуть позже сердобольная престарелая служанка предложила Риа холодные компрессы. Один она положила на липкий от пота лоб Риа, а вторым обернула ей горло.

– Я говорила бармену, что его коктейли слишком крепкие, – посетовала служанка, пожимая руку Риа.

– Я ничего не пила. Я... – «Беременна», – чуть было не ляпнула она, но вовремя спохватилась, – только что вышла замуж.

Складки на лице старой женщины разгладились от широчайшей добродушно-восторженной улыбки.

– Нервотрепка перед первой брачной ночью? Она скоро пройдет.

Риа слабо улыбнулась в ответ. Убедившись, что тошнота отступила, Риа подкрасила губы и покинула туалет, сопровождаемая лучшими пожеланиями счастливой жизни, еще долго звеневшими в ее ушах.

Тейлор нервно вышагивал у входа в ресторан.

– Ну как ты?

– Лучше.

Маккензи выглядел едва ли не таким же больным, как Риа.

– Риа, прости меня. Боже, как ужасно то, что я сказал!

– Это уж точно. Но я принимаю твои извинения, потому что сама была хороша.

Эмоции захлестнули Риа, и глаза ее наполнились слезами, которые она никак не могла сдерживать. Она открыла сумочку в поисках бумажных салфеток, но Тейлор протянул ей свой носовой платок с монограммой.

– Я спровоцировала тебя. Ты был так внимателен. А я-то предполагала, что ты будешь угрюмым, и никак не ожидала от тебя такого участия. Я готовилась к издевке с твоей стороны, а ты был так добр. – Риа подняла голову и увидела, что они успели привлечь внимание небольшой аудитории. – На нас все смотрят.

– Не бери в голову. Невестам положено плакать, особенно когда жених стаскивает с них трусики.

Риа уже смеялась, когда Тейлор, взяв ее под руку, повел в беседку, где были установлены платные телефоны и сигаретные автоматы. Здесь они почувствовали себя более уединенно.

– Риа, – Тейлор погладил ее по щеке, – то, что я сказал в машине... было омерзительно, если учесть, что речь шла о такой замечательной вещи, как зачатие ребенка. И...

– Что? – спросила Риа после затянувшейся паузы.

– Я никогда не считал случившееся с нами только сексом.

Они долго и пристально смотрели друг на друга, пока их безмолвный диалог не был прерван джентльменом, зашедшим в беседку позвонить.

– Нет нужды оставаться здесь, если ты плохо себя чувствуешь, – сказал Тейлор, засовывая в карман носовой платок, которым он смахнул слезы со щек Риа.

– Нет, пожалуйста, мне бы хотелось. Тебе стоило немалых хлопот заказать здесь столик. Было бы несправедливо не оценить твои труды.

Увидев благодарную улыбку на лице Тейлора, Риа поняла, что своим предложением доставила ему истинное удовольствие. Метрдотель вежливо поинтересовался самочувствием мисс Лавендер. Риа заверила его, что с ней все в порядке, а Тейлор поправил:

– Теперь – миссис Маккензи, Пит. Старый официант, знавший и Тейлора, и Риа по именам, замечательно быстро оправился от услышанной потрясающей новости и расплылся в улыбке:

– Поздравляю, мистер Маккензи. Он галантно поклонился Риа и отвел их к лучшему столику в ресторане, прислав еще и бутылку шампанского в подарок. Через минуту вся кухня, официанты и посетители ресторана, даже мальчишка-парковщик, натиривший до блеска «корвет» с почти сексуальным наслаждением, знали, что вновь избранный мэр Маккензи женился на архитекторе Риа Лавендер.

– Ты не устала от того, что мужики смотрят на тебя глазами похотливых подростков?

Риа слегка опустила тисненую кожаную обложку меню и посмотрела из-за нее на Тейлора. Взгляд у нее теперь был вполне выразительный и щеки порозовели.

– Что ты сказал?

– Все головы поворачивались тебе вслед, когда ты проходила по залу.

– Тебе это только показалось.

– Уху-ху. дюжина пар алчущих глаз пронзала испепеляющими взглядами мою спину. Мне, жаль бедных лишенцев-сосунков, но это вовсе не значит, что я должен терпеть, когда моей жене строят глазки. – Риа понимала, что весь этот шуточный вздор Тейлор несет с единственной целью – улучшить ее настроение, но прием сработал. Ей даже стало теплее от взгляда, которым Маккензи за ней наблюдал. – Новое платье?

– Да, новое, но купила я его вовсе не для сегодняшнего торжества. Мне так или иначе нужно было обновить гардероб.

– А жемчужное ожерелье – подарок мужчины? – задиристо улыбнулся Тейлор.

– Мне подарили его родители в день окончания колледжа. Маккензи удовлетворенно кивнул.

– Что бы ты хотела съесть?

– Куриный бульон «Кемпбел». Маккензи засмеялся, при-

крывшись меню.

– В таком случае закажи консоме. И получишь то, что надо.

Риа сама удивилась тому, что смогла съесть целую куриную грудку-гриль. На десерт владелец ресторана прислал им в подарок праздничный торт-мороженое на двоих. К великому удовольствию прислуги, Тейлор разрезал его со всей необходимой церемонностью. Риа и Тейлор откусили по куску из рук друг друга и чокнулись шампанским, хотя Риа лишь пригубила из своего бокала.

Когда пришло время уходить, Тейлор помог Риа подняться со стула и, заботливо поддерживая за талию, провел к выходу. У стойки метрдотеля они лицом к лицу столкнулись с компанией из трех человек, ожидавших свободного столика.

Глаза блондинки скользнули по Риа, словно не видя ее. Зато она радостно улыбнулась Тейлору:

– Тейлор, как хорошо, что мы тебя здесь застали. Ты ведь не уходишь? Еще слишком рано. Мы только что подъехали. Ты помнишь Уилсонов?

– Разумеется. – Тейлор пожал руку мужчине – и кивнул его жене.

– Вы к нам не присоединитесь?

То, что Риа тоже входит в круг приглашенных, блондинка выразила лишь мимолетным взглядом в ее сторону и тут же жадно уставилась на Тейлора.

– Прости, но сегодня – нет. Риа, познакомься, это Лиза

Бартон. Лиза, это Риа, моя жена.

Присутствие Уилсонов спасло сцену от полного провала. Обе женщины молча смотрели друг на друга. Риа пришла в себя быстрее, чем Лиза. Она кивнула в знак знакомства и обратилась с вопросом к миссис Уилсон, не тот ли она архитектор, о котором Риа приходилось так много слышать? Лиза позабыла все правила этикета и, как только к ней вернулся дар речи, сразу же взяла быка за рога:

– Тебе не кажется это несколько неожиданным? Что подразумевалось под словом «это», пояснять не приходилось. Глаза Лизы потемнели от злости. Тейлор обнял Риа за плечи.

– Мы познакомились с Риа прошлой осенью. «Позже, гораздо позже», – мелькнуло в голове Риа.

– А сегодня поженились, – выдав всю, по его мнению, необходимую информацию, Тейлор потянул Риа за собой. – А сейчас, если вы не возражаете, нам не терпится добраться до дома.

У Риа подкашивались ноги и пылали щеки от мысли, что слова Тейлора подразумевали скорое начало первой брачной ночи. Риа была очень рада покинуть ресторан под руку с Тейлором. В ожидании, когда подгонят их машину со стоянки, Риа крепко обхватила себя руками, чтобы хоть как-то унять бившую ее дрожь. Достав ключи, Тейлор внимательно изучал наклеенные на доске объявлений в гараже уведомления о потерянных и найденных вещах и имеющихся вакансиях.

Сев наконец в «корвет», Риа сжала голову руками.

– Ты ведь не собираешься избавляться от съеденного консоме, а? – поинтересовался Тейлор. – Я был бы тебе признателен, если ты предупредишь меня заранее, чтобы я успел затормозить и остановиться.

– Тейлор, я только что познакомилась с Лизой. Твоей Лизой. Видел выражение ее лица, когда ты сказал, что я твоя жена? Как ты можешь быть таким бесчувственным?

– Я не хочу говорить о Лизе, – твердо заявил Маккензи.

– Это понятно, но мне кажется, нам все-таки следует поговорить.

Тейлор угрюмо сжал челюсти и промолчал. Они подъехали к дому, но Риа едва взглянула на свое новое пристанище. Она была слишком озабочена тем, что Тейлор продолжает держать ее в неведении относительно своей подружки. Обойдя машину, Маккензи помог Риа выйти, извлек из багажника ее чемодан и, подойдя к парадному входу, открыл дверь. Риа застыла на пороге, не решаясь ступить внутрь.

– Ждешь, чтобы я перенес тебя через порог на руках?

– Жду, когда ты расскажешь мне о Лизе.

Тейлор поставил чемодан на пол и оперся обеими руками на стенку за спиной Риа, так что ее голова оказалась между ними.

– Давай сразу же проясним ситуацию. Она вовсе не «моя Лиза» и никогда таковой не являлась. Если тот факт что мы с ней спали, делает Лизу «моей», то с тем же успехом «своей» ее может назвать еще куча мужиков. Уяснила? И я не обязан

ей что-либо объяснять. Естественно, я перестал с ней встречаться с того самого вечера, как познакомился с тобой. – Тейлор опустил руки ниже. – А теперь, несмотря на то что тебе не терпится устроить вторую семейную сцену в прихожей, я предлагаю закрыть тему Лизы и позволить мне внести тебя в дом на руках.

Риа позволила, поскольку ей не оставалось ничего другого, когда Тейлор решительно поднял ее на руки и шагнул в гостиную. Но ошеломленное выражение лица Лизы никак не выходило из головы Риа. Тейлор высказал свою точку зрения на их отношения, но Лиза Бартон могла относиться к ним гораздо серьезнее. Так или иначе, но, желая сохранить состояние гармонии, Риа решила хотя бы на время оставить неприятную тему.

Тейлор не только внес Риа в гостиную, но пронес ее и по всему дому.

– Здесь вот кухня. – Обстановка кухни была абсолютно белой, за исключением стен, выкрашенных в терракотовый цвет. – Все удобства в ней по последнему слову техники.

– Может быть, ты опустишь меня?

– Нет.

– Но мне хочется все рассмотреть.

– Эвфемизм для «сунуть свой нос», но у тебя впереди уйма времени, чтобы утвердить свой устав в этом монастыре. Ты должна беречь ножки. Мне кажется, у тебя начинают опухать лодыжки.

– Правда?

Риа в панике приподняла правую ногу и принялась исследовать собственную лодыжку. Никаких изменений в ней она не обнаружила. Риа недоуменно посмотрела на Тейлора, и тот взорвался смехом.

– Попалась!

Риа поддалась заразительному смеху Тейлора и сама рассмеялась. Обмениваясь шутливыми комментариями, они обошли гостиную, рабочий кабинет и все прочие комнаты в доме. Но смех Риа смолк, как только Тейлор открыл двери роскошной спальни.

Из просторного окна открывался великолепный вид на горы. Солнце уже закатилось за них, и на темно-фиолетовом небе во всей своей красе сверкали яркий полумесяц и Венера.

Одного взгляда на просторную комнату было достаточно, чтобы Риа поняла, что хозяин великолепной спальни – сибарит. Ковер был настолько мягок, что нога утопала в нем по самую лодыжку.

В центре стояла королевских размеров кровать на дубовых ножках, покрытая черным кожаным покрывалом. В ногах постели лежал несправедливо небрежно брошенный норковый плед. Мягкое освещение, было многонаправленным, что не позволяло сразу определить его источник. В стене напротив кровати располагался камин, облицованный черным мрамором. Низкие кресла так и приглашали опуститься в

них и, свернувшись калачиком, насладиться тем, что предложит многофункциональный видеоаудиоцентр высшего класса. Правую прикроватную тумбочку украшали белые тюльпаны в хрустальной вазе. На левой в серебряном ведерке со льдом красовалась бутылка шампанского.

Как архитектор, Риа не могла не оценить высокий профессиональный уровень превосходного дизайна. Как женщину, вид комнаты привел ее в трепет, уподобив девственнице, очутившейся в каюте капитана пиратского корабля.

Тейлор медленно и осторожно поставил Риа на ноги, но не отпустил, положив руки ей на плечи, словно боялся, что она тут же бросится наутек.

– Очень мило, – мягко произнесла она. – Любопытно, что подумали бы граждане нашего благочестивого городка о своем мэре, если бы увидели сии гедонистические спальные апартаменты?

Довольный, раскатистый, глубокий смех Тейлора возбуждающе зазвенел в ушах Риа. Его ладони ласково гладили ее руки.

– Возможно, я еще больше бы им понравилось. Особенно женщинам. А тебе-то самой нравится?

Риа в упор посмотрела на Тейлора.

– Это не имеет никакого значения, поскольку спать здесь я не собираюсь.

Обхватив себя руками и скрестив ноги, Тейлор прислонился к дверному косяку.

– Риа, когда я говорил тебе о нашей совместной жизни в законном браке, я, должно быть, упустил одну маленькую деталь.

Живот Риа снова наполнился пустотой в предчувствии того, что последует за этой фразой.

– Какую?

– У меня большой дом, но спальня в нем только одна.

– Прекрасно. Я буду спать на кушетке.

– Нет, на кушетке ты спать не будешь. Не может быть и речи о том, чтобы моя беременная жена мучилась на какой-то кушетке.

Риа гордо вздернула подбородок:

– Ты убедил меня в необходимости жить вместе, чтобы придать нашему браку полную достоверность, но мы прекрасно понимали, что совместное проживание вовсе не означает, что мы будем спать в одной постели.

– Это ты так понимала. – Голос Тейлора был опасно спокойен.

Риа расправила плечи.

– Я не останусь здесь, если мы не договоримся о том, как будем спать.

– Уже договорились. – Тейлор оторвался от косяка и повернулся, чтобы закрыть дверь. – Я буду спать слева.

Глава 4

– Ты шутишь?

Вместо ответа Тейлор снял пиджак и бросил его на кресло. Риа в ужасе наблюдала за ним.

– Глазам своим не верю. Ты что, намерен применить силу? Тейлор лишь нахмурился.

– Но это единственный способ, с помощью которого ты можешь заставить меня лечь с тобой в постель.

– Послушай, Риа, не говори чего не следует. – Усмешка Тейлора должна была бы обнажить клыки, если бы таковые у него имелись.

Он уже снял жилет и теперь был занят пуговицами рубашки. Риа нервно облизнула губы, стараясь не обращать внимания на проворные движения сильных тонких пальцев Тейлора.

Расстегнув все пуговицы, он медленно вытянул рубашку из брюк. Соблазнительности, с которой раздевался Маккензи, мог бы поучиться сам Казанова. Расстегнутая рубашка обнажила густо покрытую темными вьющимися волосами мускулистую грудь, которую Риа помнила слишком хорошо. В последнее время эта потрясающая грудь не раз живо представлялась ей в мечтах.

– Послушай, Тейлор, – залепетала Риа, когда он скинул рубашку и принялся расстегивать брючный ремень, – то, что

случилось в сочельник...

– Было фантастикой. К чему это отрицать? И почему бы не повторить удовольствие?

– Потому что в этом ничего нет.

– Да?

– Это... это по-животному.

– То-о-очно. – Тейлор только рассмеялся раздраженности Риа. – Здоровый зов плоти полезен и для тела, и для мыслей, и для души.

– Я так не считаю. Послушай, то, что случилось, было простой слабостью с моей стороны.

Согнав с лица улыбку, Тейлор спросил:

– Ты считаешь, что снова нас свел только ребенок?

Риа резко вздохнула и выпалила:

– Да. И если бы я не забеременела, то давно бы уже выбросила все из головы.

– Ребенок всего-навсего стал неожиданным результатом нашей рождественской встречи. – Голос Тейлора смягчился. – Я мужчина, ты женщина и можешь отрешиваться от этого до самого Страшного суда, Риа, но физически мы привлекаем друг друга. И это наилучший аргумент в пользу того, чтобы заняться любовью.

Тейлор шагнул вперед, Риа предусмотрительно сделала шаг назад.

– Какие бы сомнения ни обуревали тебя, но первобытный закон естества возьмет свое. Именно это и произошло

в сочельник. Было бы полным идиотизмом с нашей стороны жить под одной крышей, нравиться друг другу, пусть даже совсем чуть-чуть, хотеть друг друга, полагаю, очень сильно и не воспользоваться благоприятной ситуацией.

– Но все это лишь на время.

– Так это же еще лучше. Мы абсолютно свободны от прессы супружеских обязанностей, а можем лишь наслаждаться внешними прелестями законного брака.

Риа исчерпала потенциальный путь к отступлению: ее ноги уперлись в кровать Тейлора.

– Мы оба точно знаем о своем отношении друг к другу, – продолжал Тейлор. – Большинство супружеских пар могут только мечтать об этом.

– Ты способен внести рационализм абсолютно во все.

– Тогда посмотри на ситуацию с практической точки зрения. Сегодня моя первая брачная ночь. Я хочу провести ее как жених. А ты, как невеста, разве не чувствуешь позыва к легкому, беззаботному сексу? – Тейлор привлек Риа к себе и, наклонив голову, потерся кончиком носа о ее обнаженную шею. – Мы можем продолжить дискуссию, если тебе так хочется, но в этом марафоне, – рот Тейлора коснулся предплечья Риа, он поднял голову и прошептал ей в губы, – ты проиграешь.

От его долгого крепкого поцелуя Риа ослабла и почувствовала нестерпимое желание. Чтобы сохранить равновесие, она обвила руками шею Тейлора и с наслаждением при-

льнула к нему всем телом.

– Гм-м-м, совсем неплохо. – Обняв бедра Риа, Тейлор сильнее прижал ее к себе. Вынув из ее волос гребень, он зарылся лицом в поток падающих локонов.....

Расстегнув пуговицу на жакете Риа, Тейлор запустил под него руки и сжал ее груди. Тейлор был достаточно чувствителен, чтобы ощутить первую пугливую реакцию Риа.

– Приятно? – прошептал он. Риа кивнула. Тейлор окончательно расстегнул жакет и посмотрел на полную грудь Риа, объемно выступавшую над чашечками бюстгалтера. Он нежно поцеловал округлую вершину двух белых полушарий, после чего, неохотно оторвавшись от них, поднял голову.

– Нет-нет, все в порядке, – скороговоркой произнесла Риа.

Тейлор издал глубокий торжествующий вздох. На мягкой, трепещущей груди Риа остались следы его губ. Склонив голову набок, Тейлор через материю поцеловал сосок.

– Риа, скажи, что это было хорошо.

– Сочельник? Да, это было хорошо.

– Порой мне кажется, что это был лишь сон.

– Я ношу в себе доказательство того, что это был сон наяву.

– Да, точно.

Тейлор опустил руки на живот Риа, как бы защищая его. Он не сводил глаз с Риа, и очень скоро улыбка на его лице сменилась выражением страстного желания. Он чувственно

прижал ладони к лобку Риа и прошелся пальцами по линии треугольника.

– Я снова хочу тебя. Сейчас.

Молча, почти задыхаясь, Риа кивнула. Темнота наполнилась тихим шепотом жаждущих губ, поскрипыванием кожи, шорохом меха и шелестом пахнущих лимоном простыней.

– Не надо, оставь жемчуг на себе.

– Но это выглядит положительно развратно.

– Еще как! Дьявольски развратно.

Тихий смешок.

– Ты красива, Риа. Очень.

– Ты тоже.

– Я? Да я же волосат, как горилла.

– О-о-ох...

– Ты вся такая гладкая и шелковистая. У меня не было достаточно времени разглядеть тебя рождественской ночью.

– Ты компенсировал это знакомством на ощупь, прошелся по всему.

– И сегодня я намерен повторить опыт.

– Ах, Тейлор...

– Тебе неприятно?

– Хорошо.

– Уверена?

– Да.

– Тебе нравится? – Молчание. – Риа?

– Да, да, нравится.

– А если я пососу их, тебе не будет больно?

– Нет.

Мягкий смешок наслаждения.

– Ты такая сладкая.

– Не останавливайся, Тейлор.

– И не собираюсь.

– И не тяни.

– Я думал...

– Пожалуйста...

А немного позже по телу Риа текло шампанское. Оно положило себе дорожку от пупка до треугольничка. Ледяные капли искрились и сверкали в завитках волос, пока не были собраны по одной теплыми алчущими губами Тейлора.

Потом, когда он спросил: «Еще шампанского?» – Риа покраснела всем телом, и Тейлор рассмеялся.

– На этот раз я выпью его из бокала.

– С моей стороны не было жалоб на предыдущий способ.

Тейлор шутливо чертыхнулся, склонился над Риа, заключил ее лицо в свои ладони и пылко поцеловал.

– То был специальный тост за мою невесту. – Очередной поцелуй. – Боже, до чего же ты великолепна!

Риа отказалась от шампанского, поклявшись не брать в рот алкоголя, пока будет вынашивать ребенка. Но Тейлор наполнил свой бокал, откинулся на подушки, ничуть не смущаясь своей наготы и состояния полуэрекции, и принялся неторопливо разглядывать Риа плотоядным взглядом.

– У нас будет очень красивый ребенок, – заявил он.

– Темноволосый, конечно.

– И высокий.

Риа положила руку на бедро Тейлора.

– Красивые длинные ноги.

– Красивый длинный... ну, это не важно.

– И это тоже, – хихикнула Риа, – если это будет, мальчик.

Захватив прядь волос Риа, Тейлор притянул ее голову для очередного знойного поцелуя. Оторвавшись наконец от ее губ, Тейлор сказал:

– Интересно, будет ли это он?

– Ты полагаешь, у нас будет девочка?

– Для меня не имеет значения, – пожал плечами Тейлор.

– Для меня тоже. – Риа прошлась рукой по животу и задумчиво протянула: – Мое единственное желание, чтобы наш ребенок был здоров и счастлив:

– Будет, – ласково заверил ее Тейлор. – Глаза у него будут голубые или зеленые? Которые из них доминируют? – Риа промолчала, Тейлор погладил ее по щеке и расправил складку, залегшую между бровей. – Что?

Вздохнув, Риа прижалась щекой к его бедру.

– Просто я подумала, что мы не знаем, какие гены он унаследует от моих родителей. Моих настоящих родителей.

– Чтобы родить такую дочь, они должны были являть собой образец физически идеальных человеческих особей с первоклассным интеллектом. По крайней мере, один из них

обладал упрямым характером и бешеным темпераментом. – Тейлор игриво дернул прядь черных волос. – Мне кажется, в твоих жилах есть индейская кровь, о чем свидетельствуют волосы и линия скул. – Кончиком указательного пальца Тейлор провел по скуле Риа.

– Однозначно. Обычно я такими их себе и представляла в своих мечтах. – Риа никогда ни с кем не откровенничала о своих родителях и сама удивлялась той легкости, с которой говорит о них с Тейлором. – В моих фантазиях мать была индейской принцессой, а отец – ирландцем-авантюристом с горящими зелеными глазами. Но родители, которых я себе представляла, были не более чем реминисценцией характеров, которые я вычитала в историко-романтических романах, а не современны ми людьми. И еще я придумывала, что произошла какая-то катастрофа, унесшая их жизни и сделавшая меня сиротой.

– Откуда ты знаешь, что так не было на самом деле?

– Мама с папой говорили мне, что мои родители живы, по крайней мере были живы на момент моего удочерения.

Тейлор закинул руку за голову Риа.

– А кто назвал тебя Риа?

– Мама с папой.

– Ты уже сказала им о ребенке?

– Нет, – ответила она после короткой паузы.

– А обо мне?

Приняв сидячее положение, Риа призналась:

– Прости меня, Тейлор, но да, я сказала им, что встретила одного человека, с которым мы, вероятнее всего, поженимся.

– И как они на это отреагировали?

– Пришли в восторг от перспективы, что у них появится зять. Думаю, они опасались, что я закоренелая феминистка, женщина карьеры, насмехающаяся над замужеством, сердечными делами и семейным очагом.

– Они были не так уж далеки от истины. Риа скорчила Тейлору гримасу.

– Мамуля сразу же вспылала желанием заняться составлением списка гостей и организацией церковного венчания по полной программе. Но я пресекла ее попытки, сказав, что ты занимаешь высокий общественный пост, и хотел бы сыграть свадьбу с минимальной помпезностью. Ненавижу лгать родителям, но...

– Но тем самым мы сможем поставить их перед свершившимся фактом, а потом, немного выждав, сообщить и о рождении ребенка, что в этом случае будет выглядеть совершенно нормально.

Риа разглядывала свои руки.

– Зачем огорчать их без нужды? Тейлор приподнял ее голову за подбородок.

– Без вопросов.

– Спасибо, Тейлор.

Маккензи поставил пустой бокал на прикроватную тумбу и поцеловал Риа.

– Уже поздно, а завтра рабочий день.

– Да, нам следует хоть немного поспать.

– Черта с два, – прорычал Тейлор, сажая Риа верхом на свои колени. – Лучше мы перейдем к фазе номер два.

– Привет.

– Привет.

– Как прошел день?

– Прекрасно. А у тебя?

– Замечательно.

Они смущенно смотрели друг на друга. Тейлор только что вернулся с работы и застал Риа на кухне. В руках он все еще держал портфель. Риа была в переднике и с длинной ложкой в руке.

Утром они проспали. В спешке сборов на работу совершенно не осталось времени на смущение по поводу проведенной вместе ночи. Они быстро приняли душ. Риа запаниковала, открыв чемодан и обнаружив, что половину из того, что собиралась надеть, оставила дома – у себя дома. Любимый галстук Тейлора куда-то запропастился и никак не находился. Риа обожгла палец щипцами для завивки. Выпив наскоро чашку теплого растворимого кофе, приготовленного на водопроводной воде, Тейлор рванулся к черному ходу, бросив на ходу через плечо:

– Увидимся позже!

И вот это «позже» наступило. Риа и Тейлор стояли друг

против друга, теперь не ограниченные во времени, и каждый страшно любопытствовал, но все же не решался спросить о впечатлениях другого о первых двадцати четырех часах, проведенных в роли мистера и миссис Маккензи.

– Пахнет чем-то вкусеньким, – потянул носом Тейлор, ставя портфель на кухонный стол.

– Жареная картошка.

– А я думал, мы пойдем куда-нибудь ужинать.

– Ты не любишь жареную картошку? – обеспокоено спросила Риа.

– Обожаю, – поспешил заверить ее Тейлор. – Просто не хочу, чтобы ты думала, что тебе каждый вечер придется торчать у плиты.

– А я так и не думаю. – Риа отрицательно помахала рукой и убрала за ухо выбившуюся прядь волос. – Я хотела приготовить ее на завтрак, но... увы!

– Я все равно обычно не завтракаю.

– Нет? Вот здорово! Я тоже. Особенно в последнее время. – Риа похлопала себя по животу. – Но ты умчался на работу даже без утреннего кофе. Это жестокое и несправедливое наказание.

Тейлор ответил натянутой улыбкой на натянутую улыбку Риа.

– Сколько еще до ужина?

– Полчаса.

– В таком случае у меня имеется время на душ?

– Да. Не торопись. Ужин будет ждать, сколько нам потребуется.

– Заметано. – Тейлор подхватил портфель и направился к двери, но там он остановился и, немного постояв, медленно повернулся к жене. – Риа....

– Что? – вскинула она голову. Портфель упал на пол. Через мгновение, равное времени, которое потребовалось Тейлору, чтобы пересечь кухню, Риа уже была в его крепких объятиях и они бешено целовались. Риа обвила руками шею Тейлора. На спину ему с ложки капал соус, но они ничего не замечали. Тейлор с силой притянул к себе жену и, приподняв над полом, крепко прижал к себе. Смеясь, они наверстывали время, проведенное в разлуке.

– Так ты не жалеешь, что женился на мне? У тебя был целый день, чтобы поразмыслить об этом.

– Издеваешься? Меня не встречали жареной картошкой со смерти матери.

– И это единственная причина твоей радости? Тейлор потерся бедрами о лобок Риа.

– Ну что за идиотский вопрос, Риа! – Очередной поцелуй. – Начнем сначала. Как прошел твой день?

– Я пораньше ушла с работы, заехала домой и загрузила машину кое-какими вещами.

– Мне следует отшлепать тебя за это. На деюсь, ты не таскала ничего тяжелого.

– Нет. К тому времени я уже выдохлась.

– Тогда не надо было заниматься ужином.

– Сначала я отдохнула. Ах, должна тебя предупредить, что заказала назавтра грузовик, перевезти сюда все мои растения.

– Тогда нам придется съехать. В доме совершенно не останется места.

– А как прошел день у тебя? – счастливо улыбаясь, поинтересовалась Риа.

– Одно слово – хуже не придумаешь.

– Это три слова.

– Эй! Похоже, я женился на заднице-заумнице. – Схватившись руками за упомянутую часть ее тела, Тейлор склонил голову и принялся нежно кусать шею Риа, пока та не запросила пощады.

– Сегодня у нас было закрытое заседание городского совета. Пришлось выдержать крупную драчку по поводу «висячих» налогов на бродяжничество. В офисе потеряли пакет со спецификациями, клиент поднял скандал и бушевал до тех пор, пока они не нашлись. – Тейлор запечатлел нежный поцелуй на кончике носа Риа. – И во всем этом хаосе я мог думать лишь о коротеньких икающих звуках, которые ты издаешь, когда кончаешь.

– Тейлор!

– Те-е-ейлор! – передразнил Маккензи. – Если хочешь, чтобы я перестал об этом думать, прекрати издавать такие звуки.

– Или не кончай.

– Только попробуй! – прорычал Тейлор. Поцелуй следовал за поцелуем, и в кухне стало жарко не только от плиты. В конце концов Риа оттолкнула Тейлора.

– Отправляйся в свой душ! С нетерпением буду ждать твоего возвращения.

За ужином Риа и Тейлор обсуждали свое новое семейное положение и то, каким образом оно отразится на их жизни.

– Ты сказала своим коллегам на работе? – спросил Тейлор.

– Да. И все так удивились.

– Все, кроме Гая.

Риа не купилась на равнодушный тон Тейлора. Реакция Гая на их брак интересовала Тейлора не меньше, чем Риа интересовала реакция Лизы Бартон.

– Думаю, теперь для него уже не секрет, от кого ребенок.

– Если у него появятся какие-то сомнения, посылай его прямо ко мне.

Риа нравилась ревность Тейлора, несмотря на то, что относилась она не к ней, а к ребенку.

– Приготовься завтра отвечать на телефонные звонки, – предупредил Тейлор, накладывая себе очередную порцию картошки. – Утром секретарша разослала пресс-релиз в газеты и на радио с сообщением о моем бракосочетании с мисс Риа Лавендер.

Риа положила вилку на стол и обеспокоено посмотрела на мужа:

– Надеюсь, здесь нет никакой опасности для приведения тебя к присяге в качестве мэра?

– Я выиграл выборы честно и справедливо.

– Знаю, но кое-кто, возможно, и приподнимет бровь.

Полагаю, все, кто голосовал за меня, будут удовлетворены и горды своим выбором. Теперь они успокоятся по поводу моего холостяцкого положения, бывшего, как ты знаешь, камнем преткновения в предвыборной кампании. Наш брак оправдывает оказанное мне избирателями доверие. – Риа вновь взяла вилку, но лишь с тем, чтобы гонять ею картофель с одного края тарелки на другой. – Ладно, закроем тему.

Она твердо выдержала взгляд Тейлора.

– В тот день, в офисе, ты обвинил меня в том, что я хочу разрушить твою карьеру. Надеюсь, этого не случилось.

Тейлор дотронулся до руки Риа.

– Не случилось.

– Когда они узнают о ребенке...

– Все будут очень рады. Возможно, во всем городе поднимется большая суматоха вокруг этого события. Он станет первым ребенком, которого будет чествовать весь город. – Тейлор ласково погладил ее ладонь. – Что же до обвинения – я совсем не то имел в виду. Я просто пытался встряхнуться и выбить из себя пыль.

– Ты не поверил, что ребенок твой.

– Еще как поверил.

– Правда?

– С ходу.

– А почему?

– Женщина, уступающая в битве за кровать, никогда не станет лгать в чем-либо важном, относительно ребенка, например. – Тейлор поднес ладонь Риа к губам и поцеловал. – Иди отдохни. Я уберу.

– У меня были несколько иные представления об отдыхе, – признался Тейлор, зайдя полчаса спустя в кабинет и обнаружив Риа склонившейся над чертежной доской.

В промежутке между душем и ужином Тейлор перенес из машины в дом вещи Риа, сложив одежду и обувь в большой стеной шкаф в спальне, а чертежную доску – в кабинет, как о том попросила его Риа.

– Spина не болит?

Риа через плечо улыбнулась Тейлору, но не отвлеклась от чертежа, над которым трудилась.

– Обычная моя поза.

Тейлор подошел к жене и уткнулся подбородком ей в плечо.

– О чем задумался? – спросила Риа.

– Нисколько на меня не похоже. – Наклонив голову, Тейлор скептически разглядывал чертеж.

– Эх ты! – Риа прижалась спиной к Тейлору, и тот хрюкнул от удовольствия.

– А что это?

– Мой дом. Видишь: здесь парадный вход и гостиная. Я пытаюсь сообразить, где расположить детскую. Здесь или здесь? – Маккензи молчал. – Тейлор?

– Тебе не нравится мой дом?

– Разумеется, нравится. У тебя прекрасный дом. Но я должна позаботиться и о своем до родов, что бы нам с малышом было где жить.

– Угу.

Риа почувствовала, как напрягся каждый мускул на теле прижавшегося к ней Тейлора. Был ли он недоволен мыслью о том, что Риа покинет его, или же возмущался необходимостью договариваться с ней об условиях посещения им собственного ребенка? Риа дипломатично отстранилась от Тейлора, потянувшись за новой калькой, и успешно сменила тему. Впереди у них оставалось еще семь месяцев на выработку подробного соглашения о будущих отношениях.

– А это что?

– Дома с внутренними двориками, которые сей час модно делать двухуровневыми. Трое моих клиентов строят такие дома.

– Кстати, о клиентах. – Тейлор снова прижался к спине Риа и ладонями накрыл ее груди. – А на работу ты тоже ходишь без лифчика?

– Нет, конечно.

– Так ты снимаешь его только дома, чтобы доводить собственного мужа до умопомрачения?

Риа откинулась назад и глубоко вздохнула. Вызванная прикосновениями рук Тейлора, по всему ее телу прокатилась волна возбуждения, дошедшая до самого лона.

– Нет, – ответила она срывающимся голосом, – я сняла его, потому что давит. Все мои бюстгалтеры теперь малы, а я все никак не найду времени купить новые.

– Не торопись и покупай размером побольше за мой счет. – Отведя конский хвостик, в который были собраны волосы Риа, Тейлор поцеловал ее за ухом. Пальцы его нежно тербели ее соски. – Каким же счастливым будет наш малыш. – Скользя руками под грудь, Тейлор пальцами принялся имитировать сосущие движения губ.

– Тейлор, что ты делаешь?

– Выражаясь вульгарно, лапаю тебя. А по-научному это называется предродовая подготовка молочных желез. В любом случае достигается желаемый результат.

Ягодицами Риа почувствовала возбуждение Тейлора и наклонила голову вперед, локтями опершись на чертежную доску.

– Сегодня я ушла с работы пораньше, – задыхаясь, произнесла она, – и мне нужно наверстать упущенное.

Протест Риа в лучшем случае был услышан.

– Продолжай заниматься своим делом. Не обращай на меня внимания. – Рука Тейлора скользнула вниз и расстегнула пуговицу на джинсах Риа. За ней последовала молния.

– Но я не могу сосредоточиться из-за твоих действий.

Риа застонала, почувствовав, как рука Тейлора поползла в ее трусики.

– Никто не заставляет тебя сосредоточиваться только на работе, – мягко проворчал он.

В его голосе Риа почувствовала улыбку и поняла, что тело и на этот раз предает ее. Она выдохнула имя Тейлора. От искусных движений его пальцев захватывало дух.

– О-о-ох, Тейлор, а как это называется по-научному?

– Прелюдия.

Риа с подозрением относилась к тому, как просто и легко началась их супружеская жизнь. Она постоянно готовила себя к тому дню, когда Тейлор придет с работы злой и раздражительный. Но этого не случилось. Она готовилась к тому, что Тейлор как-нибудь встанет утром в дурном настроении. Но и этого не происходило. Риа ждала, когда же ей удастся обнаружить хоть одно, тщательно скрытое пятнышко в его личности, но Тейлор вел себя безупречно.

Если он приходил домой раньше Риа, то ждал ее с уже готовыми прохладительными напитками, подкладывая подушку ей под поясницу и делая массаж ног. Чаще всего они питались где-нибудь вне дома, хотя Риа постоянно уверяла Тейлора, что ничего не имеет против того, чтобы готовить самой.

Тейлор свозил Риа в офис «Маккензи электрикал контракторс инк.» и познакомил со всеми своими сотрудника-

ми. По дороге домой Тейлор все подначивал ее заняться совместным бизнесом. Они уже не раз удивлялись тому странному обстоятельству, что при сочетаемости профессий им никогда не приходилось работать над одними проектами. Казалось, сама судьба свела их вместе в рождественский вечер с какой-то целью. Риа предпочитала думать, что целью был ребенок, которого она носила.

Как-то раз Тейлор заехал за Риа в «Бишоп и Харвей», чтобы отвезти ее на ленч. Маккензи обменялся рукопожатием с Гаем Паттерсоном, что отнюдь не нарушило атмосферы взаимной холодности. В ту ночь в постели Тейлор был особенно внимателен и горяч.

По мере приближения дня приведения Тейлора к присяге в качестве мэра его все чаще приглашали на встречи в различные клубы и общественные организации. На этих мероприятиях Риа всегда была рядом с мужем улыбаясь фотографам, пожимая руки, беседуя с людьми от имени Тейлора.

По дороге домой с одного из таких мероприятий Тейлор положил руку на колено Риа.

– Я знаю, как тебе надоели все эти встречи. Ты настоящий член моей команды. Я очень ценю твое отношение ко мне. Спасибо.

Риа хотела было сказать, что ей никогда не надоедает смотреть и слушать выступления Тейлора, но сдержалась. Свою привязанность она выразила чрезвычайной страстностью в постели. Когда желание выразить растущую любовь

к Тейлору становилось нестерпимым, Риа напоминала себе, что их брак – явление временное и лучше держать свои чувства в узде.

Они обменивались друг с другом идеями, смеялись шуткам, делились печальными событиями. И занимались любовью. Часто.

Но что больше всего поражало Риа, так это искренний и глубокий интерес Тейлора к будущему ребенку. Уже после первых двух недель их семейной жизни он стал настоящим экспертом по внутриутробному развитию детей, покупая всю имеющуюся на эту тему литературу. И донимал Риа расспросами:

– Когда плод впервые зашевелился?

– Когда можно будет слышать его сердце биение?

– Ты сама его чувствуешь?

– Женщины и в самом деле вынашивают мальчиков иначе, чем девочек?

Большинство предложений Тейлор начинал с вопросительного слова, и в них обязательно звучала тема ребенка. Однажды вечером, присоединившись к жене в постели, где она просматривала памятки на предстоящую неделю, Тейлор принялся читать вслух книгу с иллюстрациями о жизни зародыша.

– Ну разве не забавно? – удивлялся он только что открытому факту. Обняв руками живот Риа, он крикнул: – Эй, там, внутри! У тебя действительно уже есть отпечатки пальцев?

Риа легонько пихнула Тейлора в плечо.

– У малыша будет весьма неуравновешенный папаша. Мне это доподлинно известно. – Тейлор развязал пояс ее халата. – Прекрати! – закричала она, смеясь и шлепая его по рукам.

– Я должен осмотреть тебя.

– Осмотреть?

– Чтобы проверить, все ли ты делаешь правильно.

– Я только вчера была у врача. Он меня осмотрел и отхватил немалый гонорарчик за свою работенку.

– Но я буду следовать указаниям в книге. – Тейлор поднял книгу над головой и потряс ею, словно это было Святое писание в руках пророка. – И я возьму гораздо меньше, чем сквалыга доктор.

Смеясь очаровательному умопомешательству Тейлора, Риа позволила ему распахнуть свой халат, под которым на ней ничего не было. Сверяясь с книгой, Тейлор забормотал:

– Посмотрим страницу номер один. Значительно ли увеличилась твоя грудь? – Он осторожно пощупал одну из грудей Риа. – Да, действительно. На один миллиметр по сравнению с прошлой неделей. Риа округлила глаза.

– Мы что, будем это записывать?

– Тс-с-с, не отвлекай меня. Страница номер два. Ого-го! Изменился ли цвет сосков? – Тейлор потер пальцами соски Риа, и они затвердели. – Гм-м-м, не очень-то. Думаю, малыш разберется, как с ними поступить. Если нет, я ему покажу.

Как только нежные влажные губы Тейлора принялись ласкать ее грудь, Риа беспокойно заерзала. Она выгнула спину, стремясь приблизить грудь ко рту Тейлора. Запустив пальцы в его темные густые волосы, она прижалась лицом к голове мужа.

Рука Тейлора опустилась вниз.

– Животик кругленький. Тугой. Неплохо, неплохо, – похвалил он, жарко дыша в шею Риа. – Прекрасная. Прекрасная мамочка. Прекрасная жена. Прекрасная женщина.

Глава 5

– Риа!

Она подняла голову от стола. В дверях кабинета стоял Гай Паттерсон. С того дня, когда Риа сообщила сотрудникам фирмы о своем замужестве, они редко виделись. Гай избегал встреч с Риа, и она не винила его за это. Все знали, что Лавендер и Паттерсон довольно долго встречались, и неожиданный брак Риа с другим мужчиной, особенно таким энергичным, как Тейлор Маккензи, должно быть, сильно подкосил Гая. Риа надеялась, что они останутся друзьями, но постоянно холодное выражение лица Паттерсона не давало оснований для такого рода оптимизма.

– Привет, Гай. Заходи.

– Собственно, меня послали за тобой. Коллеги собрали экстренное совещание.

Риа поднялась со стула.

– Что-нибудь случилось?

– Думаю, лучше, если они сами обо всем скажут.

Гай посторонился и дал Риа пройти вперед, демонстративно игнорируя ее вопросительный взгляд.

В молчании они миновали покрытый коврами холл и вошли в чистую, светлую чертежную, где уже собрались все сотрудники «Бишоп и Харвей».

Когда коллеги заняли свои места за круглым столом оре-

хового дерева, в комнате воцарилась атмосфера какой-то неестественной скованности. Риа решила, что либо она становится параноиком, либо и вправду все присутствующие бросают на нее взгляды исподтишка.

– Благодарю вас, что так скоро откликнулись на наше приглашение. Мне известно, как вы заняты, но данная проблема касается всех нас и жизненно важна. – Мистер Бишоп, основатель фирмы, три года назад ушел на пенсию, его племянник, мистер Харвей, занял пост президента и председательствовал на всех собраниях. – Победить в конкурсе за контракт с «Комьюнити артс сентер» очень важно для нашей фирмы, и я уверен, что мы выиграем этот конкурс.

Строительство в городе культурного центра обсуждалось уже много лет. В первые годы были выпущены облигации займа, теперь собранная таким образом сумма, сложенная со средствами созданного фонда частных пожертвований, позволяла воплотить идею в жизнь. Власти города объявили о приеме заявок на участие в различных программах, составляющих план строительства. «Бишоп и Харвей» рассматривалась как одна из наиболее подходящих архитектурных фирм. Проект был солидный, престижный и очень выгодный.

– Городской совет приступил к рассмотрению возможных кандидатур, – продолжал мистер Харвей. – Мы надеемся, что, когда отпадут более мелкие конкуренты, наша фирма станет достаточно сильным претендентом на контракт. Од-

нако...

Харвей прервался и закашлялся. Несколько человек за столом неловко заерзали на стульях.

Риа почувствовала, что настало время избавить всех от мучений.

– Мистер Харвей, не связано ли это экстренное собрание с моим недавним бракосочетанием с мэром Маккензи?

Вряд ли мистер Харвей посмотрел бы на Риа более благодарным взглядом, спаси она его жизнь в бурных волнах океана.

– Все присутствующие рады вашему браку. – Харвей сопровождал понятие «все» счастливой улыбкой, однако, встретившись взглядом с Гаем Паттерсоном, снова закашлялся и покраснел. – Но общественность может усмотреть в нем... Я хочу сказать... Фирма не хотела бы потерять контракт, будучи обвиненной в злоупотреблении служебным положением.

– Мы с мужем еще даже и не обсуждали «Комьюнити артс-центр».

– Не сомневаюсь, что у новобрачных имеются несколько иные темы для бесед. – Вокруг стола раздался деликатный шумок. Мистер Харвей улыбнулся, довольный реакцией своих подчиненных, потом, повернувшись к Риа, вновь посерьезнел. – Мы должны оградить себя от любого намека на покровительство.

– Это невыносимо! – Риа прижала руки к груди. – Вы об-

виняете меня в...

Президент «Бишоп и Харвей» поднял обе руки вверх.

– Ради Бога, нет, мисс Лавендер, ах, простите, миссис Маккензи. Я ни в коей мере не подвергаю сомнению вашу честность или честность вашего мужа. Но вы понимаете, в какое трудное положение мы попали. Речь идет о миллионах долларов. Если мы выиграем конкурс, конкуренты могут прийти к неверному выводу относительно причины нашей победы.

– Но ведь это их проблемы, не так ли? Наша фирма предложила свою цену за контракт задолго до того, как я впервые увидела мистера Маккензи. Ясно...

Риа осеклась.

Достаточно было одного беглого взгляда на людей, сидящих за столом, чтобы понять, что ее слова ни у кого не встречают сочувствия. Все в компании любили Риа и восхищались ее работой. Она внесла свой вклад в развитие фирмы и многократно окупила выделяемые ей средства.

Но контракт на строительство «Комьюнити артс сентер» – это деньги в их карманах. Большие деньги. К тому же поражение в конкурсе по какой бы то ни было причине приводило не только к финансовым потерям, но и угрожало престижу фирмы.

– Мистер Харвей, – спокойно сказала Риа, – мы можем поговорить с глазу на глаз в вашем кабинете?

Приняв окончательное решение, Риа поспешила домой, чтобы рассказать обо всем Тейлору. Она пыталась дозвониться до мужа, но в офисе его не было. Риа была довольна принятым решением, страстно желала поделиться им с Тейлором и узнать реакцию мужа.

Тейлор наливал вино в кувшин, чтобы поставить его охлаждаться, когда Риа стремительно вошла, почти вбежала в комнату и бросила портфель на ближайший стул.

– Тейлор, мне нужно с тобой поговорить.

– А где «здравствуй»?

– Ах да, здравствуй.

– Привет. Я не слышал, как ты подъехала. Как прошел денек?

– Так себе.

– Прости.

– Нет, все в порядке. Не мог бы ты присесть?

– Ну-у-у, видишь – я занят и...

– Это не займет много времени. – Надеюсь, что так, потому что я...

– Прошу тебя, Тейлор, выслушай меня. Я думала-думала и... – Ее прервал звонок в дверь. – Ты кого-нибудь ждешь?

– Так именно об этом я и пытался тебе сказать, – бросил Тейлор, пересекая комнату. Он открыл дверь и пригласил войти весьма привлекательную женщину. – Риа, познакомься, это Делия Стар – корреспондент «Телеграф». Она хочет написать статью о нас для воскресного номера.

– Ах, здравствуйте. – Риа уже достаточно пришла в себя, чтобы приветливо пожать руку корреспондентке.

– Давайте все сядем. – Тейлор посмотрел на Риа странным взглядом.

– Извините меня, мисс Стар... Делия, я вернулась с работы за секунду до вашего появления, – пояснила Риа, зная, что выглядит взволнованной. – Мне надо бы немного освежиться.

– Понимаю, – кивнула Стар. – Прихорашивайтесь сколько угодно. У меня куча вопросов к мэру Маккензи. Следует также предупредить вас, что чуть позже ко мне присоединится фотограф, чтобы сделать несколько снимков.

Риа поспешила в спальню и захлопнула за собой дверь.

– Проклятие, – не сдержалась она. Риа тщательно готовилась к разговору с Тейлором, и вот теперь приходится его отложить.

Она подправила макияж, уложила волосы, переделалась в широкие брюки и блузку и стала выглядеть проще и женственнее, чем в деловом костюме. Риа заметила, что Тейлор тоже сменил костюм на одежду, подходящую под формулу «Маккензи в домашней обстановке».

Сделав глубокий вдох, Риа направилась в гостиную. Тейлор прервал свой рассказ, когда она появилась в дверях. Он встал, взял жену за обе руки и провел на коротенькую мягкую софу, на которой сидел сам. Вручив Риа стакан содовой с лимоном, Тейлор вопросительно посмотрел на нее. Риа от-

ветила ему взглядом, свидетельствующим о том, что она в полном порядке.

– Я что-нибудь пропустила? – живо спросила Риа.

– Всего лишь скучнейший рассказ о моих интересах во внутренней политике, – сообщил Тейлор.

– Мне кажется, ваш муж не может быть скучным, – обратилась Делия Стар к Риа.

– Мне тоже.

Тейлор возбуждал, забавлял или злил Риа, но никогда не был скучен.

Мисс Стар расспросила Риа о ее карьере архитектора, делая пометки в своем блокноте. Риа подумала, заметила ли Стар, что Тейлор тоже очень внимательно слушал жену: многое из того, что она о себе рассказывала, он слышал впервые.

– В том, что вы берете у нас интервью именно сегодня, заключается какая-то мистическая загадка. – Риа нервно хлопнула в ладоши. – Потому что как раз сегодня очень знаменательная веха – я уволилась из «Бишоп и Харвей».

– Что? – Тейлор уставился на губы Риа, словно не доверял собственным ушам и пытался по артикуляции определить, верно ли понял слова жены. – Ты уволилась?

– Да.

– Не связано ли ваше увольнение с проектом «Комьюнити артс сентер», миссис Маккензи?

– Да, не связано ли? – подхватил Тейлор. Риа успокаивающе положила ладонь на руку Тейлора.

– Косвенно.

– Это они попросили вас уволиться? – задала вопрос корреспондентка.

– Нет. Мистер Харвей, как всегда, был истинным джентльменом. Он сказал, что ему искренне жаль терять меня.

– Но лучше уж вас, чем многомиллионный контракт.

Риа проигнорировала этот выстрел «в яблочко».

– Собственно говоря, «Комьюнити артс сентер» лишь склонил чашу весов, подстегнул меня сделать то, о чем я уже давно подумывала.

– Бросить работу? – живо поинтересовалась Делия.

– Уволиться из «Бишоп и Харвей», чтобы создать собственную фирму.

Вцепившись в блокнот, Делия Стар что-то лихорадочно строчила. Риа, бросив быстрый взгляд на Тейлора, покачала головой, призывая его ничего не говорить до тех пор, пока у нее не будет возможности объясниться.

– Тейлор поддержал мою идею от всего сердца.

– От всего сердца, – эхом отозвался Маккензи.

Но Делия Стар знала свое дело, и провести ее было не так-то просто.

– Вы, кажется, удивлены, мистер Маккензи?

Тейлор ответил самой очаровательной из своих улыбок.

– Просто я не знал, что Риа уже приняла окончательное решение. Поздравляю, дорогая моя. – Тейлор поцеловал жену.

Поцелуй его был нежен и со значением, но Риа хотела бы знать, не рассчитан ли он на публику. Что Тейлор на самом деле думает о ее решении?

– Ну что ж, в этом случае вас больше не будут обвинять в злоупотреблении служебным положением.

– Никто и не обвинял нас в этом. – Тейлор все еще улыбался, но в голосе его зазвучали стальные нотки. – Однако чтобы внести ясность, полагаю, вам следует упомянуть это обстоятельство в вашей статье.

Делия Стар пристально посмотрела на Тейлора:

– Отчего ваш брак был столь поспешным?

Вопрос, казалось, прозвучал спонтанно и не содержал подтекста, но и Риа, и Тейлор были достаточно сообразительны, чтобы разглядеть за ним кровожадную улыбку акулы пера.

Тейлор, более опытный в общении с прессой, ответил просто:

– Налицо классический пример любви с первого взгляда. Я не сторонник долгих ухаживаний. У меня опыт тридцатипятилетнего холостяка. Как только я увидел Риа, то сразу же понял, почему до сих пор не женился. Я ждал ее.

Тейлор посмотрел на жену и пожал ее руку.

– Так это не был вынужденный брак, связанный с беременностью?

Инстинктивно Тейлор крепче сжал руку Риа. Та затаила дыхание. Стар опять что-то записывала. Наконец она с лю-

бопытством подняла глаза на супругов.

– Какое забавное совпадение. – Губы Тейлора растянулись в холодной улыбке. – Между делом вы узнали, что Риа беременна.

– Слухи об этом уже ходят, – сообщила Делия. – И чтобы вы не тратали попусту время, отрекаясь от этого факта, скажу, что поговорила с некоторыми сотрудниками Риа.

«Не с некоторыми. С одним – Гаем Паттерсоном, – подумала Риа. – Он единственный, кто знал о ребенке».

– Да, мы ждем ребенка, – подтвердил Тейлор, обнимая Риа за плечи и притягивая к себе. – И мы просто счастливы.

– Да ладно вам, член городского совета! Вас только что избрали мэром. Неужели ваша поспешная женитьба на миссис Маккензи не связана с тем, что она носит вашего ребенка и, что ваши избиратели посмотрят косо на подобное поведение общественного деятеля?

– Я не хотел бы, чтобы в вашей публикации содержался хотя бы намек на это.

– Потому что это может повредить вашей карьере?

– Нет, потому что это может повредить вам. – Тейлор понизил голос почти до шепота, но в нем звучала невысказанная угроза: – Если вы напишете хоть одно оскорбительное слово в адрес моей жены, я возбужу дело против вас и вашей газеты и вытрясу из вас все до последнего цента.

Риа наблюдала за торопливым бегом карандаша корреспондентки. Темп был почти гипнотическим.

– Я вышла замуж за Тейлора, потому что люблю его.

Карандаш прервал свой бег. Краешком глаза Риа заметила, какой изумленный взгляд бросил на нее Тейлор. Минуту все сидели молча. Наконец Риа прервала молчание, сказав:

– Делия, ваш стакан пуст. Хотите еще выпить?

– Почему ты это сказала?

– Что? – беззаботно спросила Риа.

Окно «корвета» было опущено, и она наслаждалась теплым весенним ветерком, бьющим ей в лицо и развевающим волосы.

– Почему ты сказала, что мы поженились по любви?

Риа взглянула на мужа:

– Чтобы спасти тебя от огнедышащего дракона по имени Делия. Или наоборот. Ты, казалось, был готов придушить ее.

– Это точно.

– Я не позволила этому случиться. Мисс Стар с удовольствием записала бы каждое бранное слово и напечатала их все в воскресном номере. Я содрогаюсь при мысли, какие ругательства ей пришлось бы вычеркивать. Вы должны быть мне благодарны за спасение своего имиджа, мистер Маккензи.

– Довольна собой?

– А что, незаслуженно?

Тейлор свернул в городской парк. Они решили перекусить чизбургерами, предпочтя уединение шумной команде бейс-

болистов, ворвавшейся в экспресс-ресторан.

– Э-э-эх, заслуженно! Вообще тебя следует поздравить с успехом на дипломатическом поприще: «Делия, ваш стакан пуст». К концу встречи эта сучка-бумагомарака готова была есть у тебя из рук. – Тейлор заглушил мотор и посмотрел на Риа долгим взглядом. – Я уж не говорю о бабнике-фотографе.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду. – Риа открыла дверцу и вышла из машины, прихватив с собой пакет с провизией.

– Прекрасно понимаешь. – Тейлор с силой захлопнул свою дверцу. – «Ваши скулы просто созданы для фотопортрета, Риа, дорогая».

– Он не так сказал. Он сказал: «Ваши высокие скулы просто созданы для фотопортрета, Риа, дорогая».

– Ах, прошу прощения, – скривился Тейлор. – Который мой?

– С двойным сыром? Вот этот. – Риа передала мужу чизбургер.

– А ты почему не взяла с двойным? Мне не нужен ребенок-доходяга.

– Он и не будет доходягой, обещаю. На днях мы с малышом расцветем пышным цветом. И объединим тебя и весь дом. Между тем доктор сказал, что неплохо было бы сбросить несколько фунтов. Тейлор критически осмотрел жену.

– Ты и без того худышка.

– Для фотографа я, кажется, была достаточно пухленькой во всех положенных местах, – нахально подмигнула Риа.

Тейлор метнул в нее чипс.

– Ты ведь не приняла всерьез всю эту льстивую белиберду?

– Думаю, он был искренен. – Риа невинно потупила глазки.

– Он просто задел тебя за живое, – покачал головой Тейлор.

– Ну с тобой-то в этом искусстве трудно кому-либо тягаться.

– Скромность не позволяет мне хвастаться, – самодовольно усмехнулся Маккензи, потом нахмурил брови. – Старый надутый индюк, и джинсы у него в облипochку.

– Ты носишь точно такие.

– Ты считаешь? – Рука Тейлора с ломтиком картофеля, поднесенная ко рту, замерла.

– Считаю.

– И тебе нравится?

– Обожаю, – беспечно призналась Риа. Сильные белые зубы Тейлора вгрызлись в картофель, напомнив Риа, как эти же зубы терзали нежное мясо индейки в тот вечер, в сочельник. Она с трудом проглотила застрявший в горле кусок чизбургера.

– А вы с Делией? – заговорила Риа, прожевав. – Она стала такой слащавой, после того как вы сошлись на платформе

обоюдного антагонизма. К ее уходу ты был и в самом деле общительно-дружелюбным. О чем ты с ней щебетал у почтового ящика, когда провожал до машины? Это заняло гораздо больше времени, чем для «спасибо» и «до свидания».

– Ах, там. Ну-у-у, я решил сделать широкий жест и позволил ей задать один вопрос личного плана.

– И она задала?

– Да. Спросила, практикуем ли мы оральный секс.

Риа поперхнулась молочным коктейлем, расплескав его по лицу и груди.

– Тейлор!

Хохоча, Тейлор вытер лицо Риа бумажной салфеткой.

Риа уставилась в свой пластиковый стакан и принялась помешивать коктейль соломинкой.

Щеки ее покраснелись, и вовсе не от езды с открытым окном.

Они закончили ленч. Укладывая посуду в пакет, Тейлор спросил:

– Так вернемся к моему прежнему вопросу: почему ты сказала, что мы поженились по любви?

– Я не сказала «мы поженились», я сказала «я вышла замуж».

– Ты уклоняешься от ответа.

– Должна же я была что-то сказать, чтобы обломать ей клыки! – крикнула Риа. – Это казалось самым уместным. И сработало. Что, не так?

– Ты только поэтому так сказала?

– Разумеется. – Риа не могла смотреть в глаза Тейлора.

– Так это сорвалось с твоего язычка только потому, что подвернулась такая ситуация?

– Да.

– И под твоими словами нет реальных оснований?

– Ни капли. Если бы мы любили друг друга, то соединились бы не только из-за ребенка. Разве не так?

На землю опустился вечер. Воздух был тих и свеж. Только теперь, надолго замолчав, Риа и Тейлор ощутили всю прелесть весеннего вечера.

– Я не звонил тебе, поскольку знал, что у тебя другой мужчина, – прервал молчание Тейлор.

– Я не спрашивала.

– Но я хочу сказать тебе. – Тейлор сорвал листочек с ближайшего куста и принялся крутить его пальцами. – Ты тоже мне не звонила.

– У меня нет привычки звонить мужчинам и просить о свидании. Это еще одна черта, подтверждающая мою старомодность.

– И я от всего сердца ее приветствую.

– Подобная агрессивность пахнет мужеподобностью.

– Ты не можешь быть мужеподобной, как бы ни старалась.

– Хорошо, даже если бы я хотела позвонить тебе, я бы не позвонила.

– Почему?

– Ты встречался с Лизой. И не скрывал этого тогда, в сочельник. Вообще ты сказал мне больше, чем я того хотела. – Риа повысила голос, несмотря на благие намерения не переводить разговор в плоскость объяснений.

– Зачем ты ко всему приплетаешь Лизу?

– Затем, что ты был один на Рождество только потому, что ее не было в городе. Ясное дело, вы находились на вершине горячих и близких отношений.

Тейлор приблизил лицо к лицу Риа:

– Но ведь это не удержало тебя от того, чтобы переспать со мной, а?

Риа отпрянула и перешла в наступление. Тейлор испугался, готовясь получить пощечину.

– Переспав со мной, ты не преминул смыться на следующее утро, не попрощавшись.

– Я не смывался.

– Ха! – Риа откинула назад упавшие на лицо волосы. – Проснувшись, я увидела тебя, крадущегося на цыпочках через гостиную с половиной одежды и туфлями в руках. Как это, по-твоему, называется?

– Ты тоже не хватала меня за руки, чтобы удержать.

– Да я лучше умерла бы! Любой мужик, линяющий...

– Я не линял! – сорвался на крик Тейлор. – Я только проявил деликатность.

– Или струсил.

– Я не хотел будить тебя так рано в праздник, когда можно

поспать подольше.

– Как я могла «поспать подольше», проведя всю ночь с тобой на этой тесной кушетке? У меня все тело ныло.

– Это не из-за сна, – усмехнулся Тейлор. – Ты так энергично занималась любовью!

Глаза Риа опасно сузились.

– Ты, кажется, не очень-то возражал тогда против моей манеры заниматься любовью?

– Отнюдь. И я, по крайней мере, пытался ей соответствовать.

– Я никогда не отрекалась оттого, что рождественская ночь была наслаждением.

Тейлор направил на Риа указательный палец:

– Только минуту назад ты отрицала, что тебе было приятно спать вместе со мной под твоей шубой. Хотя после каждого оргазма представляла прекрасное подтверждение тому, что тебе это нравится. Всякий раз, как я пытался выйти, ты хныкала.

– Хныкала? Я никогда в жизни не хныкала.

– Ах так? Как-нибудь я запишу на магнитофон наши занятия любовью и на следующее утро дам тебе послушать.

– Мы больше не будем заниматься любовью, – Категорично заявила Риа. – Я согласилась спать с тобой, пока мы жены, но теперь считаю это неудачной затеей. И поскольку выходит, что мы не можем жить под одной крышей и не спать в одной постели, полагаю, мне следует вернуться домой.

Тейлор всплеснул руками и громко шлепнул себя по бедрам.

– Великолепно! – Это просто неподражаемо! Жуть! Как обычно, ты верна себе. – Голос Тейлора был исполнен сарказма. – Не успеет еще статья о нашем браке выйти в свет, как молодая жена сбежит.

– Что, репутация пострадает?

– Твоя тоже.

– Так вот чем ты был обеспокоен с самого начала, а? Вот почему ты на мне женился! Твое драгоценное кресло мэра не должно подвергаться ни малейшей угрозе.

Риа бросила на Тейлора ядовитый взгляд и торжествующе зашагала к машине.

Домой они мчались в гробовом молчании. Войдя в дом, Риа принялась метаться по комнатам, хлопая дверьми. Но прежде чем она покинула спальню, Тейлор схватил ее за кончик блузки и притянул к себе.

– Отпусти меня, Тейлор.

– Эге-ге. Не раньше, чем мы выясним все до конца.

– Мы уже все выяснили.

– Но ты нарушаешь собственное обещание. Мы договорились жить вместе, как муж и жена... во всех отношениях.

– Ладно, я расторгаю сделку в одностороннем порядке. Никто об этом не узнает.

– Еще как, черт возьми, узнают!

– Не узнают, если ты не будешь ходить повсюду в состоя-

нии перманентной эрекции.

Тейлор прижал своим телом Риа к стене и запечатлел на ее устах долгий, страстный поцелуй. Оторвавшись от ее губ, Маккензи прошипел ей на ухо:

– У меня не перманентная эрекция. Она возникает, только когда я смотрю на тебя.

Риа захныкала.

– Чем ты на меня воздействуешь? Чарами? – Риа растянулась поперек тела Тейлора и лениво перебирала пальцами волосы на его груди.

– Что бы это ни было, ты действуешь на меня точно так же.

– С тобой я полностью теряю контроль.

– И это прекрасно. Я больше не мог терпеть. Я готов был кончить, еще не начав.

Риа застенчиво опустила лицо на грудь мужа. – Ты знаешь, о чем я.

– Да, знаю. – Тейлор мягко вздохнул, поглаживая кончиками пальцев ее спину. – Риа, почему ты уволилась из «Бишоп и Харвей»? Они тебя попросили?

– Нет.

– Вынудили?

Риа рассказала Тейлору о проблеме, возникшей в связи с «Комьюнити артс сентер».

– Я не хотела стоять фирме контракта. И я, конечно же, не хотела подставить тебя под обвинение в злоупотребле-

нии служебным положением. Проблема повисла бы тяжелым камнем на твоей шее на весь срок мэрства.

– А как же твоя карьера? Ты так много трудилась, чтобы добиться нынешнего положения.

Риа уперлась подбородком в грудь Тейлора.

– Я не лгала, когда говорила Делии Стар, что намерена создать собственную фирму.

– Так ты сказала это, не только чтобы успокоить меня?

– Нет. Я люблю свою работу, но устала от царящей в офисе атмосферы зависти, интриг, гадких слухов.

– Благодаря которым стало известно о нашем ребенке. Но ведь это не важно. Рано или поздно все бы открылось.

– Да, но я предпочла бы, чтобы поздно. В идеале – после приведения тебя к присяге. Делия, вероятно, взяла интервью у Гая. Уверена, что это он выболтал ей о моей беременности, чтобы привести нас в замешательство.

– В отместку?

– Наверное. Он не очень-то умеет проигрывать.

– А мне его жаль. Если бы не обстоятельства, ты не оказалась бы в постели со мной.

– То же самое я могу сказать о Лизе.

– Чтобы не вступать в очередную дискуссию, признаюсь честно: они уже порядком меня достали, потому что в конце концов прекрасно разрешаются в постели. Давай вернемся к прежнему предмету. Где ты намерена работать?

– У себя дома. Чтобы не сидеть сложа руки, я могу при-

способить под офис собственную гостиную, пока не подыщу подходящее помещение. Поначалу, думаю, будет трудно, но я верю в себя и в свой талант. Кроме того, надеюсь на хорошую рекламу в лице болтливой миссис Грэхем. У нее полно друзей, которые в восторге от нового дома Грэхемов.

– Начать новое дело, вынашивая ребенка? У-у-ух ты! Следовало бы тебя наказать за жадность. – Тейлор поцеловал Риа в лоб. – Но я верю в тебя и хотел бы быть полезен чем только смогу.

– Спасибо, Тейлор. Я знала, что на тебя можно положиться.

– Похоже, что с планами относительно будущей карьеры ты разобралась. – Тейлор поглаживал спину Риа. – А как насчет остального?

– Чего остального?

Пальцы Тейлора скользнули между ее бедер.

– Отъезда.

– Ах это. – Риа сонно посмотрела на мужа. – Я же здесь, а?

Последовавшие затем любовные утехы имели для Риа горько-сладкий привкус. В прямом смысле слова она занималась с Тейлором любовью. Но Риа понимала, что это лишь одностороннее понятие. Единственным звеном, связывающим ее с Тейлором, был ребенок, которого она носила.

Глава 6

Телефон прозвонил десять раз, прежде чем Риа протянула руку через кровать и сняла трубку.

– Риа, рад, что поймал тебя. Я уже начал волноваться.

– Привет, Тейлор.

– Что происходит?

– Ничего.

– Ты ушла из офиса посреди рабочего дня.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Я позвонил тебе на работу, там сказали, что ты ушла и тебя больше не будет. Что случилось?

– Просто не было настроения работать.

– Почему? Риа? Ответь мне. Что-нибудь не так?

– Да нет, ничего. – Риа повесила трубку. Десять минут спустя она услышала, как во двор въехала машина.

Тейлор ворвался в дом и бросился в спальню, выкрикивая имя жены. Он остановился в дверях, опершись рукой о косяк, чтобы отдышаться и прийти в себя. Волосы Тейлор либо сам растрепал руками, либо это за него сделал ветер. Пиджак он либо сбросил по дороге домой, либо оставил в офисе. Риа не видела Маккензи в подобном состоянии с того самого дня, когда потребовала от него оформить их отношения.

– Что случилось? – Тейлор ринулся к кровати и присел на краешек матраса. Глаза его тревожно оглядывали Риа.

– Возможно, ничего, – попыталась улыбнуться Риа, но мужество оставило ее.

– Несколько минут назад было «ничего», теперь – «возможно, ничего». В чем дело? Тебе стало плохо на работе?

Горячие соленые слезы потекли по щекам Риа. Она не могла справиться со своим несчастьем, с их общим несчастьем и уткнулась лицом в подушку.

– У меня начались выделения.

Тейлор замер, как заяц, учуявший охотника. Риа даже не слышала его дыхания.

– Ты позвонила врачу? – спросил он хрипло.

– Сразу же. Он велел мне отправляться домой и лечь в постель. Что я и сделала.

– И все? Это все, что он сказал? А лекарства?

– Тейлор, от этого нет лекарств. Ни одного подтвержденного лекарства.

– Черт возьми, но есть же что-то, что твой доктор может сделать?

– Есть. Он ждет. Ждет, как и я, чем все это закончится.

Тейлор вскочил. Риа продолжала лежать на боку с закрытыми глазами, опасаясь, что малейшее неверное движение может нарушить какое-то ненадежное космическое равновесие, и она потеряет своего ребенка. Тейлор принялся беспрерывно вышагивать взад-вперед в ногах постели, бросая на Риа беспокойные взгляды.

– Я плохо в этом разбираюсь, – как-то неловко. Признался

он, – но что конкретно означают эти выделения?

– Может, ничего: просто кровеносная система сбрасывает излишнее давление. – Риа сделала глубокий вдох. – А может, свидетельство о кровотечении в матке. – Если бы она увидела, как резко побледнел Тейлор, то остановилась бы на этом. – Или же плацента пытается самоотделиться.

Тейлор судорожно сглотнул.

– И пока единственное предписание доктора – оставаться в постели?

– Да, пока не прекратится кровотечение.

– Кровотечение? Мне показалось, ты сказала «выделение»?

Риа повернулась на бок и раздраженно посмотрела на Тейлора.

– Какая разница?

Тейлор снова присел на кровать и примирительно дотронулся до щеки жены.

– Думаю, никакой. Просто «выделение» звучит не так устрашающе.

Нижняя губа Риа задрожала, и в глазах заблестели слезы.

– Тейлор, я боюсь.

– Боже, я тоже. Я тоже. – Тейлор неловко обнял жену и прижал ее голову к своему плечу. – Но я уверен: все будет хорошо. Это часто бывает? Ведь правда? Это довольно частое явление. Теперь, когда я столкнулся с этим, мне кажется, у моей мачехи тоже были какие-то сложности с первыми

родами, и ничего – родила прекрасного, здорового мальчика. Теперь задает им жару. – Тейлор натянуто хихикнул.

– Доктор уверял меня, что это распространенное явление, – слабым голосом произнесла Риа. – Если не станет хуже, нет причин для особой тревоги.

– Вот видишь? – Тейлор ласково смахнул слезы со щек Риа. – Просто малыш спрашивает о гонораре, который намерен получить с нас за свое рождение.

Риа засмеялась, понимая, что он шутит, чтобы подбодрить ее, и надеялась своим принужденным смехом помочь Тейлору не слишком упасть духом. Тем не менее ни один из них не мог быть спокоен, пока Риа и ребенок не будут вне опасности.

– Тебе что-нибудь приготовить? Ты обедала?

– Нет, – покачала головой Риа, – но я и не хочу.

– Давай я помогу тебе раздеться.

Костюм Риа был безнадежно измят, но она даже не заметила этого.

– Я не стала раздеваться. Доктор приказал мне немедленно лечь в постель, я и легла.

Тейлор помог жене снять костюм. Оставшись в нижнем белье, Риа попросила прощения и удалилась в ванную. Пока она за закрытой дверью занималась собой, Тейлор мелкими шажками продолжал медленно ходить по ворсистому ковру. Риа вышла в легком хлопчатобумажном халатике, она была бледна и дрожала. Глаза ее утратили свой ярко-зеленый цвет

и поблекли до холодно-серой пепельности. Под нижней губой образовался кровоподтек, похоже, что Риа кусала ее.

– Идет? – Риа кивнула. – Не лучше?

– Не хуже.

– Ложись опять.

Тейлор помог жене лечь. Ее черные волосы веером рассыпались вокруг головы, подобно большой Чернильной кляксе на подушке. Риа закрыла глаза. Тушь на них расплылась и размазалась. Губы покрылись пятнами и распухли. Но для Тейлора Риа еще никогда не была такой прекрасной.

– Больно?

Риа медленно открыла глаза.

– Да нет, не очень. Какие-то спазмы. – Тейлор машинально кивнул. Риа улыбнулась и дернула его за руку. – С чем ты соглашаешься своим кивком? У тебя же никогда не было спазмов.

– И слава Богу. – Он криво усмехнулся. – А аспирин не помогает?

– Лучше не принимать никаких лекарств, не посоветовавшись с врачом.

– А так ты, в порядке? Я имею в виду, не считая спазмов?

– Да, вполне. Теперь ты можешь вернуться на работу. Если будет нужно, я позвоню.

Тейлор грозно сдвинул брови.

– Не делай из меня идиота.

– Но, Тейлор, здесь ничего...

– Я остаюсь.

Риа втайне очень обрадовалась его решению. Нелегко было выносить это тяжелое испытание один на один с собой, вне зависимости, от того, чем все кичится. Риа казалось, что отпусти Тейлор ее руку, и она куда-нибудь улетит.

– Я все же хочу, чтобы ты что-нибудь съела, – заявил через минуту Тейлор. – Ты вся совершенно скрюченная.

Риа понимала, что Тейлору необходимо быть нужным, чем-то занять себя, и потому послала его за сыром, крекерами и фруктовым соком.

– Тейлор?

– Что?

Он сидел на краю постели, уставившись в окно. Тени становились все длиннее. Солнце уплывало за горизонт.

– О чем ты думаешь?

– О том, что это самый долгий из прожитых мною дней. – Он погладил щеку жены. – Знаю, что для тебя он был еще длиннее.

Риа надавала Тейлору дюжину поручений по дому. В какой-то момент он понял, что эти ненужные поручения были способом заставить его немного отвлечься.

В конце концов по молчаливому согласию они решили оставить эти бессмысленные занятия. Ни беспорядочные требования Риа, ни настойчивая исполнительность и заботливость Тейлора не могли отвлечь их от мысли о ребенке,

чья жизнь висела сейчас на волоске. Они часто и подолгу молчали, но это было молчание взаимопонимания. Оно выражало их тревогу и страх лучше всяких слов.

– Когда бы мы ни говорили о малыше, – медленно произнесла Риа, – мы говорили о здоровом ребенке.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Как ты будешь относиться к ребенку, если он не будет таким уж здоровым? Если... если он родится с недостатками, как ты будешь к нему относиться?

Тейлор не ответил, а лишь посмотрел на жену тяжелым, непонимающим взглядом.

– Это естественный инстинкт тела, – нервно продолжила Риа, – пытаться отторгнуть что-то, что имеет дефекты. Иногда выкидыши рассматриваются как благо.

Прошло немало времени, прежде чем Тейлор ответил. И в ответе его звучала явная злость.

– Как ты можешь задавать мне подобные вопросы? Ты действительно считаешь меня таким поверхностным? Мы не очень-то хорошо знали друг друга, когда поженились, то за это время, я думаю, ты имела возможность узнать меня лучше. Глаза Риа наполнились слезами раскаяния.

– Прости, Тейлор, ты прав. Я действительно узнала тебя лучше и не должна была спрашивать.

Слезы Риа растопили его гнев. Тейлор осторожно положил руки на живот жены, защищая его большими ладонями и крепкими пальцами.

– Я люблю малыша. Я хочу его. Что бы ни случилось.

Риа отвернулась не потому, что не хотела, чтобы Тейлор видел ее слезы, а потому, что не могла вынести слез в его глазах.

– Кажется, тебе следует отвезти меня в больницу.

Стоя в дверном проеме ванной, Риа, казалось, вот-вот упадет в обморок. Ее била дрожь.

Тейлор не стал терять времени на ненужные вопросы. Он уже дважды выносил из ванной корзину для бумаг. У супругов больше не было секретов друг от друга. Тейлор позвонил врачу и предупредил его, что они выезжают, после чего вернулся к Риа.

Взяв жену на руки, он понес ее к выходу.

– Больно?

– Не очень.

Риа лгала: ей было очень больно. Губы ее побелели. Тейлор уложил жену на переднее сиденье и, нарушая все ограничения скорости, игнорируя государственные и городские дорожные знаки, помчался в больницу. Предупрежденные врачом медсестры уже дожидались с креслом-каталкой у входа. Когда Тейлор усадил Риа в кресло, она схватила его за руку и прижала ее к щеке.

– Прости. Прости меня.

Озабоченные медсестры не дали Тейлору времени ответить, а, мгновенно развернув кресло, быстро покатали его

к автоматическим стеклянным дверям. В коридоре перед смотровым кабинетом Тейлор беспокойно ерзал на неудобном пластиковом стуле. Отхлебывал горький кофе из автомата. Вышагивал. Метался. Молился. Через несколько минут, которые показались Тейлору вечностью, из смотровой вышел врач и обменялся с Тейлором рукопожатием.

– Здравствуйте, мистер Маккензи. Я узнал вас по фотографиям в газетах.

– Как Риа?

– Боюсь, она потеряла ребенка.

Тейлор прислонился к стене. Ему казалось, он готов услышать подобное, но вышло, что нет.

Чувство потери было невыносимым. Тейлор ощутил, как огромный стальной кулак ухватил его за кишки и дернул, после чего в животе образовалась зияющая дыра – черная и пустая.

Голова Тейлора стала отклоняться назад, пока не уперлась в холодный кафель стены. Закрыв глаза и стиснув зубы, он сжал кулаки.

– Почему?

Вопрос задавался Всевышнему, но ответил на него доктор:

– Без сомнений, не было ничего, что миссис Маккензи не сделала бы или сделала не так. Просто один из непредсказуемых вывертов природы.

– Благо... – горько усмехнулся Тейлор, вспомнив слова

Риа.

– Знаю, что трудно с этим согласиться.

– Да, доктор, чертовски трудно, – глубоко выдохнул Тейлор. – Как Риа?

Врач пессимистически покачал головой.

– Естественно, она чрезвычайно расстроена. Я отправил ее наверх.

– Наверх? – первое, что пришло Тейлору в голову, были слова «психиатрическое отделение». Неужели Риа тронулась рассудком?

– Да. Обычно женский организм сам освобождается от остатков плода, но в данном случае я намерен провести процедуры «Ди» и «Си». – Доктор объяснил Тейлору суть медицинских терминов. – Миссис Маккензи сможет вернуться домой утром, день или два она будет испытывать некоторое недомогание, но пусть ее это не беспокоит. Только не следует поднимать ничего тяжелого. Разумеется, прежде всего мы беспокоимся о ее эмоциональном состоянии. Эмоциональная стабилизация займет гораздо больше времени, чем физическое исцеление, и очень большая ответственность при этом ложится на вас, мистер Маккензи.

Прошло несколько часов, прежде чем Риа перевели в отдельную палату, и Тейлор смог увидеть жену. Перед этим он позвонил своей секретарше и распорядился отменить все встречи, назначенные на следующий день – на пятницу. Он вернется на работу не раньше понедельника. После этого он

позвонил Делии Стар.

– Сегодня вечером у Риа случился выкидыш, – услышав в трубке ответ и представившись, без предисловий сообщил Маккензи.

– Мне очень жаль, – после ошеломленной паузы пробормотала корреспондентка.

– Уберите любой намек на ребенка из этого проклятого воскресного репортажа.

– Слишком поздно, Тейлор.

– Черт побери...

– Я уже передала материал редакторам номера. У меня его нет.

– Так верните. Я не допущу, чтобы Риа, открыв газету, прочла в ней о своем ребенке, которого уже не будет. Мне плевать, как вы это сделаете, но вы сделаете.

– Сделаю все, что в моих силах. Зная, каким влиянием пользуется в газете мисс Стар, можно было считать, что все упоминания о ребенке будут изъяты из статьи, прежде чем та попадет в печать.

Тейлор также переговорил с главным врачом больницы и предупредил его, что никакие сведения о его жене не должны просочиться в средства массовой информации. Мэр Маккензи сейчас должен быть в центре внимания прессы. Но в этот момент Тейлор не хотел бы прочесть ни одного упоминания о себе на первой полосе газеты.

В палате, где лежала Риа, царил полумрак, окна были за-

шторены. Горел лишь небольшой ночник. Тейлору показалось, что Риа спит, но, тихонько подкравшись к постели, он обнаружил, что глаза ее открыты. Неподвижная, она застывшим взглядом уставилась в потолок. Правая рука, худая и бледная, безвольно лежала на животе, казавшемся до неприличия впалым.

Риа повернула голову, но ничего не сказала. В голову Тейлора не приходило ни одного слова, которое не прозвучало бы банально. Неужели трагедия автоматически превращает людей, обычно владеющих нормальным языком, в роботов, запрограммированных на произнесение только тривиальных фраз? Тейлор лишь смог выдавить:

– Как ты себя чувствуешь?

– Пусто.

Отсутствие интонаций в голосе Риа встревожило Тейлора. Эмоции улетучились из ее речи так же, как исчезли улыбка и мимика с ее лица. Тейлор поднял руку жены и крепко сжал ее, но Риа, казалось, даже не заметила этого. Она не ответила на пожатие.

– Каждую неделю я часами занималась в оздоровительном центре, желая сохранить живот плоским. – Риа невесело рассмеялась. – Мама всегда говорила: «Будь осторожна в своих желаниях».

Тейлор увидел, как из уголков глаз Риа покатались слезы, теряющиеся в ее темных волосах.

– Тебе больно?

– Нет. Доктор распорядился сделать укол, чтобы я лучше заснула. Потому я такая одуревшая.

– Оставайся одуревшей. Врач сказал, тебе надо много отдыхать.

– Еще он сказал, что нет причин не иметь другого... другого... – Риа задохнулась и не смогла закончить.

Тейлор склонился над женой, опершись о спинку кровати, и крепче сжал ее руку.

– Не надо, Риа. Не надо плакать. Поспи.

– Я не могу не думать о ребенке. – Голос Риа звенел. – Его больше нет. Он не существует.

– Тш-ш-ш. – Тейлор поцеловал закрывшиеся глаза жены, из которых продолжали литься слезы. Тейлор придвинул к кровати стул, сел и не шевельнулся до той поры, пока успокоительное не начала действовать, погрузив Риа в глубокий сон.

Тейлор покинул Риа лишь перед восходом солнца. Он зашел в комнату медсестер и проинструктировал их относительно того, что его жена должна получать все необходимое. После этого Маккензи отправился домой, где принял душ, побрился и наскоро приготовил яичницу-глазунью, которую с жадностью проглотил, поскольку со вчерашнего ленча не имел и крошки во рту. Подкрепившись несколькими чашками обжигающе-горячего черного кофе, Тейлор вернулся в больницу, захватив с собой вещи для Риа.

Задержавшись у киоска в вестибюле, он купил жене цве-

ты. Тейлору хотелось купить розы, но в киоске были только красные, неприятно напомнившие ему цвет крови. Тейлор отверг также розовые гвоздики, которые дарят матерям новорожденных девочек, и остановил свой выбор на желтых маргаритках, смотревшихся, по его мнению, по крайней мере более весело. Выйдя из лифта, Маккензи увидел в конце коридора лечащего врача Риа.

– Я только что осмотрел вашу жену. Физически она вполне в норме, но находится в состоянии сильнейшей депрессии. Чем скорее она сможет вернуться к повседневным заботам, тем лучше. Я рекомендовал ей показаться через шесть недель.

Доктор зашагал по коридору. Тейлору хотелось схватить его за развевающиеся полы белого халата и задать тысячу вопросов, но еще больше ему хотелось видеть Риа.

С чемоданом жены в одной руке и букетом в другой Маккензи вошел в палату. Риа помешивала в тарелке комковатую серую овсяную кашу, которую только очень голодный человек мог признать за еду.

– Могу приготовить кое-что повкуснее, – предложил Тейлор, кивнув на поднос с завтраком. Он положил цветы рядом с подносом и поставил чемодан на пол. – Ты ведь никогда не пробовала мои великолепные вафли по-бельгийски, а?

Риа слабо улыбнулась:

– Спасибо за цветы. И за одежду.

– Надеюсь, принес все, что нужно. Оттолкнув ненавист-

ный поднос в сторону, Риа спустила ноги с кровати. Тейлор рывком подскочил к ней, чтобы помочь встать.

– Я уже приняла душ, так что буду готова через минуту.

Тейлор намек понял: его не приглашали помочь одеться.

– Я пока займусь документами на выписку, – сообщил он, пятясь к двери.

– Я уже все подписала.

– Тогда оплачу счет.

– Оплачено. Я позаботилась и об этом. Тейлор раздраженно поджал губы.

– Сегодня утром ты была очень занятой леди.

– Прости меня, пожалуйста, – холодно заметила Риа, – но я хотела бы одеться и побыстрее убраться отсюда.

Через несколько минут Риа вышла из палаты. Губная помада кричаще-ярко выглядела на ее бледном лице. Больничное кресло на колесиках, казалось, вот-вот расплавится от испепеляющего взгляда, которым посмотрела на него Риа.

– Я в состоянии идти самостоятельно.

– Это их правила – не мои. – За креслом стояла не медсестра, а Тейлор. И именно он резким кивком головы приказал Риа сесть в кресло. Терпение Тейлора было на пределе.

Уже в машине Риа сказала:

– Можешь ехать ко мне домой. За своими вещами я заеду позже. – Тейлор умышленно пропустил нужный поворот. – Ты слышал, что я сказала?

– Слышал, но не слушаю. Риа резко отвернулась.

– Поступай как знаешь. Так даже лучше: мне как раз нужно забрать свою машину. Сделаю все в один прием.

Тейлор включил радио погромче и, фальшивя, принялся подпевать звучащей из динамиков песенке.

Остановив машину, Тейлор попытался опередить Риа, открыть дверцу с ее стороны и помочь выйти из автомобиля, но она, казалось, решила все делать сама и игнорировала любые проявления посторонней помощи. Войдя в дом, Риа напрямик направилась к стенному шкафу в спальне, сняла несколько вешалок с платьями и бросила их на кровать. Как только она попыталась уложить первое сложенное платье в чемодан, Тейлор шагнул к жене и вырвал платье у нее из рук.

– Да что, черт возьми, с тобой происходит? Что ты делаешь?

– Отдай платье. Я укладываю вещи.

– Зачем?

– Я возвращаюсь домой.

– Последние несколько недель твой дом был здесь.

– Тому была причина. Теперь эта причина завернута в пластиковый мешок и лежит в мусорном баке на заднем дворе больницы.

Как только эти слова слетели с ее губ, Риа зажала рот руками и рухнула на постель.

– О Боже! – простонала она. Несколько минут Риа сидела, раскачиваясь взад-вперед, и причитала. Потом отняла руки от лица и посмотрела на Тейлора.

– Прости. То, что я сказала, ужасно. – Она несколько раз судорожно вздохнула и нервно вытерла руки о блузку. – Тейлор, ты был прекрасен во всем. Вчера. Этой ночью. Утром. Очень мило с твоей стороны, что ты принес цветы. – Риа бросила взгляд на успевшие подвднуть маргаритки, которые она небрежно швырнула на кровать, войдя в комнату. – Я благодарна тебе за все проявленное тобой внимание и терпение, Тейлор. Но... но основной причины, по которой мы заключили брак, больше не существует. – Риа сморгнула слезы. – Доктор сказал, что я должна как можно быстрее вернуться к своим повседневным заботам. В сложившихся обстоятельствах это означает...

Риа подняла глаза и поразилась тому, что разговаривает с пустой комнатой.

Тейлору иногда приходилось выпивать за ленчем по служебной необходимости (предлагая клиенту или же по приглашению клиента), но он никогда не пил раньше десяти утра. Поэтому, когда первый глоток шотландского виски обжег ему желудок, Тейлор задохнулся и заморгал глазами, на которых выступили слезы. Но чтобы доказать себе, что может, Тейлор, прежде чем выйти во внутренний дворик, осушил стакан до дна.

Внутренний дворик, к которому успела приложить руку Риа, как и все в доме, выглядел словно лицо после пластической операции. По всему дворику были расставлены корзины и горшки с распустившимися цветами. Тейлор и

прежде разводил цветы в своем патио, но уже к середине лета они либо коричневели от недостатка влаги, либо желтели от чрезмерной поливки, либо разрастались в беспорядочные заросли, поскольку Тейлор забывал их вовремя подрезать. В этом году цветы были по-домашнему прекрасны и ухожены, являя типичный пример улучшений, которые привнесла в дом Риа. И она вовсе не стала менять все и вся как попало, подобно придурочной хозяйке в комедии Нейла Саймона. Риа всегда спрашивала разрешения Тейлора, прежде чем передвинуть даже стул на несколько сантиметров.

Перемены, вносимые Риа, могли быть открытыми и заметными, например, появление над камином ее любимой литографии работы Эрте, а могли выражаться простыми нюансами типа свежих цветов на обеденном столе. Все перемены реально улучшали обстановку в доме и не были продиктованы снобистским желанием пустить пыль в глаза. Теперь Тейлор не мог ходить по своему великолепному дому, не замечая на каждом шагу следов деятельности Риа.

Черт, пусть это и избитый штамп, но теплом своих рук Риа действительно создала домашний очаг. Высокооплачиваемый дизайнер сделал эффектный дом. Теперь это был эффектный и уютный дом. Риа добавила в него то, чего не мог сделать дизайнер, – теплоту. Она вдохнула жизнь в каждую комнату. Стала сердцем дома.

Тейлор уже привык к ночным рубашкам Риа, висевшим на крючке на двери ванной комнаты. Он даже грешил тем,

что всякий раз, заходя в ванную, трогал рубашки Риа или, поднеся их к лицу, вдыхал аромат ее тела, подобно наркоману, в течение дня периодически нюхающему кокаин.

Он не возражал против того, что ее станок для бритья лежал рядом с его станком. Тейлор находил это очень милым, забавным, с привкусом шарма.

– Черт! – Тейлор коротко выругался и сунул кулаки в карманы. В досаде он пнул ногой горшок с алой геранью. Чем в самом деле он занимается, размышляя о станках и шарме? Идиотизм!

И все же Тейлор не мог удержаться от мыслей о туалетном столике Риа. Он был уставлен шеренгой дезодорантов, делавших ненужной ароматизацию воздуха в комнате. Многочисленные стеклянные баночки интриговали Тейлора. В тюбиках с серебряными крышечками содержалась губная помада всех мыслимых оттенков. Как-то Тейлор провел целый вечер, исследуя этот особый мир, дотошно выпытывая у Риа назначение того или иного средства, нюхая, растирая кремы между пальцами и вспоминая моменты, в которые он обонял тот или иной запах или же ощущал вкус той или иной эмульсии где-нибудь на теле Риа. Она же была очаровательно женственна. И Тейлору так не хватало ее.

– Понимаешь? – прорычал Тейлор покалеченной герани. – Я буду скучать по ней.

Маккензи никогда не страдал от отсутствия женского общества, но это было совсем не то, что он чувствовал, приходя

домой и всякий раз встречая там одну и ту же женщину. Это расслабляло лучше всякого свидания. Разговор велся совершенно естественно, и не надо было притворяться, в чем Тейлору прежде постоянно приходилось практиковаться.

Когда они с Риа выходили в свет, Тейлору не надо было следить за тем, чтобы его спутница была одета согласно случаю, потому что Риа всегда соответствовала. Она никогда не ошибалась и не оступалась. Риа всегда знала, что сказать в любом обществе.

Опустившись в шезлонг, Тейлор козырьком приложил ладонь над глазами, созерцая горизонт. Как же убедить Риа остаться? Тейлор справедливо полагал, что сделать это надо не только для себя, но и в интересах самой Риа. Он станет за ней ухаживать. Черт возьми, она была такой бледной и изможденной, когда покидала больницу. Она измотана не только физически. Опустела ее душа.

Да, Риа должна вернуться к повседневным заботам, но если только Тейлор знает свою жену, а он чувствовал, что узнал ее достаточно хорошо, то Риа доведет себя до того, что свалится от истощения. Она, вероятно, винит себя за выкидыш, вспоминает какие-то детские грехи, за которые теперь расплачивается; убеждает себя, что выкидыш – ее расплата за прошлое.

– Нет, будь я проклят, но не допущу, чтобы дошло до этого.

Тейлор покинул патио и заметался по дому, На полпути к

спальне он одернул себя. Это был неверный подход. Умный мужчина не станет предъявлять ультиматум Риа Лавендер. Стоит только заговорить повелительным тоном, и он никогда больше не увидит Риа. С другой стороны, если он скажет, что хочет ухаживать за ней до полного ее выздоровления, Риа может возмутить его жалость. Так что же это должно быть?

Твердость и сочувствие. Вот, нашел, это сработает.

Тейлор остановился на пороге спальни. Риа уже упаковала один чемодан и теперь укладывала второй. Тейлор почувствовал, как виски бушует у него в животе, что твой Атлантический океан в шторм.

Маккензи не хотел сразу выкладывать свой козырь, но если другое не поможет, придется прибегнуть и к нему.

Риа обернулась на звук его шагов и приняла блеск в его глазах за гнев. Она не винила Тейлора, особенно после тех ужасных вещей, что успела наговорить. Он будет рад ее скорейшему отъезду.

– Дай мне еще минутку-другую. Я только заберу косметику из ванной и буду совсем готова.

– Мне кажется, тебе не следует уезжать.

Бросив в чемодан кружевную рубашку, Риа обернулась:

– Что?

– Ты слышала, что я сказал.

– Почему же?

– Доктор сказал, что тебе необходим хороший отдых, по крайней мере в эти выходные.

– Отлежусь дома.

– Но сможешь ли ты оставаться в постели? Да.

– Гм-м-м.

– Смогу!

– Риа, я прожил с тобой несколько недель. Пока в кухонной раковине оставался хоть один невымытый стакан, ты не садилась к телевизору.

Риа избегала смотреть на Тейлора, отчасти потому, что чувствовала себя виноватой, отчасти потому, что он был опасно хорош собой. Бессонная ночь только подчеркнула мужественность его лица. Усталость шла Тейлору. Тени под глазами лишь усилили их голубизну.

На Тейлоре была узкая спортивная рубашка, замечательно облегающая мощный торс. Потертые джинсы в обтяжку сидели как влитые. Было непонятно, каким способом можно достичь такой гармонии формы и содержания.

Болезненная опустошенность только возросла при мысли, что в ее жизни больше не будет Тейлора. Ей будет не хватать его юмора. И его страсти.

– Обещаю, что буду отдыхать, – пробормотала Риа, смутившись.

– Ты должна правильно питаться. А ты не будешь, если я тебя не заставлю.

– Откуда ты знаешь?

– Видел твою тарелку с овсянкой сегодня утром.

– Это был просто ужас. Ты сам не стал бы ее есть.

– А мне и не предписано.

– Я сама могу приготовить правильно сбалансированную еду.

– Не сомневаюсь. Но ты не должна стоять у плиты и уж точно не должна ездить по магазинам.

– Тейлор, с голоду я не умру. Ты говоришь со мной как с калекой. Я прекрасно прожила почти тридцать лет и без тебя.

Тейлору нечего было ответить, и Риа это знала.

– А что ты собираешься сказать родителям? – сменил тему Маккензи.

– О-о-о, – торжествующая улыбка сошла с лица Риа. – Я совсем об этом забыла.

– В таком случае хорошо, что я напомнил. Они ведь приезжают в воскресенье познакомиться со мной, так?

– Я позвоню им и отговорю под каким-нибудь предлогом.

– Не в твоём характере отменять столь важные встречи. Родители заподозрят неладное и все равно приедут выяснить, что случилось. А когда они приедут и узнают...

– Ну хорошо. – Риа опустилась на постель. Плечи ее уныло поникли – упаковка вещей измотала ее. Доктор оказался прав. У Риа не было сил подняться. Для их восстановления требовалось время, особенно если учесть ее душевное состояние. – Кажется, я могу остаться до воскресного вечера, пока мама с папой не уедут. Я позже придумаю, что им сказать о нас.

– Вообще-то, – Тейлор сел на кровать рядом с ней, – полагаю, ты могла бы остаться... на какое-то время.

– Неопределенное?

– Да.

– Зачем?

– По ряду причин, – пожал плечами Тейлор.

– Назови хоть одну.

– Просто ты прижилась здесь, – коротко сказал Тейлор.

– И что скажут люди, если я съеду прямо сейчас? Ты это имел в виду?

– Нет, Риа.

– Рассказывай! – Риа вскочила на ноги. – Теперь я поняла. Все, что ты тут болтал насчет отдыха, питания, заботы, – все это вранье. Ты просто не хочешь, чтобы твои избиратели знали, что от тебя ушла жена.

– Ты знаешь, что это не так.

– А если они еще и узнают, что я потеряла ребенка, ты будешь выглядеть совсем уж отвратительно, так? И они будут не в особом восторге, когда ты примешь присягу в качестве мэра.

– Моя должность не имеет никакого отношения к причине, по которой я не хочу, чтобы ты уходила.

– В таком случае причина в дармовом сексе.

– Что? – зарычал Тейлор. Терпение его лопнуло.

– Конечно. К чему тратить деньги на Лизу и ей подобных, если можно иметь дома бесплатные удовольствия?

– Никогда не предполагал в тебе такого трезвомыслия.

– До сегодняшнего дня его и не было. Но к твоему сведению, на шесть недель я освобождена от супружеских обязанностей.

Ругательства, потоком которых разразился Тейлор, были настолько красочными, яркими и грубыми, что Риа вздрогнула.

– Ты что, считаешь меня пещерным человеком? Так ты полагаешь, это мной движет? Секс? Ха! Не переоценивай себя. Да у меня этого добра и до сочельника было навалом, бесплатно. И это была не первая «проходная» ночь, чтобы ты знала. – Маккензи надменно вздернул подбородок. И даже не самая лучшая.

Его слова ударили Риа, словно она получила пощечину. Но чтобы скрыть от Тейлора, как больно он ее ранил, Риа спросила:

– Тогда почему же ты хочешь сохранить наш брак?

– Чтобы не повредить своей репутации, – резко ответил Тейлор. – Останься до моего официального вступления в должность. Потом, если хочешь, уходи, я не буду пытаться остановить тебя. Полагаю, ты мне все-таки обязана.

Сила и непокорность покинули Риа с той же быстротой, с какой появились: она снова опустилась на постель и взглянула на открытый чемодан, наполненный нижним бельем. Риа вспомнила одну довольно пикантную шутку, которой Тейлор комментировал каждый из этих нарядов.

Риа могла перенести любую боль, но не такую. Их брак оказался фикцией. За эти несколько недель Маккензи не полюбил ее, как полюбила его Риа. Он был добр, весел и заботлив только из-за ребенка. Он был нежен с ней только потому, что она была матерью его ребенка. Привязанность Тейлора не относилась лично к Риа.

И они просто очень подходили друг другу в постели.

Маккензи признал и узаконил ее ребенка, женившись на Риа, о чем она его и просила. Но Тейлор не ограничился просто благородным поступком: он заставил Риа полюбить его.

И было бы неблагородно с ее стороны покинуть Тейлора в беде. Его карьера зависела от публичного имиджа. Риа втянула Тейлора в этот брак, стараясь сделать это как можно естественнее. Теперь необходимо освободить его от себя таким же образом.

Но сможет ли она изображать из себя любящую Жену? Когда Тейлор поймет, что она не притворяется? Сколько еще осталось до присяги? Несколько недель? Месяц?

Риа показалось, что она сможет прожить с Тейлором этот срок. Но решающим фактором, однако, стала мысль, что она действительно не в состоянии оставить Тейлора.

– Хорошо, Тейлор. Я останусь.

Глава 7

– Еще кофе, Фрида?

Тейлор наклонился, чтобы налить теще очередную чашку кофе. Они пили послеобеденный кофе в патио.

– Вы стараетесь подольститься ко мне, – улыбнулась миссис Лавендер зятю.

– Естественно, – широко улыбаясь, признался Тейлор. – Я хочу произвести хорошее впечатление.

Тесть с тещей рассмеялись обезоруживающей честности Маккензи. По настоянию Роберта Лавендера Тейлор принялся рассказывать о некоторых программах развития города, которые он намеревался провести после приведения его к присяге.

Риа, откинувшись в шезлонге, наблюдала за ними. День прошел хорошо, гораздо лучше, чем предполагала Риа. Она его боялась, боялась фальшиво сыграть роль счастливой новобрачной перед людьми, которых любила и уважала больше всех на свете.

В тот момент, когда утром Риа открыла родителям дверь, она чуть не расплакалась. Ее так и подмывало броситься к ним в объятия и разрыдаться, рассказав всю эту грустную историю. Хорошо еще, что не было необходимости говорить о выкидыше. Одним из самых мудрых ее решений было не сообщать родителям о своей беременности. Они и без того

расстроятся, когда ее кратковременное замужество окончится разводом. Зачем заставлять их страдать еще больше!

За один день Тейлор легко завоевал доверие четы Лавендер. Для Риа не было загадкой, почему Маккензи выбрали мэром: он просто был рожден политиком. Тейлор обладал шармом и изяществом, был прекрасным рассказчиком и еще лучшим слушателем. А в умении разыграть искренность ему не было равных. Временами Риа почти не сомневалась, что Маккензи полюбил ее родителей и сам хочет им понравиться. Тейлор без труда мог бы победить на конкурсе «Зять года».

Тейлор хотел выглядеть образцовым мужем, и Риа не винила его за это представление. Ее угнетало лишь сознание, что Тейлор всего лишь разыгрывал роль.

Их ссора по поводу отъезда Риа уже почти забылась. Тейлор помог жене вернуть всю одежду в шкаф и приказал лечь в постель, чему Риа беспрекословно подчинилась. Она проспала большую часть дня. Тейлор принес обед на подносе в спальню. Поев, Риа снова уснула.

Проснувшись утром в субботу, она отметила, что часть постели, где спал Тейлор, даже не смята. Обойдя на цыпочках дом, Риа обнаружила Маккензи свернувшимся калачиком на диване в гостиной и почувствовала угрызения совести из-за того, что выгнала его из собственной постели. Риа решила загладить свою вину приготовлением завтрака.

Несколько минут спустя Тейлор заявился на кухню, где

Риа уже ставила на плиту кофе.

– Чем ты тут занимаешься?

Тейлор был завернут в простыню, которую придерживал одной рукой, другой он пытался пригладить взъерошенные волосы. Маккензи широко зевнул.

– Варю кофе. Похоже, тебе он будет в самый раз.

– Отправляйся в постель. Я принесу твою чашку.

– Я прекрасно себя чувствую.

– Иди в постель, или я...

– Я...

– ...сброшу эту простыню и покажу тебе свое состояние.

А ты знаешь, что происходит со мной по утрам, хочу я того или нет, – шутливо пригрозил Тейлор.

Риа опрометью бросилась в спальню. Тейлор принес кофе, три хрустящих ломтика поджаренного бекона и вафлю, такую огромную, каких Риа еще не видела, – она просто не умещалась на тарелке.

– Почему бы нам не набить ее пухом и не использовать в качестве подушки?

Шутка не рассмешила Тейлора. Он поднял вилку и вставил ее в пальцы Риа.

– Кушай. Ты должна съесть все.

Риа смогла осилить только половину вафли, после чего взмолилась о пощаде.

Так прошел целый день. Тейлор не позволял жене ничего делать. Когда Риа пожаловалась, что сойдет с ума, лежа без

дела в постели, Тейлор позволил ей выйти в патио и полежать на солнышке в шезлонге.

Отсюда она наблюдала, как Маккензи вымыл и отполировал обе машины. Одетый только в хлопчатобумажные шорты, обрызганный мыльной водой, Тейлор не давал Риа отдышаться спокойно. Глаза ее то и дело отрывались от журнала и созерцали хлопья мыльной пены, покрывавшие волосы на груди Тейлора и чувственно стекавшие вниз по обнаженным ногам. Риа и не предполагала, что можно возвести мытье автомобиля на уровень искусства, как это получалось у Маккензи.

– Я иду в магазин. Чем мы будем угощать завтра наших гостей? – С блокнотом в руке Тейлор уселся по-турецки у ног Риа и вопросительно уставился на нее.

Риа была рада, что он сменил шорты на широкие брюки. И без того зрелище было достаточно возбуждающим. Она надеялась, что Тейлор не видит направление ее взгляда под солнечными очками.

– Я еще не думала об этом. Как насчет куриных окорочков, большого зеленого салата и клубничного торта?

– Смотри, – сказал Тейлор, делая какие-то пометки в блокноте. – Нарезанная холодная ветчина и картофельный салат из гастронома, свежие фрукты, бриоши, французские булочки и масло. Отличная идея, Риа. И думаю, шербет неплох для десерта. Какой брать, апельсиновый или лимонный?

– Тейлор!

– Гриль я приготовлю здесь, в патио. Печеная картошка обсуждению не подлежит. – Тейлор приложил палец к губам Риа, предвосхищая протест. – Но если ты будешь хорошей девочкой и пролежишь в постели до конца дня, я так и быть разрешу тебе завтра приготовить твой «большой зеленый салат».

Спонтанный поцелуй, запечатленный Тейлором на губах Риа, удивил их обоих. Какое-то мгновение они пристально смотрели друг на друга. После чего Тейлор хрипло пробормотал:

– До свидания! – и быстро удалился.

На следующее утро, до приезда Лавендеров, они прочли статью Делии Стар.

– О ребенке тут не сказано ни слова, – заметила Риа, слегка удивленная этим упущением.

– Я кое-что сделал для этого.

– Когда? – Риа отложила газету.

– Позвонил Делии из больницы. Я знал, что тебе не хотелось бы давать публичные или приватные объяснения.

– Спасибо, Тейлор. – Риа прикоснулась к плечу мужа.

Он накрыл ее руку своей.

И вот сегодня Риа и Тейлор целый день разыгрывали перед ее родителями счастливую семью. Это начинало действовать Риа на нервы. Потому что временами она забывала о том, что это всего лишь игра. Тейлор был внимателен, всякий раз подскакивал к ней, когда она пыталась взять в руки

что-нибудь тяжелее перышка. Раз, когда Риа наклонилась, чтобы поднять с пола упавшую салфетку, Тейлор чуть не столкнул ее со стула, пытаясь опередить.

– Может, ты расслабишься? – зашипела она на Тейлора, вызвав его под каким-то предлогом в кухню.

– Может, ты прекратишь делать вещи, которые тебе нельзя делать?

– Они не знают о... о ребенке. – Риа все еще не могла заставить себя произнести слово «выкидыш». – Но догадаются, если ты не прекратишь вести себя как дурак.

– Они думают, что я одурел от любви и готов носить жену на руках.

– Слушай, твой энтузиазм сводит меня с ума. Прекрати.

Но Тейлор не прекращал. Он постоянно находился рядом с Риа, гладил ее по щеке, массировал ей шею, пощипывал спину, заботливо обнимал. Раз без всякой причины наклонился и слегка поцеловал ее в губы. Она почувствовала возбуждение, на мгновение забыв о том, что его демонстративная внимательность была лишь частью спектакля.

– Риа? Ты слышала, что я сказал?

Очнувшись от задумчивости, Риа обнаружила, что все трое с любопытством смотрят на нее.

– Простите. Что ты сказал?

В мгновение ока Тейлор подлетел к жене:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

Его голубые глаза, казалось, проникают в самую глубину

ее глаз.

– Прекрасно. Просто упустила нить разговора. О чем ты говорил, папочка?

– Я рад, что ты не вышла замуж за этого старого хрыча Гая как-его-там-зовут.

– Мы оба рады, Роберт, – добавил Тейлор, положив руку на затылок Риа.

– Думаю, что теперь можно сказать тебе, Риа, – включилась в разговор миссис Лавендер, – что нам с отцом никогда не нравился Гай. Тейлор гораздо больше подходит тебе по характеру. – Женщина с нежностью посмотрела на зятя. – Мне кажется таким романтичным, что вы познакомились в сочельник.

– Да, пожалуй, – с трудом выдавила Риа.

– А я думаю, это знак судьбы, что мы именно в то время уехали в Лондон, – поддержал мистер Лавендер.

Тейлор прижал руку к сердцу:

– В таком случае я полностью благодарен судьбе. Все засмеялись, но Фрида скривила свой маленький ротик и нахмурилась.

– Нам хотелось бы присутствовать на вашей свадьбе. Это было так неожиданно. Трудно представить настоящую свадьбу без церкви, органа, цветов. Всей церемонии.

– Мама, я...

– В этом целиком моя вина, – перебил жену Тейлор. – Мы с Риа заговорили о свадьбе в тот же вечер, как познакоми-

лись. – Тейлор улыбнулся Риа и добавил игриво: – Вечер к тому располагал. – Он выдержал взгляд Риа и снова обратился к ее родителям: – Когда я наконец уговорил Риа выйти за меня замуж, то поставил условие, что наше бракосочетание будет скорым и скромным. Простите нас, пожалуйста, но мне не хотелось давать моим конкурентам повод говорить, что я занимаюсь показухой, поскольку холостячество было слабым местом в моей избирательной кампании. И... – Тейлор выдержал паузу, подчеркивая значимость своих слов. – Для нас с Риа взаимные клятвы были делом настолько особенным и личным, что мы эгоистично не желали, чтобы кто-то еще при этом присутствовал.

Миссис Лавендер заморгала повлажневшими глазами.

– Риа очень повезло, что она нашла такого отзывчивого человека, как вы, Тейлор.

Роберт Лавендер прикоснулся к руке жены.

– Нам пора. Если она расплатится, ее ничем не остановишь. Кроме того, нам предстоит еще отмахать сто миль.

Стоя в дверях, обняв друг друга за талию, Тейлор и Риа дали обещание, которое – Риа точно знала – никогда не выполнят: приехать вскоре в гости к родителям, чтобы те имели возможность представить Тейлора своим старым друзьям.

Как только габаритные огни автомобиля Лавендеров исчезли за поворотом, нервы Риа не выдержали. Она захлопнула дверь с большим грохотом, чем было необходимо.

– Ну знаешь, ты перешел все границы! – набросилась она

на Тейлора. Тот ошеломленно отступил.

– Мне казалось, я прекрасно справился с задачей и убедил твоих родителей, что я любящий, внимательный супруг.

– О да, еще как справился! Каждое твое слово было так же приторно, как вафля, которую ты заставил меня съесть вчера.

– Так на что же ты жалуешься? Риа вызывающе подбоченилась.

– А ты не мог быть хоть чуточку менее очаровательным? Хоть капельку поподлее? Проявить поменьше заботливости? Теперь их просто шокирует наш развод. Они будут недоумевать, что же я за дура – упустила такого мужа! Может, они меньше переживали бы по поводу нашего разрыва, если бы ты продемонстрировал им хоть один свой недостаток, вместо того чтобы быть таким безупречным и замечательным?

– Ну-у-у, прошу прощения. В следующий раз я постараюсь более походить на «старого хрыча Гая».

– Родители недостаточно хорошо знают Гая, иначе бы не называли его так.

– Они достаточно хорошо его знают, чтобы не любить. Но ты совершенно другое дело, да?

– Да.

– Сколько ты была с ним? И что в нем такого, от чего ты сходишь с ума, когда никто больше его не любит? – Тейлор сверкнул глазами. – Или мне не следует об этом спрашивать?

Риа откинула назад волосы и, задыхаясь, ответила:

– Не следует.

Выругавшись, Тейлор направился к гаражу.

– Пойду побегаю.

Как только за Тейлором, захлопнулась дверь, вся ответственность Риа улетучилась. Она устала. Старание изобразить здоровье и счастье измотало ее. Стремление скрыть свои чувства к Тейлору взвинтило ее нервы до критической точки. Если она ненавидит Тейлора и он дал для этого повод, значит, ее любовь к Маккензи – не более чем игра, вызов. А если это так, то ей следует постоянно напоминать себе, что его показная заботливость и их интимные отношения не значат ничего.

К возвращению Тейлора Риа была уже в постели. Тейлор прошел в ванную и закрыл за собой дверь. Минуту спустя Риа слышала шум льющейся воды.

О Боже, ну и попала же она в переделку!

Когда Тейлор вышел из ванной, Риа затаила дыхание, пытаясь сдержать слезы, но Тейлор что-то почувствовал. Он развернулся и, приглаживая волосы, направился к постели.

– Риа, ты плачешь? Что-нибудь не так? – Она покачала головой, но Тейлора это не убедило. – Это не... У тебя не открылось кровотечение, нет?

Он откинул простыню и перевернул Риа на спину.

– Нет, ничего такого. – Риа смахнула слезы со щек, но они все же успели сверкнуть в лунном свете.

– Ты плачешь.

– Что упорно делаю вот уже три дня, – с отвращением к себе заметила Риа. – Я никогда не плакала, а в последнее время только этим и занимаюсь.

– Имеешь полное право. Доктор предупредил меня, что ты будешь не в себе неделю или около того.

На Тейлоре было лишь полотенце, обмотанное вокруг бедер. Волосы, все еще мокрые, прилипли ко лбу. Капли воды в густых шелковистых волосах на груди и вокруг пупка скатывались вниз. Тейлор оперся на руки, и потому на них рельефно выступали вены и мускулы.

Риа захотелось поцеловать Тейлора в губы, шею, соски, затвердевшие в прохладной комнате. Ей хотелось слизнуть языком каждую капельку воды с его, тела и ощутить свежий вкус его кожи. Лишенная такой возможности, Риа снова заплакала.

– Да что случилось? – Сбитый с толку, Тейлор наклонился и взял голову Риа в ладони. – Послушай, я прошу прощения, что наорал на тебя. Но для меня это тоже был нелегкий денек.

– Я не должна была прогонять тебя через все это.

– Я сам напросился, помнишь? И я вовсе не хотел так говорить о Гае. Ладно, хотел – мне он не нравится, – но я прошу прощения, что задел твои чувства.

Тейлор говорил достаточно откровенно, но все не о том. Он бесцельно поглаживал волосы Риа, но делал это столь рассеянно, что в конце концов угодил пальцем ей в глаз.

Она внезапно поняла всю абсурдность ситуации и принялась хохотать и плакать одновременно.

– Ну и попала же я в переделку! – простонала она, рыдая.

– В какую?

– В твою жизнь.

– Гм-м-м?

– Тейлор, тебе никогда не приходило в голову, что, подожди я еще всего несколько недель, и ты ничего бы не узнал? –

Тейлор поднес к ее лицу уголок простыни, и Риа покорно вытерла им слезы. – Я бы потеряла ребенка, а ты бы навсегда остался в неведении. Так нет же, надо было мне бульдозером пройтись по твоей жизни, заставив жениться на себе!

– Да ладно, сейчас ты скорее походишь на бабочку, чем на бульдозер.

– Не надо меня защищать.

Улыбнувшись, Тейлор прижал голову Риа к своей красивой обнаженной груди.

– А ты не подумала, какую ответственность чувствую я, разрушив твою жизнь? Я сделал тебя беременной.

– Мы оба сделали меня беременной.

– Но я должен был подстраховаться. Или же выйти, прежде чем... ну, ты знаешь.

Долгое время они молчали. Наконец Риа прошептала:

– Не думаю, что позволила бы тебе выйти раньше.

– В первый раз – вряд ли. Все случилось так быстро.

– Мы потеряли голову. Ни о чем не думали.

– Но второй раз. И третий. – Тейлор запустил пальцы в волосы Риа и принялся массировать ей голову.

– У нас была уйма времени подумать о последствиях, но нам и в голову не пришло.

Да, в двух последних случаях они занимались любовью медленно, растягивая удовольствие. Когда плоть Тейлора вошла в Риа, они посмотрели друг на друга, пораженные остротой ощущений, одновременно скользя в сладкое забвение.

– Слишком поздно упрекать себя за рождественскую ночь, – осторожно сменила тему Риа.

– Но не за медовый месяц.

– Медовый месяц?

– За последние три недели. Риа, была за это время хоть одна ночь, когда бы мы не занимались любовью?

– Нет.

– И это не считая любовных утех по утрам и днем, и... – Тейлор отшатнулся и закрыл лицо руками. – Неудивительно, что мы потеряли ребенка.

– О-о-о, Тейлор, не надо. – Риа приподнялась и прижалась головой к груди мужа. – Доктор сказал, что ничем нельзя было предотвратить выкидыш, поскольку ничто конкретно не вызывает его.

– Даже сексуальный марафон?

– Даже он. Особенно если это секс с тобой. Я хочу сказать, – хрипло добавила Риа, – ты никогда не был груб.

– И никогда не делал тебе больно?

– Конечно, нет.

Риа отняла голову от груди Тейлора и крепко его обняла. Тот облегченно вздохнул.

– Я так и думал. Но когда ты потеряла малыша, я испугался, что как-то ранил тебя, а ты ничего не сказала.

– Нет, нет. – Риа энергично замотала голо вой, отчасти чтобы разубедить его, отчасти чтобы потереться лицом о его грудь.

– А я так переживал из-за этого.

– Вот видишь! Я об этом и говорила: ты ни в чем не должен себя винить. Мне бы хотелось вообще не связывать тебя. Сейчас такая важная веха в твоей жизни и карьере.

– Наш брак не повлиял на мою карьеру так, как повлиял на твою.

– Но я же сказала, что собиралась начать собственное дело.

– А я говорю, что наш брак только улучшил мою репутацию в обществе.

– Но из-за меня ты не можешь в полной мере воспользоваться плодами своего успеха. Я влезла в каждую ячейку твоей жизни. Если бы я оставила тебя в покое, тебе не пришлось бы разрывать отношения с Лизой.

– А как насчет твоих отношений с Гаем?

– Честно?

– Честно.

– Я не собиралась связывать с ним свою жизнь.

Риа хотела, чтобы Тейлор сказал то же самое о своих отношениях с Лизой, но он промолчал. Она попыталась заставить себя разомкнуть его объятия и не смогла. Так чудесно было ощущать себя, такую опустошенную этими несколькими днями, в сильных руках Тейлора. Риа блаженствовала от его близости и желала бы, чтобы близость эта длилась как можно дольше.

– Тейлор, а что ты сделал с книгами?

– Книгами о ребенке? – Угу.

– Убрал, чтобы ты их не видела. Подумал, что они могут расстроить тебя.

– И правда, расстроили бы. Спасибо. Откинувшись на спинку кровати, Тейлор гладил волосы Риа, раскладывая тяжелые темные пряди на своем животе.

– Предки у тебя замечательные.

– Правда?

– Да. Ты похожа на мать.

– Забыл, что я приемыш? Если и похожа немного, то это чистое совпадение.

– Я говорю не о физическом сходстве. О жестах, манере говорить – в этом смысле. И мне по-настоящему понравился твой отец.

– Он похож на твоего?

– Нет, не очень. Только возраст тот же. Риа бездумно пощипывала волосы на груди Тейлора.

– А ты ревнуешь к нему своих сводных брата и сестру?

– Нет. Они еще дети. Милые дети. Хорошие дети.

Риа подняла голову и взглянула на Тейлора.

– У тебя есть все основания для ревности. Если бы не они, отец уделял бы тебе больше внимания. – Машинально Риа провела кончиком пальца по губам Тейлора.

– Я знаю, что он любил мою мать, и знаю, что любит меня. И его новая семья нуждается в отце больше, чем я.

– Но?

– Но иногда я действительно ревную. Тейлор невесело засмеялся. – Думаешь, я псих?

– Абсолютно нормальный.

Как только Риа сообразила, что продолжает гладить губы Тейлора, она тут же отдернула палец. Тейлор смотрел на ее губы. Она почувствовала знакомое и желанное тепло, растекавшееся по всему телу, что свидетельствовало о выздоровлении, о нормальном функционировании организма. Впервые за эти дни Риа почувствовала жизнь и тепло. Очевидно, Тейлор тоже не смог выработать иммунитета. Он легко отстранил Риа.

– Лучше я дам тебе немного поспать. – Перекинув ноги через край кровати, Тейлор встал. – Спокойной ночи, Риа.

– Тейлор. – Риа потянулась и поймала мужа за руку.

Он взглянул на нее сверху вниз, и Риа смущенно отдернула руку.

– Я не смогу уснуть, зная, как неудобно тебе там, в гости-

ной, на диване. – Она опустила глаза, чтобы Тейлор не смог прочесть в них выражение, близкое к мольбе. – Я хотела сказать, что, если ты хочешь спать здесь, я не буду возражать.

– Здесь? В одной постели?

– Да. Ведь ничего не случится, да?

– Ничего. Абсолютно.

– Так чего мы будем доставлять друг другу неудобства?

О чем подумал, но чего не сказал вслух каждый из них, так это о том, что спать в такой близости было, пожалуй, не столько неудобно, сколько опасно. Но они не хотели отказываться от успокаивающей близости друг к другу.

– Ну-у-у, если ты уверена.

– Я уверена.

Риа легла на спину, натянула простыню до плеч и закрыла глаза. Затаив дыхание, она слушала, как мокрое полотенце мягко опустилось на ковер. Шорох простыни, вызванный обнаженным телом Тейлора, нырнувшего в постель, заставил ее сердце забиться сильнее. Мысль о теплой, покрытой нежными волосками коже под прохладной тонкой простыней прогнала сон и заставила Риа напрячься. Тело ее окаменело в страхе случайно задеть Тейлора. Когда он в темноте произнес ее имя, Риа почти подскочила.

– Что?

– Риа, мне очень жаль малыша.

Она почувствовала, как рука Тейлора ищет ее руку. Инстинктивно она протянула ладонь, и Тейлор крепко ее сжал.

– Я тоже, Тейлор. Очень жалею.

– Ты все еще думаешь о нем?

– Да.

– И я думаю. – После долгой паузы он робко предположил:

– Когда-нибудь, быть может, у тебя будет другой ребенок.

– Да, может быть. И у тебя тоже. – Да, возможно.

Особого энтузиазма или оптимизма в их голосах не слышалось. Но оба молча признали, что переносить свою печаль гораздо легче вместе, чем поодиночке, и потому их руки под простынями не разомкнулись.

– Риа?

– Гм-м-м.

Сонная Риа повернулась к мужу, который крепко прижал ее к себе. Тейлор потерся носом о ее лицо, потом поцеловал в губы. Риа любила эти первые полусонные утренние поцелуи, когда выросшая за ночь щетина на щеках Тейлора слегка царапала ей кожу. Она закинула руку на поясницу Тейлора. Ее губы были послушны его губам. Язык Тейлора проскользнул между ее губ. Риа вздохнула и легонько толкнула Тейлора в пах. Там было твердо и жарко.

Нащупывая ее грудь, Тейлор проворчал:

– С какой стати ты спала в ночнушке?

Он принялся расстегивать перламутровые пуговицы на рубашке. Полные груди Риа вывалились в его жаждущие ладони. Тейлор потискал груди, наслаждаясь тем, как их округ-

лая пухлость меняла свою форму под его руками. Его палец юркнул в ее лоно. Как обычно. Там было уже мокро.

– Тейлор...

– Гм-м-м?

– Ничего. Я произнесла твое имя, потому что мне очень приятно.

– Я ужасно хочу тебя, малышка, – простонал Тейлор.

Целуясь, Риа легкими толчками нижней части тела прикасалась к той же части тела Тейлора, потом принялась о нее тереться в естественном ритме. Открытые рты их полностью слились. Тейлор еще глубже продвинул свой язык в горячий, нежный ротик Риа.

Перевернувшись, Тейлор лег на Риа, и его губы принялись путешествовать по ее шее вниз, к грудям.

Он целовал их сквозь тонкую ткань, потом добрался наконец до голой кожи. Язык медленно массировал соски.

Когда Тейлор накрыл ее соски губами и принялся сосать, Риа затрепетала от наслаждения. Казалось, невидимая струна нерва, связывающего грудь с маткой, натянулась и настроилась на нужную высоту еще точнее, чем обычно. Лоно Риа жадно откликалось на каждое сосущее движение губ Тейлора.

Риа медленно открыла глаза, запустила пальцы в спутанные волосы Тейлора и раздвинула бедра. Тейлор расположился между ними.

Внезапно Риа полностью проснулась.

– Тейлор!

– Уже? О да, радость моя, да!

Тейлор взял в ладони лицо Риа и страстно ее поцеловал. Плоть его неистово прижималась к ее лону. Тейлор никогда не спал в трусах.

– Тейлор.

– Гм-м-м? – Он продолжал целовать Риа как сумасшедший. Бедра принялись совершать толчкообразные движения.

– Мы трахаемся.

– Боже! Да, я знаю.

Двумя руками Риа ухватила Тейлора за волосы и приподняла его голову. Он заморгал, просыпаясь. Когда до Тейлора дошла суть происходящего, он откатился на свою сторону кровати и в немом ужасе уставился на нее. С растрепанными волосами, в рубашке, задранной на талию и распахнутой на груди, так что видна была розовая спелая грудь, с соблазнительно припухшими губами, Риа походила на куртизанку викторианского романа – столь же желанную, сколь запретную.

Бросив взгляд вниз, на свой восставший фаллос, Тейлор пробормотал слова проклятия. Скотившись с кровати, он, спотыкаясь, бросился в ванную.

– На самом деле ничего не случилось. Ты еще спал. Я знаю, что ты не собирался этого делать, – стыдливо рассуждала Риа полчаса спустя, подавая Тейлору чашку кофе.

– Я не хочу об этом говорить. – Тейлор обжег язык и зло выругался.

– А я не хочу, чтобы ты думал, что я думаю, будто ты сделал это намеренно.

– Я не намеренно это делал.

– Как раз об этом я и говорю.

– А чего же ты тогда кричишь?

– Я не кричала, пока ты не начал кричать.

– Послушай, – заговорил Тейлор, рассекая ладонью воздух, – парень просыпается в собственной постели и рядом с ним голая девушка и...

– Я не была голой.

– Хорошо, почти голая девушка...

– И я никакая не девушка. Я твоя жена.

– В таком случае ты не можешь винить меня за то, что я обращаюсь с тобой, как с женой, так?

– Могу.

– С тобой совершенно бесполезно спорить, Риа. Я опаздываю. – Тейлор сорвал пиджак со спинки стула, подхватил портфель и вылетел вон. Не успела дверь захлопнуться, как Тейлор снова заглянул в комнату. – Не делай сегодня никаких глупостей типа восхождения на горные вершины. Успокойся.

Посуда на столе задрожала, когда Тейлор вторично хлопнул дверью.

Ему не было нужды предупреждать Риа не перегружать себя. Делать ей было нечего, в голову не приходило ни одного мало-мальски связного плана работы. Риа не связывала свое состояние с усталостью после выходных или же с выдыханием. В физическом отношении она чувствовала себя почти нормально.

Мысли Риа были заняты ее псевдобраком с Тейлором. Если сцены, подобные сегодняшней, будут продолжаться, они с Тейлором кончат тем, что поубивают друг друга или будут к этому готовы.

Без сомнения, Тейлор теперь согласится, что ей лучше от него уехать, а потом тихо развестись. Но он находился в плену своей политической карьеры. Газеты беспрерывно публиковали статьи о Тейлоре и о том, какие блага приносит городу его энергичное руководство. Удар по карьере Тейлора не пойдет ни в какое сравнение с ударом, полученным Риа.

Риа полюбила Тейлора. Жить с ним и сознавать, что их брак на пути к смерти, было для нее просто невыносимо. Вероятно, чтобы в душе снова воцарился мир, лучше поскорее закрыть эту главу ее жизни. Остаться – значит еще больше полюбить Тейлора или возненавидеть его за то, что он не испытывает этого чувства. И в том, и в другом случае перспектива достаточно мрачная.

Открыв для себя, что их характеры напрямую связаны с их либидо, Риа решила встретить Тейлора спокойно и холодно. Она даже выпила холодного пива, ожидая его в этот вечер

с работы. И как только Тейлор перешагнул порог, заявила:

– Тейлор, я решила уйти.

– Куда уйти?

– Домой. Я решила вернуться домой.

– Почему? – Он тоже открыл себе банку пива и нервно отхлебнул.

– Мой уход – всего лишь вопрос времени. Я не могу продолжать жить в тюрьме. Я хочу домой, в привычную обстановку, чтобы быстрее восстановиться после выкидыша. Поскольку я там работаю над планом гостиной, мне надо все собрать под одной крышей.

Тейлор выразил свое отношение к словам Риа одним кратким выразительным ругательством.

– Ты уходишь из-за того, что случилось утром, ведь так? –

Риа в упор смотрела на Тейлора. – Так?

– Если ты настаиваешь, да!

Повернувшись к Риа спиной, Тейлор, не отрываясь, осушил банку до дна. Он ругался тихо, почти про себя, но Риа все же расслышала и почувствовала, как по спине у нее забегали мурашки. Наконец Тейлор медленно повернулся:

– Риа, ты боишься меня?

Вопрос был настолько неожиданным, что Риа потребовалось время, чтобы переварить его. Она покачала головой:

– Нет, Тейлор.

– Я никогда тебя не обижу. Ты же это знаешь.

– Да. Я говорила тебе утром, что ты полуспал и не отдавал

себе отчета в том, что делал.

– Ты так говорила?

– Да, но не уверена, слышал ли ты меня. Тейлор поморщился.

– Придя на работу, я не мог точно вспомнить, о чем мы говорили, но был уверен, что вел себя как кобель.

– Ничего подобного. Ты просто не соображал, что делаешь. Так же, как и я.

– Я хотел быть с тобой прошлой ночью для тебя – не для себя.

– Я знаю.

– И ты не думаешь, что я решил перехитрить тебя?

– Нет. Я сама попросила тебя остаться. Я этого хотела. – Риа хлопнула в ладоши и нервно облизнула губы. – Но выясняется, что мы не можем быть просто друзьями, Тейлор. Слишком сильно сексуальное влечение между нами. Оно вносит напряжение в наши отношения. Если я сейчас останусь в твоём доме, мы кончим тем, что будем постоянно бороться, как сегодня утром. А я этого не хочу. Думаю, ты тоже. Будет лучше, если я уеду сегодня вечером.

– Не уезжай. – Голос и взгляд Тейлора были неотразимы.

Риа почувствовала, что тонет в его глазах, словно осенний лист в речном водовороте.

– Я должна, Тейлор.

– То обстоятельство, что ты потеряла ребенка, вовсе не означает, что я могу умыть руки. Я чуть с ума не сошел от

злости, когда ты оплатила больничный счет. Я хотел сделать это сам. Это моя обязанность. Я твой законный муж, и не важно, что происходит у нас в постели. Я хочу ухаживать за тобой, пока не удостоверюсь, что ты поправилась физически и морально.

Риа всхлипнула и закрыла лицо руками. Слова Тейлора были замечательны, но то, что за ними стояло, вовсе не соответствовало истине. Риа любила Тейлора за его заботу, но она была продиктована не любовью, а чувством ответственности.

– Я не знаю, что делать.

– Если ты останешься, клянусь, я не прикаснусь к тебе. Ни единым, даже чисто дружеским жестом. – Риа медленно подняла глаза и бросила скептический взгляд на мужа. – Правда. Что я, мальчишка? – спросил он сам себя вслух.

Несчастливая Риа колебалась между собственным желанием и тем, что – она понимала – было наилучшим выходом для нее. Она слишком любила, чтобы остаться, и слишком любила, чтобы уйти. И если Тейлор смотрит на нее с такой очевидной мольбой во взгляде, как она может уйти? Но что же ей делать, ведь потом уйти будет еще труднее?

Риа не обманывала себя надеждой на то, что Тейлор любит ее или в конце концов полюбит. Если бы существовал хоть один шанс, Тейлор нашел бы ее после Рождества. За время, что они прожили вместе, у него была масса возможностей открыто сказать о своей любви: в минуты страсти,

в постели; в блаженном отдыхе после занятий любовью. Но единственным проявлением чувств были взгляды глаза в глаза да особые улыбки, которыми они обменивались.

Тейлор утверждал, что обожает и уважает Риа, благоговет перед ней за то, что она зачала от него ребенка, и питает к ней страсть. Но он не любит ее. Сознание, что Тейлор может быть таким толстокожим и нечувствительным к ее любви, делало Риа не только несчастной, но и заставляло злиться на него.

– Что ты предлагаешь? – спросила она мужа. – Чтобы мы жили вместе и продолжали оказывать друг другу сексуальные услуги до тех пор, пока тебя это будет устраивать?

Колючие нотки в голосе Риа заставили Тейлора машинально занять оборонительную позицию.

– Нет, – сказал он столь же резко. – Я предлагаю компромисс: ты останешься, но отношения между нами будут чисто платоническими. Спать раздельно. И все.

– Мы уже пытались. Это не срабатывает.

– В этот раз сработает. Убежденность Риа поколебалась.

– Один из нас будет спать на кушетке.

– Я. По моей вине мы вынуждены принимать меры безопасности. Я настаиваю на этом.

– Если я останусь, то требую, чтобы мы спали на кушетке по очереди.

– Слушай, – сварливо заметил Тейлор, – позволь мне проявить свое рыцарство и предложить леди постель. Идет?

– Ах, ладно, идет. Сколько все это будет продолжаться?
До твоей присяги?

– Точно. В середине мая.

– Шесть недель, – подсчитали они в один голос.

Первой заметила совпадение Риа.

– А что случится, если я закрою больничный лист до присяги?

– Ты сама решишь.

– Ничего не случится, – подняла подбородок Риа. – Договор останется в силе.

– Я дал слово чести. А как насчет тебя? – протянул Тейлор.

– Да, – закипая ответила Риа.

– Отлично. Заметано. Можем поздравить друг друга с тем, что достигли соглашения в спокойной, цивилизованной обстановке. Как только наши обязательства друг перед другом будут исполнены, мы разъезжаемся и живем по собственному усмотрению. По рукам?

Тейлор протянул Риа руку.

Условия договора были никуда не годные, но Риа пожала руку мужа.

Глава 8

– Что ты об этом думаешь? – спросила Риа мужа через плечо.

– Ты гений.

– Ты мог бы быть хоть чуть оригинальнее? Я уже слышала от тебя этот комплимент в вечер нашей встречи.

– В самом деле?

– Что-то в этом роде. Ты сказал, что я красотка, умница, обладаю чувством юмора и собственной шубой.

– И еще у тебя здоровые зубы. Улыбнувшись тому, что Тейлор помнит то же, что и она, Риа свернула чертеж, и положила его в шкаф. Она работала в собственном офисе всего лишь две недели и потому старалась содержать здесь все в идеальном порядке. К сожалению, в последнее время это не всегда удавалось. Риа и не думала, что на нее навалится столько дел, что некогда будет следить за тем, чтобы все вещи лежали на своих местах.

Комплект чертежей дома, что Риа показывала в тот вечер Тейлору, был ее первым заказом. Риа запросила за него внушительную сумму и получила ее. Деньги эти должны были пополнить ее постоянно уменьшающийся банковский счет. Она решительно придерживалась принципа разделения семейных доходов. Тейлор предложил Риа поддержку в виде перевода денег на развитие собственного дела, но она отказа-

лась принять его финансовую помощь. Поскольку их шаткий брак существовал нормально во всех прочих сферах, Риа не могла не заботиться и об этом предмете.

Выключив свет и закрыв офис, они спустились по ступенькам и сели в «корвет».

– Проголодалась? – спросил Тейлор. Несколько часов назад он завез Риа в офис, и, пока она жгла электричество, работая над чертежами, Маккензи сжигал свои калории в спортивном клубе.

– Нет, только устала. Спать хочу.

– Да, я тоже.

Они мельком взглянули друг на друга и тут же отвели глаза. Прошел почти месяц со дня выхода Риа из больницы, почти месяц после того, как она согласилась жить с Тейлором в платоническом браке. Они делали все для того, чтобы не раскачивать семейную лодку, поддерживая отношения вежливые и, учтивые. Каждый мог являться образцом товарища по комнате, по-братски делясь обязанностями по приготовлению пищи и уборке дома, планами, шутками, телепрограммами и зубной пастой. Они делили между собой все. За исключением постели.

– Трудный денек? – поинтересовалась Риа, предусмотрительно избегая тем, которые могли бы привести к рассуждениям о сексе или о недостатке оного. Они обменивались щетками для волос, но никогда даже косвенными намеками на секс. Упоминание сексуальных терминов оставалось под

запретом. И именно поэтому они постоянно занимали умы четы Маккензи.

– Не труднее обычного. Бликер вылил потоки грязи по поводу моей посещаемости заседаний городского совета. Но у него ничего не получилось, поскольку в неделю своего отсутствия я болел гриппом.

– До чего язвительный пораженец.

Тейлор улыбнулся, но поддерживать разговор не стал. Теперь Риа очень тонко разбиралась в настроении Тейлора и поняла, что сейчас он находится в задумчивости. Что-то занимало мысли Маккензи, и Риа не стала отвлекать мужа пустой болтовней.

Приехав домой, Риа извинилась и отправилась в ванную комнату переодеться. Последнее время Тейлор спал в кабинете на новом мягком диване, специально им приобретенном. Риа предложила Тейлору вернуться в его собственную спальню или хотя бы спать в кабинете по очереди, но Маккензи в этом вопросе был столь же тверд и стоек, сколь решительна была Риа в своем стремлении к финансовой независимости.

Каждый вечер Риа оставалась в спальне одна. Сегодня не было каких-либо отклонений от заведенного порядка, за исключением того, что Тейлор, выйдя из душа, не отправился сразу же в кабинет, пожелав жене спокойной ночи.

– Вместо этого он в одних шортах нерешительно направился к постели. Увидев его движение, Риа почувствовала,

как у нее пересохло во рту. Рассеянное освещение создавало эротическую игру света и тени на теле Тейлора. Риа частенько задавалась вопросом, не сам ли Господь насадил на теле Маккензи такую соблазнительную растительность. Вид ее был великолепен. Не могла бы ты немного растереть меня? – спросил Тейлор, протягивая Риа тюбик с мазью.

– Конечно, – тихо ответила она, пытаясь ничем не выдать пронзившего ее желания. Тейлор отдал ей тюбик и, отвернувшись, присел на краешек кровати. – Где?

– А есть из чего выбирать? – нарушая их правило не проносить никаких косвенных намеков, Тейлор стрельнул в жену игривым взглядом из-за обнаженного плеча.

– Да, – столь же игриво подмигнула Риа, – только дважды подумай, прежде чем предложишь. Эта дрянь с ментолом.

Тейлор поморщился.

– В таком случае лучше втереть ее в плечо. Рассмеявшись, Риа выдавила на ладонь кружок мази, встала за спиной Тейлора на колени и прислонила руку к его плечу.

– Здесь?

– Немного пра... А-а-ах, вот здесь. Самое оно.

«Оно, самое оно, Тейлор. До чего же ты крепок. До чего же хорош».

«Самое оно. Не останавливайся».

«Я и не собираюсь».

Руки Риа дрожали, когда она выдавливала из тюбика очередную порцию мази. Колени ее упирались в твердые ягоди-

цы Тейлора. Кожа его, лоснящаяся и упругая, загорела, поскольку он каждую субботу работал в саду в одних шортах. Риа мучилась желанием, успокоить свои руки на этих тренированных мускулах всякий раз (то есть очень часто), когда украдкой наблюдала в окно за работающим Тейлором. Теперь она могла позволить себе прижаться раздвинутыми бедрами к бокам Тейлора. Натирая его спину, Риа то и дело прикасалась к ней кончиками груди, которые в результате этого процесса налились и затвердели.

– Ты потянул мышцу?

Массаж, призванный произвести расслабляющее действие, оказал на Тейлора совершенно противоположный эффект. Дыхание его стало прерывистым, а мускулы все более напрягались, а не расслаблялись.

– Просто нужно. Устал после тренировки.

– Слишком резко толкал?

«Слишком резко? Я толкал слишком резко? Нет, нет, нет». – Да, елки зеленые, я пытаюсь вымотаться в спортзале, чтобы, придя домой, не хотеть...

Риа резко отдернула руки, точно обожглась о кожу Тейлора. Закусив губу, она дождалась, пока успокоится дыхание. Потом попыталась возобновить массирующие движения.

– Тейлор? Он кашлянул.

– Гм-м-м?

– Ты мог бы пойти к кому-нибудь еще.

– Что? – повернул голову Тейлор.

Риа и не подозревала, как трудно будет подобрать слова, которые она наконец произнесла.

– Я не требую, чтобы ты был верен мне.

– А откуда ты знаешь, что был?

Вопрос изумил Риа и оглушил, словно удар дубины по голове.

– Я... я не знаю... А что, не был?

– Посмотри на меня, думаю, сама поймешь, – прорычал Тейлор.

Риа подавила разлившуюся в груди волну счастья и попыталась проанализировать ситуацию с мужской точки зрения.

– Я бы поняла тебя, если бы ты пошел к другой женщине.

– И переспал с ней?

Риа опустила взгляд и кивнула.

– Это не так просто, – спокойно заверил Тейлор.

– Обычное дело.

– Если бы я не был женат.

– А ты сейчас и не женат. В буквальном смысле.

– Но ведь это наш маленький секрет, а?

– Уверена, что полно женщин, которым безразлично, женат ты или нет.

– Я тоже в этом уверен. Но берегусь.

– Ах да, конечно, из-за своего положения в обществе.

Тейлор вскочил с постели, выхватил из рук Риа тюбик и, бросив короткое «спасибо», не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Пять минут спустя Риа стояла на пороге кабинета Тейлора. Он лежал на спине по диагонали дивана, чтобы уместить на нем свое длинное тело. Одну руку Тейлор закинул за голову, другая покоилась на груди. При виде Риа мускулы на его скулах напряглись, но сам он не шевельнулся.

– Можно войти?

– Зачем?

– Извиниться.

Тейлор безразлично пожал плечами. Риа пришлось скрыть улыбку. Тейлор на нее дулся. Она босиком прошла в комнату и присела на краешек дивана. Этот диван был «лучший, какой можно купить за деньги», но это еще ни о чем не говорило.

– Я не хотела разозлить тебя.

Все равно что борзую спустили с привязи. Тейлор взорвался:

– Риа, я не могу вот так просто выйти на улицу и пригласить первую попавшуюся женщину переспать со мной.

Ее опыт говорил об обратном, но сейчас был совершенно неподходящий момент для подобной ремарки.

– Трудно болтаться по клубам и снимать женщин, когда ты женат, мэр и все в городе знают тебя в лицо.

– Не помню, чтобы предлагала тебе «болтаться по клубам». Я подумала, что, может быть, у тебя есть кто-нибудь, к кому ты мог пойти, кто понял бы и принял тебя. – Риа выждала несколько ударов сердца и тихо добавила: – Лиза, на-

пример.

– Она испытала лишь легкое раздражение, узнав о моем браке, – иронически засмеялся Тейлор. – Лиза со мной не разговаривает.

– Ты с ней виделся? – с трудом произнесла Риа.

– Мы периодически сталкиваемся – то здесь, то там.

Ну почему Риа не усвоить урок Пандоры и не держать ящик закрытым, говоря на такие темы? Гадкий сюрприз выскочил из ящика, чтобы дразнить ее. Судя по всему, Тейлор уже склонялся к тому, чтобы возобновить отношения с Лизой Бартон. Только Лиза была к тому не расположена.

– Ладно, как бы там ни было прошу прощения, что затронула эту тему, – мягко сказала Риа, чувствуя сердечную боль. – Не думала, что она тебя расстроит.

Взгляд пары голубых глаз пронзил Риа до кончиков пальцев.

– Ты затрагиваешь эту тему вот уже месяц, я она постоянно расстраивает меня. – Сердитые слова, слетая с губ Тейлора, звучали поцелуями. – Причина, по которой я не иду к другой женщине, в том, что мне не нужна другая женщина.

Риа склонила голову и закрыла глаза, изо всех сил удерживаясь от желания склониться над Тейлором и, прильнув губами к его губам, почувствовать их вкус. Тейлор придерживался их соглашения, и она не должна его провоцировать.

Увидев, что Риа намерена держать слово, Тейлор пожелал ей спокойной ночи и потянулся рукой к выключателю ноч-

ника.

– Нет, подожди, Тейлор. Сегодня твои мысли заняты еще чем-то, ведь так? – Если она не может быть настоящей женой, то вполне способна хотя бы выслушать мужа. – Я настолько была занята проектом своего дома, что не обратила внимания на твое настроение раньше. Ты не хочешь со мной поговорить?

– Нет. Даже поднимать эту тему не желаю. Тейлор устал в потолок, но Риа ждала, когда он продолжит. Наконец он перевел взгляд на жену.

– Мы, как супружеская пара, приглашены на официальное открытие. Мне сказали, что по единодушному решению комитета мы избраны почетными гостями, прекрасно подходящими к случаю, поскольку молоды и только что поженились.

– И что же комитет приглашает нас официально открыть?

– Новый корпус пресвитерианского госпиталя. Внутри Риа все затрепетало:

– О-о-о!

– А ты знаешь назначение нового корпуса?

– Родильное отделение. Новорожденные.

– Да, новорожденные. Куча медсестер. Новоиспеченные папаши со слабоумными улыбками и ведущие себя как слабоумные. Бабушки и дедушки, посылающие в окна воздушные поцелуи.

– Мамаши с грудями, полными молока, – в тон ему добавила Риа, уставившись в пространство.

Тейлор погладил жену по щеке. Рука его скользнула вниз, к шее, и накрыла грудь под ночной рубашкой.

– Прости, Риа, но я не хотел говорить тебе об этом. Я боялся, что ты посмотришь на все иначе.

– Мы ведь пойдем, да?

– Нет.

– Что ты им сказал?

– Отговорился. Сказал, что должен справиться с твоими планами и сообщу решение позже.

– Когда открытие?

– Послезавтра. Комитет не оставил нам времени на более изящный отказ. – Тейлор горько засмеялся. – Но сами виноваты.

– Тейлор, мы должны пойти. Даже если бы не были молодоженами. Ты мэр. Естественно, мы должны присутствовать на открытии.

Тейлор упрямо покачал головой.

– Страшно не хочу подводить их, но я отказываюсь подвергать тебя... нас такому испытанию.

– Никто не знает о нашем потерянном ребенке. Я была в другой больнице. Они найдут твой отказ странным.

– Плевать. Я слуга общества, но не раб.

– В обществе было столько разговоров об этом строительстве! Уверена, что на открытии будет полно журналистов. Ты должен быть там. И я, как твоя жена, тоже должна пойти.

– Нет, Риа.

Риа накрыла руку Тейлора, которую он все еще держал на ее груди.

– Да. Ты должен представлять городской совет.

– Черт с ним, с советом.

– Не говори так.

– Буду говорить, если управлять им значит еще и то, что я обязан повсюду разрезать эти гребаные ленточки.

– Для меня это будет хорошая терапия. Что-то того, как снова сесть на лошадь, которая только что тебя сбросила.

– Ты уверена? – Тейлор испытующе посмотрел на Риа.

– Уверена.

Они долго молча смотрели друг на друга, понимая, что рано или поздно должны будут «вспомнить», что Тейлор продолжает ласкать грудь Риа, но оба, очевидно, предпочитали, чтобы это произошло «поздно».

Наконец низким, дрожащим голосом Тейлор выдавил:

– Ты выглядишь вполне здоровой.

– Знаю.

– Риа, я видел прокладки в мусорной корзине. Она намеренно оставляла в корзине прокладки, чтобы Тейлор мог их видеть. Не нарушая запрета, наложенного на известную тему, Риа тем самым давала понять Тейлору, что выздоровление ее идет как по нотам.

– Все в порядке?

– Да, – чуть хрипло ответила она. – И с месячными тоже.

– Хорошо.

Руки Тейлора продолжали легкий массаж. Наконец, приподнявшись на локте, Тейлор горячими губами поцеловал грудь Риа.

- Теперь тебе лучше пойти спать, Риа. Спокойной ночи.
- Спокойной ночи.

Словно сомнамбула Риа вышла из комнаты.

Это выглядело как одевание на похороны. Риа хотела выглядеть наилучшим образом, хотя и не могла понять, почему это имеет для нее значение. Первое платье, которое она примерила, было черным. Риа изменила решение и выбрала красное, но к нему все же – черную широкополую соломенную шляпу.

Тейлор, ожидавший Риа в гостиной, даже присвистнул.

– Ты выглядишь фантастически.

– Спасибо. А шляпа – это не слишком?

– Великолепно. И ты знаешь, как я неравнодушен к твоему жемчужному ожерелью.

Тут же это невинное замечание напомнило обоим о той не слишком невинной ночи, когда Риа встретила Тейлора в постели, имея лишь приветливую улыбку на лице и жемчужное ожерелье на шее.

Чтобы замаять возникшую неловкость, Риа повернулась и взялась за сумочку. Тейлор принялся спешно искать ключи от машины. В пути они предпринимали несколько попыток наладить беспечный разговор, но были слишком возбужде-

ны, чтобы рассуждать логически, и потому большую часть дороги промолчали.

Остановившись у госпиталя, Тейлор, не выходя из автомобиля, сжал руку жены.

– Еще не поздно вернуться. Я позвоню и скажу, что заболел.

– Не болтай глупости. По правде говоря, у Риа и в самом деле разболелся живот.

– Или я могу пойти один.

Риа покачала головой и неуверенно улыбнулась Тейлору:

– Это часть моих обязанностей как жены мэра. Пошли.

Они представляли собой картинно-красивую пару, направляясь в просторный мраморный вестибюль нового родильного центра. Риа была на голову ниже мужа. Физически они идеально подходили друг другу: оба темноволосые, у него – живые голубые глаза, у нее – зеленые. Тейлор был одет в темно-серый, легкий, не по сезону, костюм. Риа словно шагнула с обложки «Вога». Приветствовавшая чету Маккензи толпа была поражена.

Для фоторепортеров это был плодотворный день: они принялись, слепя вспышками, снимать Тейлора и Риа с руководством госпиталя, высшими чиновниками города и уважаемыми гостями. Делия Стар тоже входила в число журналистов, освещавших событие. Только она знала, какие моральные мучения должны испытывать Маккензи, и приветствовала их ободряющим взмахом руки.

Официальным лицом на торжествах был Тейлор, но огромные золотые ножницы вручили Риа, и она перерезала ими плетеную, розово-голубую ленту. Как только Риа сделала это, все зааплодировали.

– Если вы позволите, миссис Маккензи и уважаемый мэр, мы хотели бы сфотографировать вас с первой роженицей в новом отделении.

Риа и Тейлор любезно согласились. Их повели по длинному коридору. Тейлор взял Риа под локоть.

– Черт возьми, я так горжусь тобой. Ты покорила абсолютно всех. Ты прекрасна. – Он нырнул головой под широкие поля ее шляпы и прошептал: – Я понимаю, как это больно для тебя.

– Я не имею права плакать, – горячо призналась Риа, – но вся эта затея с новорожденным...

– Знаю. Крепись, дорогая. Всего несколько снимков, и я немедленно увезу тебя отсюда.

Удостоенной высокой чести новоиспеченной мамаше было едва за двадцать, и вчера она родила первого в своей жизни ребенка. Женщина успела привести себя в порядок перед приходом фотографов и теперь лежала, откинувшись на подушки, и счастливо улыбалась. Она страшно покраснела, когда Тейлор пожал ей руку и, казалось, испугалась великолепия Риа. Муж роженицы, такой же молоденький, как и жена, стоял у постели и гордо ухмылялся.

К моменту, когда фоторепортеры закончили съемку, Мо-

лодая мама наконец преодолела свою застенчивость.

– А у вас есть дети? – спросила она Риа.

– Нет. – Риа нащупала руку Тейлора. – Мы женаты всего пару месяцев.

Тейлор не только ответил на пожатие Риа, но и обнял ее за талию.

– Собираемся. Скоро.

– От всего сердца советую, – сказала молодая женщина и обменялась улыбкой с мужем. – Это бесподобно. Вы еще не видели Дженнифер?

– Дженнифер? – слабеющим голосом переспросила Риа.

– Так мы назвали дочь.

– А-а-а, нет, мы... мы еще не видели палату новорожденных.

«Слава Богу», – добавила про себя Риа.

Но тут же к ним подскочил один из сотрудников госпиталя:

– Там наша следующая остановка. Прошу всех сюда. Мы намерены показать мэру и миссис Маккензи палату новорожденных. В технологическом отношении это просто произведение искусства. Предпринимаемые нами шаги... – Перескакивая с предмета на предмет, он продолжал рассказывать о новом отделении госпиталя, шагая рядом с Риа; с другой стороны шел Тейлор, поддерживая ослабевшую жену.

– Прошу прощения, мы только на минутку.

Остановив процессию, Тейлор отвел Риа в сторону и вни-

мательно на нее посмотрел.

– Позволь мне принести им извинения.

– Нет, ты не можешь, – прошептала Риа, сжимая руку мужа. – Я в порядке.

– Ты бледнее привидения.

– Флуоресцентное освещение не улучшает цвет лица.

– Не шути со мной, Риа. Я хочу увезти тебя отсюда. Прямо сейчас.

– Нет, прошу тебя.

– Что-нибудь не так? – поинтересовался с почтительного расстояния главный врач госпиталя.

– Нет-нет. – Риа одарила медика ослепительной улыбкой. – Просто Тейлор просит напомнить, чтобы он послал букет цветов молодой маме и Дженнифер. – Риа взглянула на Тейлора, ища поддержки в своей лжи.

Хозяева торжеств облегченно вздохнули.

– Какая заботливость, – пробормотал кто-то из них.

– Это одна из причин, почему я вышла за него замуж, – сообщила Риа, подхватывая Тейлора под руку.

Он накрыл похолодевшие пальцы жены своей горячей ладонью. Только Тейлор знал, что Риа ухватила за его руку для поддержки, а вовсе не от восхищения. Когда они подошли к палате новорожденных, Тейлор почувствовал, что рука Риа еще крепче сжимает его руку. Он пытался прислушаться к информации, которую ему сообщал сопровождающий их врач, но его мысли были настолько заняты Риа, что

до него не доходила ни одна цифра.

Через стеклянную перегородку они увидели, как медсестра подняла из кровати плачущего младенца.

– Это Дженнифер. Наша первая малышка, – сообщили Риа и Тейлору.

– Могу я поддержать ее?

Произнесенный едва слышно вопрос заставил примолкнуть группу сопровождающих. Он парализовал молчанием даже журналистов, которые вели себя как плохо воспитанные дети в церкви. У Тейлора был вид, словно он только что проглотил яйцо целиком.

– Эй, это же будет потрясающий кадр, – завопил один из фотографов, и его дружно поддержали братья по цеху.

Коротко посоветовавшись, руководство разрешило Риа войти в палату. Тейлор почувствовал себя в роли посетителя в тюрьме, отделенного от любимой стеклянной перегородкой. Он видел Риа, но не мог до нее дотронуться, не мог облегчить ее страдания; и это было ужасно. Риа сама обрекла себя на пытку, пытаясь исцелиться или же заняться самоистязанием. И Тейлор ничем не мог ей помочь.

Риа улыбнулась медсестре и протянула руки, чтобы принять у нее извивающуюся и пищущую новорожденную. Опускаясь в кресло на колесиках, Риа держала ребенка гораздо осторожнее, чем это делала сестра.

Фотокамеры вокруг Тейлора беспрерывно щелкали и сверкали вспышками, но он ничего не замечал. Со всех сто-

рон сыпались комментарии и вопросы, но он их не слышал. Внимание Тейлора было сосредоточено исключительно на жене: прелестная рука с обручальным кольцом заботливо поддерживала головку младенца.

– Ваша жена – очень мужественная женщина. Узнав голос Делии Стар, Тейлор кивнул.

– Да, черт возьми, очень, – подтвердил он с гордостью.

Тейлор вспомнил, как соблазнительно и в то же время решительно выглядела Риа в тот день, когда пришла к нему в офис сообщить что носит его, Тейлора, ребенка. Сейчас Риа выглядела не менее восхитительно, но он-то знал, чего ей это стоит. Тейлор в жизни не встречал такой стойкой женщины. Риа смотрела на лицо ребенка. Наблюдая за движением ее губ, Тейлор мог поклясться, что его жена чуть слышно что-то напевает малышке. Девочка успокоилась и перестала плакать. Улыбка Риа перешла в мягкий, довольный смех. Тейлор не мог его слышать, но чувствовал всем своим нутром.

Риа что-то говорила медсестре, но при этом ни на минуту не отрывала глаз от младенца. Не разворачивая розового фланелевого одеяльца, Риа ощупывала ручки и ножки ребенка. Измерила ладонью крошечную ножку. Провела пальцем по щеке девочки.

Прежде чем вернуть ребенка медсестре, Риа отвернула один пальчик и поцеловала малышку в ладошку.

Только приехав домой, Риа заплакала. Из госпиталя Тей-

лор направился прямо домой, несмотря на то что еще не было полудня. Риа улыбалась в объективы фотокамер, поздравляла врачей с новым зданием, перед отъездом всем пожала руки. Но уже по дороге домой сидела в машине неестественно прямо и не проронила ни слова.

Они вошли в парадные двери, и Риа поставила сумочку на стол в прихожей, туда же бросил ключи Тейлор. Подойдя к жене, он притянул ее к себе. Риа не сопротивлялась.

– Держи меня, пожалуйста.

– Тебе не нужно просить об этом.

И только тут Риа дала волю слезам. Тейлор сбросил ее шляпу на пол, расстегнул заколку, распустил тяжелые, густые волосы и, запустив в них пальцы, крепко прижал голову Риа к своей груди. Тело ее сотрясали рыдания. Она вцепилась руками в лацканы пиджака Тейлора, и его рубашка сразу промокла от ее слез.

Когда Риа немного притихла, Тейлор подхватил ее на руки и отнес в спальню. Поставив жену рядом с постелью, Тейлор повернул ее спиной к себе, расстегнул молнию и спустил платье, через которое Риа переступила, оставшись в одной шелковой рубашке, отделанной кружевами.

Обращаясь с Риа как с ребенком, Тейлор опять повернул ее к себе лицом и, положив руки ей на плечи, принудил сесть на кровать. Опустившись на колени, он снял с жены туфли на высоких каблуках и отставил их в сторону.

Оставив Риа сидеть на кровати, Тейлор снял с себя пи-

джак, жилет и рубашку. Сбросив ботинки, он стянул носки, оставшись в одних брюках, лег на кровать и притянул к себе жену.

Она легла щекой на грудь Тейлора, заботливо обнявшего жену и уткнувшего свой подбородок в ее макушку.

– Расскажи мне все.

– Она была прекрасна, – прошептала Риа.

– Новорожденный не может быть прекрасен.

Риа не обиделась, потому что знала, что Тейлор шутит.

– А она была.

– Просто удивительно, до чего же она маленькая.

– Крохотуля. Ты вряд ли видел ее пальчики на ногах, но они невероятно маленькие. А пальчики на руках вообще прозрачные.

Тейлор поднес к губам руку Риа и поцеловал пальцы.

– А что ты чувствовала, когда прикасалась к ней?

– Кожа у нее очень мягкая. – Риа сдвинула брови, припоминая. – Но сухая, шелушащаяся и в пятнышках. Я спросила у медсестры, но она сказала, что так бывает у всех новорожденных. Девять месяцев они провели в воде, и потому у них неделю или около того после рождения сухая кожа, которая зачастую шелушится.

– Я этого не знал. А что еще?

– Сердечко у нее бьется очень часто. Это можно даже видеть на грудке и на головке. Тельце очень теплое. Вот почему они не закутывают малышей в одеяла. Их организм выделяет

гораздо больше тепла, чем наш.

В этом заявлении Тейлор усомнился. В данную минуту тело ни одного человека на земле не вырабатывало столько тепла, сколько тело Тейлора. Побуждения Маккензи были самыми благородными, но, обнимая Риа, он ничего не мог поделать с охватившим его полным и неконтролируемым чувством.

Серовато-бежевый шелк комбинаций обтекал каждый изгиб женского тела, четко очерчивая грудь, талию и бедра. Грудь Риа, полные и упругие, покоились на груди Тейлора, вываливаясь из тесных чашечек лифа. В какой-то момент розово-коричневые кружки сосков мелькнули перед глазами Тейлора, и он очень надеялся, что видение не повторится. Потому что у него возникло болезненное желание помять их, почувствовать их вкус.

У Тейлора мутилось в голове от попыток рассудком погасить растущее желание и не видеть возникающие в воображении образы. Под облегающей комбинацией Тейлор видел линию пояса для чулок. Там, где кончались чулки, Тейлор знал, бедра Риа были гладкими и мягкими. Они образовывали атласную дорожку, ведущую к сладкой темной загадке женского начала.

Риа, очевидно, насторожила растущая эрекция Тейлора. Она попыталась приподняться, но он удержал ее на месте.

– Мне нужно переодеться и идти на работу.

Если бы голос Риа звучал уверенно, Тейлор, быть может,

и отпустил бы ее, но неуверенный протест показал ему, что на самом деле Риа не хочет никуда идти.

– Как мэр этого города, данной мне властью объявляю сегодняшний день нерабочим.

– И что дальше?

– То.

– Что «то»? Идти по следам ребенка, которого никогда не было?

– Это уже в зависимости от твоего желания. Но до похорон тебе еще далеко.

Риа положила руку на грудь Тейлора. Большой и указательный пальцы непроизвольно стиснули его сосок.

– Я нелепая эгоцентристка, да, Тейлор? Каждый день по всему миру у тысяч женщин случаются выкидыши.

– И каждая переживает то же, что чувствуешь ты, если она хотела этого ребенка.

– И если она хотела мужчину, который стал отцом этого ребенка. – Риа подняла голову и заглянула в лицо Тейлору. – Большинство мужчин в твоём положении умыли бы руки, когда я потеряла малыша.

– Только не я, Риа.

– Но это же сняло тебя с крючка.

– Никогда не чувствовал себя пойманным на крючок. Я тоже хотел ребенка.

В глазах Риа снова заблестели слезы. Она прикусила нижнюю губу.

– Правда хотел?

– Очень сильно.

– Интересно, а это был мальчик или девочка, как крошка Дженнифер?

– Не надо.

– Кого мы потеряли: прима-балерину или олимпийского чемпиона, политика или ученого, может, художника?

– Не надо, не надо, не надо. – Тейлор перевернул Риа на спину и склонился над ней. – Мы с ума сойдем, если будем думать об этом. – Тейлор слизал слезы со щек и губ жены. – И еще я сойду с ума, если не поцелую тебя.

Поначалу это был невинный поцелуй. Губы Тейлора легко коснулись губ Риа. Они почувствовали дыхание друг друга. Потом его губы разомкнулись и проглотили губы Риа в страстном, исполненном желания поцелуе. Язык его, твердый и агрессивный, действовал стремительно и жадно.

Риа запустила руки в густые волосы мужа и застонала.

– Тейлор, Тейлор, целуй меня, пока боль не пройдет.

– Где болит?

– Везде.

Тейлор покрыл ее мокрые от слез щеки беспорядочными поцелуями, снова и снова возвращаясь к губам. Спустив с ее плеч бретельки комбинации, он зарылся лицом в благоухающую бархатную ложбинку между грудей Риа. Он целовал ее груди, крепко прижимаясь губами к податливой плоти, лаская кончики сосков языком.

Спустившись вниз, сквозь нежную ткань Тейлор потерялся носом о теплую кожу, приподняв край комбинации, приник лицом к животу, легко, едва касаясь, поцеловал пупок, потом настойчиво и агрессивно прошелся по нему языком.

– О-о-о, Тейлор, прекрати, я начинаю...

– Что?

– Мокреть.

– Прекрасно.

– Но по доброй воле заходить так далеко и... Тейлор сунул руку в трусики Риа и протиснул ее между ног.

– Пусти все на самотек.

Риа запротестовала. Соблазнитель прикоснулся ладонью к ее плоти. Почувствовав сладкую свободу выпущенного на волю желания, одуревшая от поцелуев, Риа последовала указаниям, которые ей нашептывал Тейлор.

Когда же волны освобождения хлынули в ее лоно, губы Тейлора были уже там, принимая эти потоки, лаская пульсирующую плоть.

Несколько минут спустя, когда тело ее еще пылало, а дыхание никак не могло успокоиться, Риа почувствовала, что Тейлор встал с кровати. Она открыла глаза и ласково произнесла имя мужа.

– Я недалеко. – Тейлор наклонился к Риа и убрал пряди волос с ее груди и плеч. – Я сейчас вернусь.

Покачав головой, она села и подползла к краю постели. Обхватив руками узкую талию Тейлора, прижалась щекой к

обнаженному животу и поцеловала его. Потом еще, более настойчиво.

– Риа, – простонал Тейлор.

Она соблазнительно расстегнула ремень на его брюках.

Глава 9

Резко нажав на педаль тормоза, Риа остановилась и распахнула дверцу машины. Выходя из автомобиля, она уронила сумочку, та раскрылась, и все содержимое вывалилось на тротуар. Шепча проклятия, которые редко можно услышать из дамских уст, Риа сгребла все обратно в сумку и торопливо убежала с черного хода в дом. Там разрывался телефон.

– Аллю?

– Привет, – зазвучал в трубке голос Тейлора. – Ты вроде запыхалась.

– Только что вошла.

– А я рассчитывал, что в это время ты уже будешь у меня.

– Я тоже так думала. Но задержалась.

Риа предполагала быть в офисе Тейлора еще пятнадцать минут назад. Он, должно быть, страшно злится сейчас, но это сразу же пройдет, как только Тейлор узнает, где она была и почему задержалась.

– Мне нужно всего лишь полчаса, чтобы переодеться.

– Риа, в этом случае мы опоздаем. Она соображала не более минуты.

– Поезжай один, встретимся прямо там.

– Ужасно не хочется, но, видно, придется.

– Без тебя они не смогут начать и будут беситься, если ты опоздаешь. Присоединюсь к тебе в гостинице.

– Там прием с коктейлями перед обедом. Не знаю, удобно ли?

– На этот вечер ты уж никак не можешь опаздывать. Не беспокойся, я тебя найду.

– Если у тебя какие-то проблемы...

– Нет никаких проблем. А теперь скажи: «До свидания». Не хочу, чтобы ты опаздывал.

– Ладно, пока. Ах да, Риа, а почему ты задержалась? Работа?

– Расскажу, когда увидимся.

Риа повесила трубку, прежде чем Тейлор успел еще что-либо сказать. Сегодняшний вечер – великий вечер. Тейлор Маккензи приводится к присяге в качестве мэра города, в честь него и проводится официальный банкет в бальном зале самой большой гостиницы города.

Риа промчалась в спальню, скинула туфли, сбросила жакет. Обычно строгая аккуратистка, на этот раз Риа раскидала одежду по всей комнате на пути в ванную. Горячий душ придал ей сил.

Но и он не мог взбодрить ее лучше, чем радость, наполнявшая сердце миссис Маккензи. После обеда Риа была на приеме у своего врача.

Зная, что времени до банкета в обрез, она явилась точно в назначенный срок, но как назло именно в это время у доктора случился срочный вызов. Риа дважды просмотрела от корки до корки «Нэшнл джиогрэфик» и узнала о жизни

крупных диких животных гораздо больше, чем того хотела, пока, в конце концов не была приглашена в смотровой кабинет.

Но то, что сообщил ей доктор, сторицей окупило долгое ожидание и связанное с ним раздражение: Риа находилась в добром здравии, и не было никаких ограничений на возобновление супружеских отношений.

У Риа все еще дрожали руки, когда она вставляла в уши сережки. Сегодня, вернувшись домой, она сообщит Тейлору добрую весть. Мысль об этом неизменно вызывала у Риа легкое головокружение. С того самого полудня «пробуждения» они с Тейлором превратились в две капли воды на раскаленной сковороде. Они готовы были шипеть от сжигающего их взаимного желания.

По этой причине они предупредительно избегали даже легких прикосновений. Тейлор не стал снова спать с женой, как она того ожидала и на что надеялась. В ту ночь и во все последующие ночи Тейлор спал в кабинете на своем проклятом диване.

Риа пыталась вычислить, в чем было главное отличие их занятий любовью в тот полдень. Как и прежде, они были наполнены страстью, но появилось нечто новое – сила. Риа и Тейлор вошли в ту фазу сексуальных отношений, когда отдавать хочется больше, чем брать. Страсть, поднятая этим чувством, напугала их обоих.

Они изо всех сил старались сохранять в доме непринуж-

денную и дружескую обстановку, но под этой внешней ровностью отношений скрывалось мощное невысказанное чувство. Продлись подобное состояние чуть дольше, и оба они просто взорвутся от невыносимого давления. Но теперь все позади, больше терпеть не надо.

Риа была абсолютно уверена, что, как только они с Тейлором возобновят сексуальные отношения, вопрос о разводе отложится в долгий ящик.

Вечер был достаточно мягким, чтобы надеть то же платье с блестками, которое было на ней в вечер накануне Рождества. Риа подушилась духами, которые больше всего любил Тейлор, бросила в серебристую сумочку салфетки и губную помаду, схватила ключи от машины и вышла опять же через черный ход.

Риа могла поклясться, что ноги ее не касаются земли.

Большинство присутствующих на предобеденном коктейле уже перекочевало в бальный зал несколькими этажами ниже. Тейлор же позволил себе минуту передышки в опустевшем номере. Оглядевшись, он обнаружил, что в комнате остался только один человек – Лиза Бартон.

Прекрасно смотревшаяся в черном облегающем платье, выгодно оттенявшем ее белокурые волосы, стоя за баром, Лиза приветливо улыбнулась Тейлору.

– Налить?

– Нет, спасибо, мне нужно спешить вниз.

– Ты не мог бы уделить мне минутку, Тейлор? Мы с тобой почти совсем не общались последние недели.

– Кажется, тебя это устраивало.

Лиза размешала пальцем приготовленный коктейль и осушила фужер.

– Ты обвиняешь меня в том, что я расстроилась из-за твоей женитьбы за моей спиной на этой женщине, как ее там – Лавендер?

– Ее зовут Риа, – раздраженно поджал губы Маккензи. – А «винить» – слишком сильное определение. «Удивиться» подошло бы гораздо больше. Я удивлен тем, что тебя расстроила моя женитьба. Мы никогда не запрещали друг другу встречаться с другими.

– Встречаться, но не жениться.

Тейлор был опытным политиком, чтобы понять, где ему уготовлена ловушка. Инстинктивно почувствовав, что пора ретироваться, он направился к выходу.

– Прошу прощения.

– Тейлор, прости меня. – Лиза схватила поравнявшегося с ней Маккензи за рукав. – Мне казалось, между нами было понимание.

– Было. Понимание того, что между нами нет никакого понимания.

Лиза взглянула на Тейлора из-под ресниц.

– Я не осознавала, как много ты для меня значишь, пока не потеряла тебя. Я скучаю по тебе.

– В самом деле?

Отставив фужер, Лиза прижалась к Тейлору и обняла его за шею. Своей грудью он почувствовал нахальные, не стянутые лифчиком груди Лизы.

– Очень. И я знаю, что ты скучаешь по мне.

– С чего ты взяла?

Самодовольная улыбка Лизы была подобна улыбке искусственного любителя детективов, с первой главы раскусившего коллизию одного из романов Агаты Кристи.

– То, что вы делаете в постели с женой, не идет ни в какое сравнение с тем, что делали мы с тобой.

– Это разные вещи, – дипломатично заметил Тейлор.

Лиза прижалась к Тейлору слегка раздвинутыми бедрами и, стиснув их, почувствовала, как поднимается и твердеет его плоть под тонкой тканью брюк.

– Оставайся со своей женой, Тейлор, – прошептала Лиза. – Я была замужем и поняла, что брак – это не для меня. Мне нравится быть независимой. И еще мне нравишься ты. Очень. – Она терлась о Тейлора, точно кошка с течкой. – Мы оба здравомыслящие люди. Я не вижу причин, почему бы нам не продолжать, как раньше, когда ты еще не попал в сети Риа Лавендер и не сделал ей ребенка.

Глаза Маккензи похолодели, и он отрезал:

– Риа не беременна.

– Теперь уже нет, – злобно усмехнулась Лиза. – Но была. Ведь ты поэтому женился на ней? Когда это случилось? В

сочельник, после Грэхемов? – Ее глаза сузились. – Представляю себе весь сценарий. Ты разозлился на то, что я поехала кататься на лыжах без тебя. На вечеринке встретил в меру смазливую девицу, не возражавшую скоротать ночку. Вы отравились в постель вдвоем. Ах, ну что за дело? Я прощаю тебя, дорогой. Ты же мужчина. Кому, как не мне, знать твою силу? Кстати, – озорно добавила Лиза, – я там тоже зря времени не теряла с одним инструктором по лыжам.

Лиза сложила губки бантиком и издала чмокающий звук: – Я вышла из этого жаркого боя без потерь. Ну разве не обидно, что ты залетел? Бедный мальчик, ты совершил благородный поступок и женился на девушке. И зря.

У Тейлора хватило здравого смысла не реагировать на укусы Лизы. Он не был с ней согласен, но и не собирался вступать в дискуссию для выяснения отношений. Но как ни странно, грязная интерпретация случившегося показывала его в каком-то новом свете. А Риа тоже так к этому относится? До сих пор считает, что она для него не более чем предмет для удовлетворения похоти?

Черт возьми, до сих пор Тейлор никогда не рассматривал ситуацию с точки зрения Риа.

Надо будет все прояснить. Как можно скорее. Он не может позволить Риа продолжать думать, что она была и до сих пор остается не более чем удобным инструментом для любовных утех.

Но прежде следует разобраться с Лизой. Тейлор притво-

рился что разговор ему наскучил.

– Ты сама не понимаешь, что несешь, Лиза. Она откинула голову и расхохоталась.

– Еще как понимаю! Делия Стар не дура выпить, Тейлор. Помни об этом, когда в следующий раз будешь давать ей интервью. Всего несколько порций виски, и язык у нее размазывается, точно нитка с катушки, и Делия выбалтывает все.

– И что ты намерена делать с этой информацией? Шантажировать меня? И какова цена твоего молчания – сексуальные взаимоотношения? Должен ли я разыгрывать роль жеребца, чтобы заставить тебя молчать?

– Я никогда не унижалась до подобной глупости. – Лиза сунула руки под пиджак Тейлора и ущипнула его за соски. – Но люди интересуются своим новым мэром и его женой. Я могу ляпнуть что-нибудь в разговоре, сама того не желая.

– Потаскуха.

Лиза отпрянула, но тут же взяла себя в руки.

– Твоя правда. Но у меня куча денег. Я захожу в нужные социальные и политические круги. Ты не сможешь доставить себе удовольствие сделать меня несчастной. – Она потянулась и легко поцеловала Маккензи. – В чем проблема, Тейлор? Я не прошу тебя бросить жену. Я ничего не имею против нее, если только она не будет вмешиваться в наши с тобой отношения. Жена-брюнетка и любовница-блондинка. О чем еще может мечтать мужчина?

Лиза выдохнула вопрос в губы Тейлора, потом приподня-

лась на цыпочки и всем телом прижалась к нему. Ему пришлось обнять Лизу за талию, чтобы сохранить равновесие. Открытым ртом Лиза плотно накрыла рот Тейлора, принялась языком ласкать его губы.

В комнату ворвался поток свежего воздуха, что заставило Тейлора повернуть голову. В дверях стояла Риа. Она вся светилась и сверкала в своем платье с блестками. Гладкие черные волосы искрились так же, как платье, и глаза отражали тот же свет.

Но они были холодны как лед. Тейлор оттолкнул от себя Лизу.

– Риа!

– Добрый вечер, миссис Маккензи, – засмеялась Лиза.

– Добрый вечер, – холодно ответила Риа. Она перевела взгляд с Лизы на мужа. – Внизу мне сказали, что я могу найти тебя здесь.

– Риа, это совсем не то, о чем ты думаешь.

– Тейлор, до чего же ты банален. Надеюсь, ты будешь более красноречив в своей программной речи после присяги.

Повернувшись на каблуках, Риа вышла из комнаты. Тейлор отшвырнул Лизу в сторону и бросился вслед за женой, удалявшейся по длинному коридору к лифту, на полпути к которому Тейлору удалось ее догнать.

– Риа, подожди минутку.

– У нас нет минуты. Мы опаздываем на банкет.

– Ты остаешься?

Таково было наше соглашение, не так ли? – твердо спросила Риа. – Я остаюсь с тобой до официального вступления в должность. Я буду сидеть рядом с тобой во главе стола, улыбаться и делать вид, что не застучала тебя, всего обслуживленного, с твоей проституткой.

Риа зло ткнула кнопку вызова лифта. Двери открылись немедленно, и она вошла в кабину.

Тейлор поспешил за женой, но Риа не дала ему возможности вставить хоть слово.

– Похоже, ты несколько опередил события, когда говорил, что мы будем жить, как каждому заблагорассудится. Я поняла так, что это будет после сегодняшнего вечера. Очевидно, я ошиблась.

– Ты категорически отказываешься выслушать объяснения, да? – поинтересовался Тейлор, пока спускался лифт.

Риа сладко улыбнулась мужу:

– Пошел к чертовой матери!

– Не хочу, – процедил краешком рта Тейлор. Двери лифта уже открылись, и, как только они вышли, чету Маккензи тут же окружило множество людей, желавших обменяться рукопожатием с виновниками торжества.

Банкет начался сразу же, как только Тейлор и Риа сели во главе стола. Риа кусок не лез в горло: ее тошнило. В висках бешено пульсировала кровь. На глазах, казалось, вот-вот выступят слезы, хотя она изо всех сил пыталась их сдержать.

Риа никак не могла сосредоточиться на чем-то конкрет-

ном. Перед ее мысленным взором стояла только одна картина: Тейлор, обнимающий и целующий Лизу. Непреодолимое желание закричать, швырнуть чем-нибудь обуревало Риа, но она вела себя безупречно – как и полагается первой леди города.

Риа хотела было сказать внезапно больной и немедленно покинуть торжество, однако решила не доставлять удовольствия Лизе проявлением своего испуга. Но Тейлору это так с рук не сойдет. Если этот банкетный стол с бесконечной чередой заурядных блюд раздражал Риа, то уж для Тейлора присутствие здесь, должно быть, стало сущим адом. Да уж, нелегкое дело разрываться между женой и любовницей во время обеда, на котором одна из них находится в центре всеобщего внимания. Все равно что на электрическом стуле. И Риа надеялась, что Тейлор на нем поджарится.

Наконец обед закончился. Официанты убрали со столов. Публика развернула стулья в сторону сцены, на которой ведущий выдавал шутки, такие же банальные, как улыбка на лице Риа.

Подбадриваемые ведущим, с краткими речами выступали различные чиновники. Все выступления были связаны со вступлением в должность нового мэра – Тейлора Маккензи.

– А теперь, – возвысил голос ведущий, – я намерен попросить Тейлора Маккензи и его очаровательную супругу Риа подняться ко мне на сцену для церемонии принятия присяги.

Риа остолбенела. Она никак не предполагала, что ей тоже придется подниматься на сцену и стоять на ней рядом с Тейлором. Маккензи подхватил жену под локоть и помог ей подняться. Публика бурно аплодировала, пока Тейлор и Риа шли между рядов к подиуму.

Позже Риа никак не могла понять, как выжила в те несколько минут, в течение которых Тейлор произносил слова присяги. Голос его звучал чисто и ясно. Риа понимала, что он был полон юмора, напора и страстности. Голос мужа проникал в мозг, подобно наркотику. Он убаюкивал, заставляя верить, что принадлежит человеку, на которого можно положиться. Человеку, хранящему верность жене. Но Риа-то знала другое.

После приведения к присяге Маккензи улыбнулся рукоплескавшей ему аудитории, а потом повернулся к жене и одал ее улыбкой; наклонившись, поцеловал коротким поцелуем. Овация переросла в бурю, от которой зазвенели даже хрустальные люстры над головами.

Как только Тейлор отпустил Риа, ведущий провел ее на место, а Маккензи подошел к микрофону. Речь его была красноречива и интересна. Доверительный тон, заразительный оптимизм и энтузиазм. Когда он закончил, все как один вскочили на ноги.

Инстинктивно поднялась и Риа, аплодируя своему мужу-обманщику.

После этого осталось только еще раз совершить круг по-

чета и пожать всем руки на прощание. Риа и Тейлор дожидались в гараже, когда служитель пригонит их машины. Первым подали автомобиль Риа. Она села в машину и уехала, оставив Тейлора нетерпеливо дожидаться свой «корвет».

Риа едва могла вести машину. Из головы вылетели самые элементарные навыки управления автомобилем и правила дорожного движения. Она хотела сразу же поехать к себе домой, но вспомнила, что не взяла ключи. Поэтому придется заехать к Тейлору.

Не выключая двигатель, Риа взбежала по ступенькам и открыла парадную дверь. Сумасшедшие поиски по всему дому наконец закончились тем, что Риа нашла запасную связку ключей. Она уже направилась к выходу, когда перед ней материализовался Тейлор, преградивший ей путь.

– Прочь с дороги, Тейлор.

– Не уйду.

– Не хочу ничего от тебя слышать и знаю, что ты не хочешь слушать меня, так что, прошу тебя, давай не усложнять друг другу жизнь.

– А что ты хотела сказать, чего бы я не хотел слушать?

Риа бросила на мужа свирепый взгляд.

– Что ты – презренная, двуличная, лицемерная сволочь.

– Почему ты так считаешь? Ошеломленная Риа отступила на шаг.

– Может быть, по твоим понятиям и в порядке вещей женатому человеку лизаться со своей бывшей любовницей, но

я придерживаюсь иных принципов.

– Я не целовал Лизу.

– В таком случае мне приснился чертовски реалистичный сон. – Риа попыталась отстранить Тейлора со своего пути, но тот и не пошевелился, А поменявшись с Риа ролями, подтолкнул ее назад в комнату и закрыл за собой дверь. Риа смерила мужа непокорным взглядом. – Тейлор, не будь ребенком, Я не останусь здесь с тобой ни минутой дольше. Прекрати хулиганить и выпусти меня.

– Не выпущу, пока ты не узнаешь, что было на самом деле.

– Я была свидетельницей тому, что было на самом деле! – закричала Риа. – Либо вы пылко целовались, либо один из вас делал другому интенсивное искусственное дыхание. К тому же она, кажется, при этом производила еще и прямой массаж сердца. – Вспомнив руки Лизы, ласкающие грудь Тейлора под пиджаком, Риа пришла в ярость: – Как ты мог? Как же тебе повезло, что вас застучала именно я! Боже мой, ведь любой мог зайти в тот момент в комнату и увидеть, чем вы занимаетесь. И все – конец твоей карьере, над которой ты так долго бился. Неужели этот поцелуй того стоил? О чем ты только думал?

– О тебе.

Риа недоверчиво посмотрела на Тейлора. Его поддразнивание настолько разозлило ее, что из глаз у нее брызнули слезы.

– Иди к черту. Прекрати играть со мной в такие игры. Я

этого не заслужила.

– Ты заслужила, чтобы я положил тебя животом на свою коленку и как следует отшлепал по одному месту за скоро-спелые и неверные выводы.

– Что? Я тебя застучала с поличным в объятиях экс-любовницы. Но погоди, – Риа невесело хохотнула, – выходит, Лиза вовсе и не «экс», да? Все это продолжалось за моей спиной с самого начала? Или возобновилось чуть позже? После выкидыша, когда я не могла исполнять свои функции?

Мускулы на скулах Тейлора напряглись.

– Лучше тебе остановиться, пока не ляпнула грубость, о которой потом пожалеешь.

– Я не буду жалеть ни о какой грубости, которую ляпну тебе. Да и нет слов, достаточно грубых, которые я хотела бы ляпнуть тебе. – Риа повернулась спиной к Тейлору, сокрушаясь, что вырез на платье слишком глубокий. Она чувствовала обиду и унижение. – Какой же я была душой, что, во-первых, переехала к тебе, а во-вторых, что потом дала уговорить себя остаться. – Риа опять повернулась к Тейлору. – Что, я не права? Жена придает тебе респектабельность, затыкает рты злопыхателям. Ребенок был бы еще одним положительным фактором.

Возможно, ты даже посчитал, что тебе повезло, когда я пришла к тебе в офис и сообщила о беременности. Посчитал, что тут можно и рыбку съесть и туда-то сесть. Так? Я была отличным прикрытием для твоих грязных интрижек.

Но теперь довольно, Тейлор. Я оставалась с тобой из чувства долга и данных тебе обязательств – не более. Я их выполнила. Финиш. Головоломка решена.

Грудь Риа теснило. Глаза ее сверкали, как два изумруда. Вытянутые по бокам руки сжались в кулаки. Каждый волосок на голове трепетал от охватившего ее негодования. Сама она дрожала, как натянутая до предела струна.

По логике Тейлор должен был «поджечь хвост» и рухнуть от ран, нанесенных ему злым язычком Риа. Но вместо этого он спокойно спросил:

– Ты закончила.

– Я сказала достаточно.

– Я имею в виду твой припадок, а не наши отношения.

– И в том и в другом случае – да.

– Прекрасно. Теперь помолчи и послушай меня. – Тейлор направил на Риа указательный палец. – Половина из сказанного тобой – полнейший вздор. – Риа открыла было рот, чтобы протестовать, но Тейлор взглядом заставил ее замолчать. – То, что ты оставалась здесь из чувства долга и моего желания прикрыть собственную задницу, – абсолютная чепуха. Ты оставалась, потому что сама этого хотела. И я просил тебя остаться, потому что хотел, чтобы ты осталась. Так что давай не обманывать друг друга тем, что кто-то из нас руководствовался альтруистскими мотивами.

– Хорошо, будь по-твоему: мы оба виноваты в этом странном браке. Но я по крайней мере была верна.

– Я тоже!

– Я не гуляла на стороне и не распускала язык. И, я. Сегодня вечером я впервые после Рождества говорил с Лизой с глазу на глаз.

– И, конечно же, ринулся наверстывать упущенное. – Риа снова повернулась к мужу спиной.

На этот раз он подошел к ней, взял за руки и развернул к себе лицом.

– Я даже не целовал ее, – процедил Тейлор сквозь зубы. – Это Лиза меня целовала.

– Какая разница?

– Принципиальная.

– Ты обнимал ее.

– Она заставила меня потерять равновесие ровно за секунду до того, как ты вошла.

– И ты думаешь, я этому поверю?

– Это правда.

– Не сомневаюсь, что ты имеешь не менее убедительное объяснение и тому, что ее руки были у тебя под пиджаком.

– Имею. Она ласкала меня, а не я ее, запустив руки под платье.

– Ха!

Тейлор грубо выругался.

– Она осталась после того, как, все ушли. Она напала на меня, а не наоборот.

– Хорошо еще, что я не застукала вас вместе в постели. В

этом случае ты, вероятно, попытался бы убедить меня, что Лиза тебя насилует.

– О-о-о! – Тейлор воздел сжатые кулаки к потолку.

– Если ты такой уж невинный, почему же, тогда оставался с ней? Почему просто не ушел?

– Из-за того, что она мне сообщила.

– Сплетни? Никогда не знала, что ты ими интересуешься.

Испепеляющий взгляд Тейлора должен был бы растопить Риа в лужицу эктоплазмы.

– По-видимому, она напоила Делию Стар. Лиза знает о нашем ребенке и выкидыше.

Тейлор слово в слово пересказал свой разговор с Лизой. Риа обхватила себя руками. Ей было оскорбительно, что Лиза знает о ребенке, которого потеряла Риа.

– Получается, ты слушал ее, чтобы спасти свою шкуру.

– И твою.

Риа рассмеялась.

– А чтобы быть более убедительным, ты возбудился.

Лицо Тейлора виновато побледнело.

– С чего ты взяла, что я возбудился?

– Я видела, Тейлор. – Риа указала глазами на ширинку. – Когда ты повернулся, у тебя явно... – Риа запнулась, потом, собравшись с духом, выпалила: – Стоял!

Тейлор сделал к ней два угрожающих шага, взял руки Риа и прижал их к паху.

– Да, у меня стоял.

– Прекрати!

– И теперь стоит. И знаешь почему?

– Я не хочу...

– Не на Лизу. На тебя. Тебя. Она говорила о тебе, моей жене-брюнетке. Говорила, что то, чем мы занимаемся в постели, должно быть, хорошо. – Риа не опустила рук, но продолжала прижимать их к паху Тейлора. – После ее слов я только и мог думать, что о нас с тобой в постели.

– Я тебе не верю.

Тейлор запустил пальцы свободной руки в волосы Риа и отклонил ее голову назад. Он горячо и прерывисто дышал ей в лицо.

– Нет, веришь. Я потерял голову с того самого раза, как увидел тебя. Твоя палочка для канапе тогда, в сочельник, сразила меня наповал. Никогда еще не испытывал я желания такой силы. И оно не проходит, Риа, а только усиливается, и ты, черт возьми, прекрасно это знаешь. В собственном доме я не могу есть, спать, что-то делать, потому что мной владеет одно желание – обладать тобой, которое я должен скрывать, чтобы не спугнуть тебя. Я мечусь и ворочаюсь на этом проклятом диване в кабинете, представляя тебя в моей постели, желая быть там, с тобой. Рядом с тобой. В тебе. Желание быть глубоко в тебе было настолько сильно, что я боялся тронуться рассудком, если немедленно не сделаю этого.

Тейлор поцеловал Риа крепко и зло, насильно открыв ее губы своими.

– Ты знаешь, что я был верен тебе в браке. Черт тебя возьми, Риа, ты это знаешь. А теперь – поцелуй меня.

Злость, казалось, всякий раз действовала на них должным образом: она часто становилась искрой, вызывавшей короткое замыкание. Риа обмякла в объятиях Тейлора. Шея ее расслабилась, голова откинулась назад, предоставив полную свободу действий языку Тейлора, который проник сквозь ее губы и ласкал рот.

Риа развернула атласные лацканы смокинга Тейлора и крепко прижалась грудью к его груди. Наклонив голову, он поцеловал ее в шею и спустился ниже – к глубокому вырезу на груди.

– Я хочу тебя. О Боже, как же я хочу тебя!

– Сегодня... почему я опоздала... Я была у врача. – Голова Тейлора дернулась, глаза его сверкали, как два уголька. – Отнеси меня в постель, – хрипло закончила Риа.

Не теряя ни секунды, Тейлор подхватил Риа на руки и понес ее по темному дому в спальню. С потолка на кровать лился единственный лучик света, превращая ложе в оазис чувственности в пустыне царившего вокруг мрака.

Они раздели друг друга. Продолжительные поцелуи несколько отвлекали их от этого занятия, и они с наслаждением наблюдали наготу партнера. Руки Тейлора бегали по телу Риа легко, проворно. Риа наклонилась вперед и ласково укусила Тейлора в волосатую грудь, скользнув рукой вниз живота.

Они не стали обременять себя разбором постели и легли прямо на меховое покрывало. Когда Тейлор раздвинул ноги Риа и принялся ласкать ее плоть, она была уже мокрой, но он продолжал погружать свои пальцы все глубже, пока Риа не впала в транс от охватившего ее желания.

Тейлор вошел в нее одним мягким движением и замер надолго, млея от ощущения того, как плотно ее плоть облекла его плоть.

– Я делаю тебе больно?

– Нет.

Тейлор уткнулся лицом в шею Риа.

– Последние две недели, с того самого утра, в госпитале, я только и делал, что умирал от желания вот так быть в тебе.

– Знаю. Я тоже. Дождаться не могла, когда же мы с тобой снова сможем заняться любовью.

Тейлор поцеловал Риа в губы. Потом в грудь. Потом начал двигаться. Все быстрее. Позже, лежа рядом с женой, Тейлор сказал:

– Риа, между мной и Лизой ничего нет. Ничего.

– Я знаю.

– Знаешь? Зачем же ты тогда подвергла меня этой пытке?

Риа прижалась щекой к щеке мужа.

– Я думала, что умру, когда увидела вас в объятиях друг друга. По правде говоря, я, не думала, что ты нарушил брачную клятву, просто хотела удостовериться.

– А не ты ли всего; две недели назад; предлагала мне за-

вести себе любовницу?

– Да, но я не это имела в виду, – поморщившись, призналась Риа. – Когда я увидела тебя с Лизой, мне стало очень больно, я пришла в бешенство, я ревновала.

– Ревновала?

– Ну а что почувствовал бы ты, застукав меня с Гаем?

– Ревность. Злость. Желание убить. То же самое я испытываю, когда думаю о том, как он прикасался к тебе.

– Он никогда ко мне не прикасался. Сбитый с толку, Тейлор уставился на Риа:

– Что?

– Гай никак не мог бы стать отцом моего ребенка не только потому, что ему удалили протоки. – Риа опустила руку на щеку мужа. – Я никогда не спала с ним, Тейлор.

Тейлор выдохнул то ли ругательство, то ли молитву. Потом поцеловал Риа с такой нежностью, что у той на глазах выступили слезы.

– Ты самая очаровательная женщина из всех мною встреченных. Женственная, но сильная. С собственным мнением, но тактичная. Настоящая леди, но страшно сексуальная. Возбуждающая и изысканная. Ты сводишь меня с ума и возбуждаешь, как ни одна из женщин, которых я знал.

Риа рассмеялась:

– Спасибо.

Кончиком пальца Тейлор обвел кружок вокруг соска Риа.

– Я не очень тебя тороплю?

Риа опустила глаза.

– Но я ведь не жалеюсь.

– Прости. Но я так долго хотел тебя, что теперь никак не могу насытиться.

– Я тебя прощаю, – прошептала Риа, придвигаясь к Тейлору. – Можешь есть, пока не насытишься.

Глава 10

На следующее утро Тейлор подвез Риа на работу и зашел с ней в ее офис. Едва закрыв за собой дверь, он заключил жену в объятия и поцеловал.

– На вкус ты гораздо приятнее яичницы с беконом. Думаю, с сегодняшнего дня я буду есть на завтрак исключительно тебя.

Колени Риа ослабли, точно так, как они слабели этой ночью, когда Тейлор целовал подколенные ямочки.

– Спасибо, что подвез.

– Всегда к вашим услугам. – Тейлор положил руку на ее спину.

– В котором часу заедешь за мной?

– В половине шестого.

– Я буду готова.

– Гм-м-м, я тоже. – Двусмысленность фразы была более чем очевидной, но чтобы закрепить ее, Тейлор еще раз поцеловал жену. Собравшись уходить, Маккензи с порога еще раз мельком взглянул на нее. – Риа? Ты что, плачешь?

– Плачу? Нет, разумеется. Не говори глупости.

– Мне показалось, у тебя слезы на глазах.

– Это из-за солнца глаза слезятся.

Риа подошла к окну и поправила шторы, чтобы солнечные лучи не падали так прямо. Тейлор взял Риа за плечи и

повернул к себе.

– Ты уверена, что все в порядке? Утром ты была совсем уж какая-то притихшая.

– Ты не давал мне особой возможности говорить: мы только и делали, что целовались после пробуждения.

Тейлор многозначительно усмехнулся.

– Лучшего времяпрепровождения с утра я не представляю. – Он чувственно погладил губы Риа большим пальцем. Риа отвела лицо. Тейлор опустил руку. – Ну хорошо, давай поговорим.

Что-то в движениях Тейлора, засунувшего большие пальцы рук в кармашки жилета и принявшего какой-то высокомерный вид, заставило Риа прикусить губу. Он был раздрадован тем, что она не ответила на его заигрывания и ласки. А она что, дрессированная кошка?

– Не говори со мной таким снисходительным тоном, Тейлор.

– Сказать по правде, я уж и не знаю, каким тоном мне с тобой говорить. Мы только что провели вместе замечательнейшую ночь. Она должна войти в анналы эротики, если таковые существуют. Утром я чувствовал себя так, словно покорил Эверест; а ты скуксилась, как царевна Несмеяна. Что с тобой? Неужели ты не счастлива? Ничто тебя не радует.

– Да, когда мы в постели – это бесподобно.

– Так в чем проблема?

– Мы не можем прожить в постели всю жизнь, Тейлор.

– Я бы не возражал. – Он вновь усмехнулся и подмигнул ей, но, увидев растущее раздражение Риа, моментально посерьезнел. – Прости. Я не собирался остричь.

– Нет, собирался. И все время только и делаешь, что остришь. И брак наш не более чем шутка.

– Так почему же ты не улыбаешься?

– Почему ты мне не позвонил? – резко спросила Риа.

– Гм-м-м. Когда не позвонил? О чем ты?

– После сочельника.

– Сочельника? – эхом отозвался ошеломленный Тейлор.

– Да, сочельника. Помнишь?

– А-а-а, помню. Это было бесподобно.

– Бесподобно сексуально.

– Не говори так. Там все было бесподобно. Много чего замечательного было, прежде чем мы оказались на твоей кушетке.

– Так почему же ты не попросил меня повторить то же самое?

Тейлор отвернулся и уставился в окно. Риа была подавлена: она поставила мужа в неловкое положение. Тейлор, не хочет говорить на эту тему, так что же? Она будет умницей и оставит его в покое. Но не смогла. Точно это был больной зуб, который постоянно хочется трогать языком. Чем сейчас Риа и занималась.

– Ты забыл обо мне, как только все закончилось?

Тейлор обернулся.

– Нет, черт возьми, нет. Я думал о тебе. Только о тебе и думал недели напролет.

Почувствовав чрезвычайное облегчение, Риа опустилась на ручку стоявшего рядом кресла.

– Насколько мне известно, все это время мой телефон был исправен, – мягко заметила она.

Губы Тейлора тронула улыбка.

– Хотел позвонить тебе, Риа. Разумеется, хотел, но... не мог себя заставить.

– Почему?

– По одной причине: я стеснялся. – От удивления Риа открыла рот. – Да, стеснялся.

– Но ты же говорил, что у тебя до меня была масса коротких романов.

Тейлор запустил руки в волосы.

– Были. Хотя не так уж и много. Но сейчас я несколько отличаюсь от себя пятнадцатилетней давности. – Тейлор посмотрел на жену. – У меня были случайные, быстротечные романы, но до самого нашего Рождества ни один из них не захватывал меня так полно. То, что произошло с нами, было каким-то... колдовством... Не могу даже подобрать определения. Я ужасно перепугался. Я не хотел извиняться перед тобой и не мог сказать тебе о своих чувствах, потому что сам не знал, что они означают, а потому счел лучшим выходом – просто игнорировать их.

– Понимаю.

– Нет, думаю, не понимаешь. – Тейлор сел в кресло напротив Риа. – Мое первое впечатление о тебе, что ты недостижима. Красноречива. Забавна. Казалось, ты все можешь получить в этой жизни, стоит тебе захотеть. В тебе совершенно не было противоречий. Ты добилась феноменальных успехов в своей профессии: У тебя был Гай, хотя тогда я еще не знал, каким ничтожеством является мой соперник. Я представлял себе твоего избранника с лицом Мэла Гибсона, телом Брюса Дженнера и интеллектом Сэма Шепарда. – Риа засмеялась. – Это сейчас все выглядит забавно, а тогда мне казалось, что в твоей жизни нет ни одной щелочки, в которую я мог бы пролезть. Ты не подала ни одного сигнала бедствия. Прошла мимо меня по-настоящему цельной натурой, благополучной леди. И я боялся быть отвергнутым, если позвоню тебе.

Риа впитывала в себя слова Тейлора, но никак не могла понять его до конца, словно в цепи, которую она составляла, не хватало одного звена.

– Тейлор, ты рассердился, когда я впервые сказала тебе о ребенке. Почему?

– Потому что он снова сводил нас вместе. Когда ты первый раз позвонила моей секретарше с просьбой о встрече, я не мог поверить своей удаче. Я сразу же приготовился пригласить тебя на ужин. Несмотря на то, что ты явилась строго деловая и ошетилившаяся как дикобраз.

– Сработал защитный механизм.

– Тогда я об этом не знал. – Тейлор встал и подошел к

Риа. Взяв в ладони ее лицо, спросил: – Риа, почему ты не пригласила меня остаться в рождественское утро?

– По той же причине, по которой ты мне не звонил, – хрипло ответила Риа. – Стеснялась, стыдилась себя. У меня никогда еще не было любви на одну ночь. Я знала, что ты постоянно встречаешься с другой женщиной. И помнишь, проснувшись, я увидела, как ты на цыпочках крадешься к выходу. Я решила, что ты получил все, что хотел, и сматываешься, чтобы избавиться себя от сцены расставания.

Тейлор наклонился и нежно поцеловал жену.

– Нет, Риа, если бы ты пригласила меня остаться на завтрак, я никогда бы не ушел.

Совершенно сбитая с толку, Риа посмотрела на мужа.

– Честно?

Тейлор кивнул.

– Кажется, мы проморгали уйму полезного времени со своей осмотрительностью, а Тейлор выпрямился и посмотрел на часы. – Кстати, о времени. Через пятнадцать минут у меня заседание городского совета по бюджету.

– Тогда тебе стоит поторопиться. – Риа проводила Тейлора до двери. – Первый день после присяги и тебе нельзя опаздывать.

– Уверена, что все в порядке?

Риа указала пальцем на дверь:

– Марш!

Быстро поцеловав жену, Тейлор поспешил к машине. За-

крыв за ним дверь, Риа прислонилась лбом к холодному дереву. По щекам ее текли слезы. Риа нетерпеливо смахнула их.

– Черт! Что это со мной?

Она решительно закатала рукава рубашки и принялась за работу. Но очень скоро поняла, что не может сосредоточиться на разложенных на чертежной доске планах дома. Мысли ее неизменно возвращались к их с Маккензи браку. Тейлор, кажется, считал само собой разумеющимся, что все у них идет по первому классу. Так оно и было. Они совместимы. Сексуальная жизнь – просто фантастика. Так что же ее гнетет?

Риа хотелось, чтобы Тейлор сказал, что любит ее, а он этого не сказал. Так просто.

Может, Тейлор из породы мужчин, неспособных любить?

Но Риа была из породы женщин, для которых любовь – основа отношений в семье.

Лавендеры показали ребенку от которого отказались родители, как волшебное чувство любви может изменить судьбу человека. Поэтому любовь была жизненно важным компонентом ее существования.

И не важно, сколь захватывающими могли быть другие аспекты ее семейной жизни с Тейлором: любовь, самый существенный ингредиент, была опущена. А без основного компонента невозможно приготовить блюдо, каким бы вкусным оно ни казалось по рецепту.

После ужина они сходили в кино. Было уже поздно, и Тейлор ехал медленно. Его фальшивое подпевание звучавшей по радио песенке действовало Риа на нервы. Настроение у нее было словно оставленное сушиться на веревке выстиранное белье, снова намоченное неожиданным ливнем. Весь день она провела в молчаливых дебатах с самой собой на тему, что же ей делать дальше.

Риа пришла к заключению, что ей следует оставить Тейлора, прежде чем желание взаимной любви с его стороны сожрет ее заживо. Чего никак не могла сообразить Риа, так это с чего начать объяснение с мужем.

– Куда ты едешь? – спросила она.

– Ты говорила, что у тебя дома еще остались какие-то вещи, которые ты хотела бы забрать. Думаю, сейчас самое время заехать за ними.

– О-о-о, спасибо.

Я все думал по поводу «твоего дома» и «моего дома». Зачем нам два дома? Ты собиралась делать пристройку к своему дому. Почему бы не конвертировать эти планы и не приспособить их к моему дому? Мы могли бы это сделать, а? Если тебе, конечно, по душе моя идея.

– Получится прекрасный домик, – без энтузиазма согласилась Риа.

– Или мы можем продать оба дома и купить один, побольше. Как ты думаешь?

– Тейлор, я не знаю.

Риа устало высунула руку в открытое окно и подперла ею голову. Она думает, как ей собрать тело и душу, когда она покинет Тейлора, а он рассуждает о каких-то домах! Да она готова в палатке с ним жить, если только Тейлор скажет, что любит ее.

– Ну ладно, подумай над этим.

– Хорошо.

Тейлор снова принялся подпевать радио. Когда же Риа уменьшила громкость, ясно намекая на желание остановить Тейлора, он удивленно спросил:

– Что-нибудь не так?

– Ты не умеешь петь.

– Я не пел, я подпевал.

– Подпевать ты тоже не умеешь.

– Сдаюсь. Так и хмуришься?

– Я не хмурюсь.

– Не надо меня дурить. Ты сходишь с ума, потому что я сегодня не звонил?

– Нет, я и не ждала такого рода постоянной заботы с твоей стороны.

– Почему? Все-таки я твой муж.

У Риа сдавило горло.

– Да, ты мой муж.

– А разве большинство мужей не звонят женам в определенное время дня, чтобы только сказать «Привет!» и спросить, нужно ли по дороге домой прихватить хлеба и молока?

– Это только в кино.

– Прошу прощения. Не звонил и не проверял. Сегодня я был очень занят. Миллион поручений. Дела. Между прочим, я заехал в банк и положил некую сумму на твой счет. У тебя там почти ничего не осталось.

Риа подскочила на сиденье.

– А откуда ты знаешь, сколько денег на моем счете?

– Посмотрел баланс в твоей чековой книжке. Чего ты так разозлилась? Я ведь положил деньги, а не снял.

– Просто я хотела бы, чтобы ты прежде посоветовался со мной.

– Ах, тогда, может быть, лучше сказать тебе, что я оформил страховые полисы на нас двоих персонально, определив друг друга бенефициариями.

Риа молча смотрела на Тейлора. Он все глубже затягивает ее в семейную жизнь, в то время как она пытается сообразить, как безболезненнее расторгнуть их брак.

Прежде чем Риа смогла что-либо сказать, «корвет» на опасной скорости круто вошел в левый поворот. Выпрямившись, Риа увидела огни.

– Боже! Что это?

Крыша дома Риа была украшена рождественскими гирляндами. Парадный вход обрамляли мелкие разноцветные лампочки, в центре двери на крюке болтался святочный венок с ярко-красными бантами.

– Ты что, все еще не сняла с дома рождественское убран-

ство? – поинтересовался Тейлор, заруливая на подъездную дорожку.

– Сам знаешь, что сняла. Что происходит? Кто это сделал?

Риа не стала дожидаться, пока Тейлор откроет ей дверь, пулей выскочила из машины и побежала по ступенькам вверх. Дверь была даже не заперта. Риа вошла в дом.

Несмотря на теплую весеннюю ночь, в камине пылал огонь. Каминная решетка была украшена елочной гирляндой, а над ней стояли, вытянувшись, словно солдаты в строю, длинные красные свечи. Они горели и наполняли комнату запахом расплавленного воска. Рождественская елка в полном убранстве с подарочными коробками под ней стояла в углу, в котором сходились окна. То была свежесрубленная елка. В комнате стоял едкий хвойный аромат.

Разинув рот, Риа прошептала:

– Я не верю. Кто...

Глаза Риа застыли на шубе из чернобурки, которая, вместо того чтобы пылиться в шкафу, была расстелена на кушетке. – Краска ударила в лицо Риа. Она медленно повернулась. Тейлор стоял в дверях, подпирая плечом косяк. Лицо его было серьезно, но глаза смеялись.

– Во что ты не веришь, – с нежностью произнес он, – так это в то, что я люблю тебя. Я люблю тебя, Риа.

Тейлор тихонько затворил дверь, медленно подошел к жене и обнял ее за талию.

– Ты все это сделал.

– Я же говорил, что весь день был занят.

– Но...

– Почему я просто не сказал сегодня утром, что люблю тебя, когда ты, как тебе казалось, так ловко закидывала удочку? Потому что тогда ты решила бы, что я просто говорю тебе то, что ты хочешь услышать. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, решил я, это должно тебя убедить. Кроме того, я очень сентиментален и подумал, что, реконструировав Рождество, наилучшим образом выражу свою любовь. Сказано – сделано, но я молчал, чтобы это стало для тебя сюрпризом.

Риа обняла Тейлора и, повторяя его имя, потянулась, чтобы поцеловать.

– Меня убивало, что я живу с тобой, занимаюсь с тобой любовью и думаю, что эта связь односторонняя. Вчера наша совместная жизнь зашла в тупик, а ты ничего не сказал.

– Я предполагал, что нет никакого тупика.

– Я решила уйти от тебя.

– Вот этого я и боялся. Не того, что должен буду отпустить тебя. Если бы ты устала от наших отношений, мы сначала бы зверски посорились, потом устроили страшную оргию, потом ты ушла бы в твердой уверенности, что нас связывает только потрясающий секс.

– А это не так?

– Что – потрясающий? Это к слову.

– Нет. – Риа засмеялась, когда Тейлор прижал ее теснее и

пощекотал за ухом. – Не связывает ли нас только секс?

– Вряд ли. – Тейлор посмотрел на Рию и погладил ее волосы. – Сначала нас связывал ребенок. Потеря его могла разлучить нас, но этого не случилось. Беда только сделала нас ближе. До тех пор я не представлял себе, до какой степени люблю тебя. Смешно, но именно тогда, когда я не имел возможности спать с тобой, я по-настоящему полюбил тебя и стал думать о тебе как о своей жене.

Тейлор приподнял лицо Рию и нежно поцеловал. Потом, подняв на руки, поцеловал крепко и страстно.

– Я люблю тебя, Рию, – выдохнул он, опуская жену на пол.

– Я тоже люблю тебя. О Боже, как же я тебя люблю! Сердце мое разбилось, когда ты оставил меня в то рождественское утро.

– И у меня разбилось оттого, что я оставил тебя.

– Но теперь я останусь. Мы снова переживем ту ночь.

– На кушетке? На шубе?

– Голые. На тебе ничего не будет, кроме отблесков огня и мечтательного выражения лица.

– А ты будешь горячим и твердым.

– Ты – мягкой и влажной.

Тейлор положил руки на грудь Рию, потом поласкал ее губами через ткань блузки. Издав томный вздох, Рию всем телом прижалась к мужу.

– Гм-м-м, дорогая, – сказал Тейлор. – Но прежде чем мы этим займемся, мне не хотелось бы, чтобы ты пропустила

самое интересное.

– Я бы тоже не хотела, – призналась Риа, растирая пальцами твердый бугорок под нагрудным карманом Тейлора.

– А ты будешь хорошо себя вести?

– А зачем?

Тейлор кивнул на дальний угол. Повернувшись, Риа хлопнула в ладоши и рассмеялась от удовольствия.

– О-о-о! Как же я этого не заметила? Самым волшебным из рождественских атрибутов была сценка со Святым семейством: деревянные овчарня под соломенной крышей, манекены, одетые в костюмы той эпохи, представлявшие всех действующих лиц, – Марию, Иосифа, пастухов и волхвов, три овцы в натуральную величину и даже ясли с куклой, изображавшей младенца Иисуса.

Кукла была как живая. Она двигалась. Очарованная Риа увидела, как кукла открыла рот и издала крик, принадлежавший, несомненно, человеческому существу, никак не похожему на что-то божественное. Это был громкий, здоровый вопль, требующий немедленного вознаграждения.

– В переводе, полагаю, это означает: «Я ждала достаточно долго. Накормите меня», – прокомментировал стоявший за спиной Риа Тейлор.

Он легонько подтолкнул жену вперед. Риа вошла за ограду и склонилась к яслям, над которыми молотили воздух крошечные красные кулачки.

Пеленки были развернуты, и Риа увидела, что младенец

– девочка.

Тейлор прочистил горло и извинился за это единственное небольшое несоответствие.

– Я, разумеется, прошелся по всем роддомам в округе, но выбор был весьма ограничен: всех мальчиков разобрали. – Тейлор сунул одну руку под ягодицы, другую – под головку ребенка и извлек его из картонных яслей. – Но все равно она, в любом случае понравилась бы мне больше. У нее доминируют исконно американские гены: видишь эти скулы, прямые черные волосы? Она напоминает мне тебя. И к тому же малышка была так одинока – родители от нее отказались.

– На правах мэра я расшевелил кое-какие окружные организации. Они согласились отдать нам девочку на испытательный срок. Согласились даже доставить ее сюда и прониклись таким уважением к моей необычной просьбе, что выделили даже сиделку, которая улизнула отсюда через черный ход, когда мы вошли. Если мы решим, что малышка нам нравится, то завтра можем пойти в суд и оформить все необходимые документы.

Лицо Риа было мокро от слез радости.

– Ты хочешь сказать, что она... она...

– Наша. – Тейлор передал ребенка Риа. – Счастливого Рождества, любимая.